человек загадка

Владимир
ШИГИН

ПИРАТ
И РЫЦАРЬ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

ДРЕЙК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Английский мореплаватель, вице-адмирал и руководитель пиратской экспедиции в Вест-Индию; перевозчик рабов из Гвинеи в Южную Америку и в то же время организатор и участник ряда успешных морских походов с целью захвата судов испанских работорговцев и грабежа испанских владений; он совершил второе после Магеллана кругосветное плавание и фактически командовал английским флотом при разгроме испанской Непобедимой армады. Все это он — таинственный и легендарный «пират Её Величества» сэр Фрэнсис Дрейк!

Знак информационной продукции 12+

Научно-популярное издание

- Предисловие
- Жизнь после смерти
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Эпилог

Предисловие

Его имя боготворили при жизни и боготворят вот уже более четырех веков. Его проклинали как исчадие ада, а именем его пугали детей. И сегодня, при его упоминании, миллионы людей меняются в лице, как меняются истинные христиане при упоминании в их присутствии имени сатаны.

Одни считали, и по сей день считают, что этот человек был настоящим божьим посланником, призванным спасти родину от вражеского нашествия. Другие, наоборот, полагали и полагают, что он — настоящее исчадие ада, а если все же он и был посланником, то не иначе как посланником самого дьявола. Удивительно, но каждый из боготворящих или проклинающих был по-своему прав, ибо этого человека звали Фрэнсис Дрейк.

Искусный мореплаватель и удачливый первооткрыватель, талантливый флотоводец и жестокий пират, неутомимый искатель наживы и храбрый воин, азартный авантюрист и настоящий патриот своего Отечества — все это он, Фрэнсис Дрейк. В жизни этого человека было столько самых невероятных приключений, что их с лихвой хватило бы на десяток жизней. Именно он завершил эпоху великих географических открытий, и именно он положил начало эпохе классического океанского пиратства.

Вокруг имени и деяний Дрейка всегда была завеса таинственности, о его невероятной удачливости ходили легенды. Этому способствовала прежде всего и сама его фамилия, имевшая несколько значений, так или иначе связанных с морем. Drake в переводе с английского может означать как «селезень», так и «небольшой шлюпочный якорь». Еще одно, пожалуй, самое удачное значение фамилии Дрейк — «дракон».

Известно, что никто и никогда не переводит фамилии с одного языка на другой, их принимают как есть, без всякого перевода. Исключение из этого правила (одно из немногих за всю историю человечества) было сделано именно для Дрейка. Это осуществили яростно ненавидящие Дрейка испанцы. Даже в официальных испанских документах XVI века Фрэнсис Дрейк значился под именем El Drague, означающим как по-английски, так и по-испански конкретно дракона. Именно поэтому многочисленные морские подвиги Фрэнсиса Дрейка и теперь нередко называют «полетом дракона». Для англичан эти полеты были блистательными, для испанцев они были смертельны.

Вот уже несколько столетий все новые и новые поколения людей не перестают удивляться невероятным подвигам «морского

дракона», все новые и новые поколения исследователей пытаются разгадать загадку его феномена. Дрейку посвящают научные и исторические трактаты, приключенческие книги, документальные и художественные фильмы. Его по-прежнему чтут или ненавидят, однако он и его дела по-прежнему никого не оставляют равнодушными.

Каким он был — «морской дракон» Фрэнсис Дрейк? Что сумел он свершить такого, что человечество помнит о нем и сегодня, спустя четыреста лет? Все ли тайны его жизни уже раскрыты, или же и ныне остались в ней неведомые нам страницы? На все эти вопросы я и попытаюсь ответить в этой книге.

Жизнь после смерти

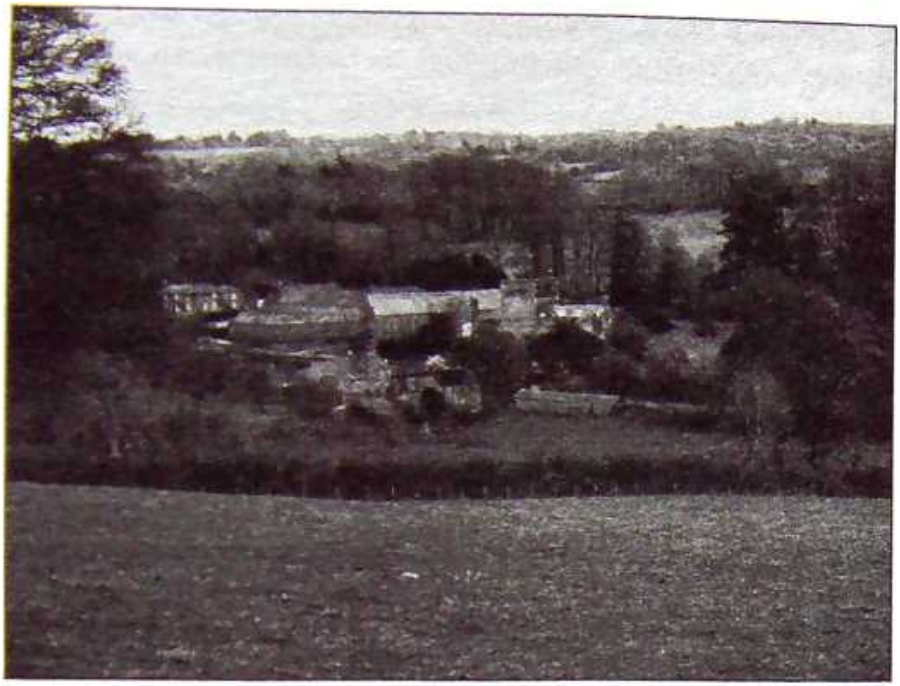
Согласно многочисленным легендам, Дрейк, будучи настоящим волшебником, мог творить чудеса, а потому он вовсе не умер, как все смертные люди, а погрузился в вечный сон, готовый пробудиться, как только Британия снова подвергнется опасности.

Среди испанцев еще при жизни адмирала-пирата возникла вера в то, что дьявол в образе Дрейка владеет неким волшебным зеркалом, которое позволяет последнему видеть корабли в самых разных частях света, что у Дрейка какое-то сверхъестественное чутье на золото, запах которого он чувствует за тысячи миль.

Все эти дары были даны английскому мореплавателю, разумеется, не случайно. Если верить еще одной испанской легенде, сэр Фрэнсис еще в ранней молодости продал душу дьяволу в обмен на удачу на морях. Удивительно, но эту легенду тотчас переняли и боготворившие Дрейка соотечественники, причем говорили они о сделке Дрейка с нескрываемым восторгом, будучи при этом в своем подавляющем большинстве истинно верующими людьми. Очевидцы утверждали, что именно Дрейк сумел навлечь жесточайшие штормы на испанскую Армаду при поддержке дивонских ведьм, с которыми он якобы водил дружбу с раннего детства и которые всегда ему помогали. Даже сегодня, спустя четыре века, англичане твердо верят, что призраки подружек Дрейка, тех самых «дрейковских» ведьм, и в наше время можно увидеть ненастной погодой темной ночью на Мысе Дьявола, что защищает от ветров проход к Девонпорту. Кроме этого существует поверье, что дьявол был настолько доволен подвигами Дрейка, что в награду за все им содеянное буквально за три дня построил своему любимцу дом в Бакленд-Эбби. Этот «дьявольский» дом Дрейка сохранился, и каждый желающий может лично оглядеть апартаменты знаменитого адмирала-пирата, чтобы проникнуться обаянием его личности. Слов нет, даже на своих портретах Дрейк выглядит удивительно обаятельным, а потому вполне верится, что на его кораблях никогда не было бунтов и команды буквально обожали своего капитана не только за всегдашнюю удачу, но и за человеческое отношение, умение пошутить, приободрить, а когда надо, и прикрикнуть.

Согласно молве, сэр Фрэнсис некогда использовал свои волшебные чары и для обеспечения жителей Плимута новыми источниками питьевой воды: для этого он просто произносил какое-то только ему известное заклинание над источником в

Дартмуре и приказал воде следовать за ним до Плимута.



Вид на Бакленд-Эбби

Дрейк шел по дороге, а вслед за ним по обочине бежал водный поток.

В другой легенде рассказывается о том, как Дрейк однажды обстругивал кусок дерева, сидя на утесе Плимут-Хоу. При этом каждая его стружка, падая в море, тут же превращалась в боевой корабль с полным вооружением. И сегодня многие в Англии считают, что именно так их страна и стала великой морской державой!

А потом знаменитый мореплаватель влюбился в некую Элизабет Сайденхем — девушку из аристократической семьи. Однако ее титулованные родители вовсе не хотели родниться с пиратом, пусть даже и с весьма удачливым. Делать нечего, и Дрейк ушел в очередной поход, чтобы разбогатеть, взяв при этом со своей любимой слово, что она его непременно дождется. Сначала Элизабет ждала Дрейка, но минул год, потом второй, а от него все не было никаких вестей. Затем поползли слухи, что Дрейк и вовсе погиб. Родители не теряли времени даром и подыскали ей вполне приличную партию. Воля девушки постепенно слабела, и в конце концов она согласилась стать женой другого человека. Но в тот же миг о готовящейся свадьбе узнал и Дрейк, хотя и был на другом конце света. Пират тотчас

велел зарядить пушку и выстрелил ядром в небо. Свадебная церемония только началась, как к ногам невесты внезапно с неба упало пушечное ядро.

— Это знак от Дрейка! Он жив и скоро вернется! — закричала Элизабет и тут же отказалась от навязанного ей жениха.

Когда же Дрейк вернулся с моря, она вышла за него замуж. И ныне легендарное «пушечное ядро» (метеорит размером с футбольный мяч) хранится в Кум Сайденхем-хаусе, и каждый может оценить как способности легендарного моряка, так и оригинальность самой легенды.

Несмотря на приписывавшиеся ему волшебные чары, Дрейк все же, как известно, потерпел поражение от испанцев в Вест-Индии. В следующем же году он и вовсе умер на борту своего судна у побережья Панамы, недалеко от Пуэрто-Белью. Похоронили Дрейка в море весьма достойно, привязав к его ногам два серебряных ядра. Сделано это было якобы для того, чтобы и на том свете покойник не пребывал в бедности…

Доподлинно известно, что, когда известие о смерти знаменитого пирата достигло Испании, там несколько дней подряд шли народные гуляния, праздничные карнавалы, корриды и благодарственные молебны в церквях, столь радостна была для испанцев смерть Дрейка.

Но и после смерти Дрейк не перестал творить чудеса во славу своего Отечества. Так, говорят, что, уже находясь на смертном одре, сэр Фрэнсис распорядился о том, чтобы его любимый барабан, который он возил с собой по всему свету и считал приносящим удачу талисманом, после его смерти отправили на вечное хранение в дом адмирала — Бакленд-Эбби в Девоншире.

При этом сэр Фрэнсис, умирая, якобы, сказал, что, как только его родине будет угрожать опасность, то пусть соотечественники бьют в этот барабан, и он сразу же воспрянет ото сна, чтобы привести Британию к новым победам на морях. Эта легенда о Дрейке весьма напоминает сказания о других национальных героях Англии — короле Артуре и Диком Эдрике, которые тоже обещали вернуться из царства мертвых в случае опасности, грозящей их родине, но «дрейковский вариант» легенды имеет соответствующий военно-морской акцент.

Вместе с барабаном вдове были переданы меч и Библия адмирала. Легендарный барабан и сегодня может увидеть каждый желающий, он висит на стене в большом зале Бакленд-Эбби.

Легенда о барабане легла в основу стихотворения Генри Ньюболта «Барабан Дрейка», впервые напечатанного в «Сент-Джеймс газетт» в 1895 году. Стихотворение Ньюболта весьма удачно использовалось для поднятия патриотического настроения

во время Первой мировой войны. Вспомнили о нем и во Вторую мировую, вновь напечатав в августе 1940 года. В обоих случаях за публикациями следовали сообщения очевидцев о том, что барабан Дрейка снова подал свой голос.

Существует целый ряд версий о барабане Дрейка. Народная молва утверждает даже, что этот барабан принимается стучать сам по себе всякий раз, когда Великобритании угрожает опасность. Так, говорили, что звуки этого барабана слышали перед Трафальгарской битвой. Такой случай якобы имел место и в 1914 году перед началом Первой мировой войны, когда барабан внезапно застучал на дредноуте «Роял Оук» («Королевский дуб»). Дважды были предприняты попытки узнать, откуда происходят эти таинственные звуки, но они результатов не дали. А барабан адмирала Дрейка находился в это время за 800 миль от места события, в Баклендском аббатстве. Барабанный бой повторился на этом же линейном корабле в 1916 году, когда удалось выманить в открытое море весь германский флот и сразиться с ним в знаменитом Ютландском сражении. В последнем случае, как говорят, дробь одинокого барабана одновременно раздалась на всех британских кораблях, едва те сомкнули кольцо вокруг немцев. По приказу командиров немедленно начался поиск таинственных барабанщиков, но никого, конечно, так и не обнаружили.

Английский писатель-маринист Дуглас Белл в книге «Дрейк», изданной в 1935 году, упоминает о любопытном происшествии, случившемся в 1918 году, когда германский флот сдался в проливе Скапа-Флоу. Британский флот стал приближаться к немецким судам, и на флагманском корабле «Роял Оук» загремел барабан и продолжал греметь с промежутками, пока флот не стал на якорь. Стали выяснять, кто это сделал, дважды посылали гонцов, и даже сам командующий провел личное расследование, но никакого барабанщика не нашли, а все матросы стояли в это время по своим местам. По флоту мгновенно распространился слух, что это гремел барабан Дрейка.

После этих случаев «Роял Оук» стал считаться плавающим талисманом английского военно-морского флота и «кораблем Дрейка». Несмотря на то что к моменту Второй мировой войны «Роял Оук» был уже достаточно устаревшим, свой флаг командующий флотом митрополии всегда держал именно на нем. Считалось, что таким образом, каждый новый командующий впитывает в себя дух Дрейка, а дух Дрейка непременно принесет удачу.

Впрочем, история с «Роял Оук» в конце концов закончилась весьма печально. Темной октябрьской ночью 1939 года стоящий

на якоре в главной базе британского флота Скапа-Флоу линкор был внезапно атакован немецкой подводной лодкой U-47 под началом Гюнтера Прина и взорван. Погибла большая часть экипажа (более 800 человек) во главе с главнокомандующим флотом метрополии адмиралом Блэнгроувом. И это в самом начале Второй мировой войны, когда вся Англия ждала, что на «Роял Оуке» вот-вот снова забьют барабаны спасителя страны! Шок от гибели корабля-талисмана был настолько силен, что Уинстон Черчилль решился объявить о катастрофе лишь некоторое время спустя. Однако англичане не растерялись и тут же заявили в печати, что «Роял Оук» взорвался лишь потому, что духу сэра Дрейка просто поднадоел этот старый корабль и он перебрался на другой. Самое удивительное, что в это как один человек поверила вся страна, сразу же начав со всей серьезностью обсуждение того, какой из новейших линкоров предпочтительнее для обитания духа сэра Дрейка.

Легенда о барабане легла в основу стихотворения Генри Ньюболта «Барабан Дрейка», впервые напечатанного в «Сент-Джеймс газетт» в 1895 году. Это стихотворение Ньюболта использовалось для поднятия патриотического настроения в 1916 году, во время Первой мировой войны. Вспомнили о нем и во Вторую мировую, вновь напечатав в августе 1940 года. В обоих случаях за публикациями следовали сообщения о том, что барабан Дрейка подал голос. Его звуки раздавались во время эвакуации после разгрома английских войск из Дюнкерка в июне 1940 года, а в сентябре 1940 года два армейских офицера клялись, что слышали его на побережье Гэмпшира. При этом нет никаких сведений о том, чтобы кто-то попытался вызвать Дрейка, ударив для этого в его барабан. Когда британские моряки слышали его дробь, он бил только сам по себе и только в час большой национальной опасности. В последний раз английские моряки слышали барабан Дрейка перед началом знаменитого Фолклендского конфликта с Аргентиной в 1982 году.

Английский писатель Р.Л. Хэдфилд приводит странную историю, касающуюся серебряной модели барабана Дрейка, подаренной британскому кораблю «Девоншир» в 1929 году. Обычно все, что связано с Дрейком, должно приносить морякам счастье, но на этот раз случилось иначе. С самого момента спуска на воду судно преследовали несчастья, включая взрыв в орудийной башне, унесший семнадцать жизней. Все — и офицеры, и рядовые матросы — решили, что виноват во всем барабан Дрейка, и поверили в это настолько твердо, что, когда корабль вышел в море в 1936 году, эту серебряную модель оставили на суще, в церкви Св. Николая в Девонпорте, где она

никому не может навредить. До наших дней дошло английское морское поверье: если, начав поднимать якорь, услышишь, барабанный бой — быть беде.

Барабан Дрейка. Реплика

В народном британском фольклоре сэр Фрэнсис фигурирует также как предводитель так называемой «Дикой охоты» — главаря группы призраков, преследующих, согласно народным поверьям, потерянные души. Но и в этом случае все его подчиненные призраки — исключительно бывшие моряки, да и преследуют они тоже только своих собратьев по морской стезе, прежде всего врагов Англии, а также тех, кто преступил закон военно-морской службы.

Но и это не все! В Англии вот уже несколько столетий бытует твердое убеждение, что в какой-то степени Дрейк обрел новое воплощение в других знаменитых британских адмиралах. То, что дух Дрейка в свое время вселился в победителя Абукир-ского и Трафальгарского сражений вице-адмирала Горацио Нельсона, сомнений не вызывает ни у кого. Об этом написано немало статей, сняты фильмы. Однако впоследствии вопрос переселения

дрейковского духа в новых флотоводцев решался уже не так просто. Так, в годы Первой мировой войны на право именоваться «вместилищем души Дрейка» претендовали сразу два британских адмирала: командующий Гранд-флитом Джелико и командующий эскадрой линейных крейсеров Битти. Между сторонниками двух адмиралов кипели страсти весьма нешуточные! То же самое повторилось и в годы Второй мировой войны, когда сразу несколько «партий» выдвигали своих кандидатов в претенденты на право принять в себя душу знаменитого пиратского адмирала. По мнению большинства англичан, в этот период главным претендентом на вместилище души сэра Фрэнсиса был командующий английским флотом на Средиземном море адмирал Кэнингхэм.

Удивительно, но, несмотря на столь большую любовь к своему кумиру, англичане со времен смерти Дрейка ни разу не назвали в честь него ни одного своего боевого корабля. Почему так случилось и что стоит за этой несколько странной традицией, остается тайной, которую, судя по всему, мы узнаем еще весьма не скоро.

Глава первая
ЮНОСТЬ ДРАКОНА

Во второй половине XVI века отношения между Англией и Испанией стали откровенно враждебными. Захватив Американский континент, Испания выкачивала из него невиданные дотоле в Европе богатства, что вызывало зависть у менее удачливых конкурентов, и в первую очередь у Англии. А потому даже во время мирных передышек Лондон сквозь пальцы смотрел на то, как предприимчивые англичане грабят прибрежные испанские города Америки, захватывают перевозящие драгоценные грузы в Испанию суда. Вражда торговая обострялась и враждой религиозной. Римский папа отлучил королеву Елизавету от церкви и освободил английских католиков от подчинения ей. А потому для фанатичных католиков-испанцев англичане были отъявленными еретиками, которых следовало сжигать. И их сжигали. Особенно охотилась за английскими еретиками инквизиция. В ответ англичане вешали пойманных испанцев. Испанский король Филипп Второй не кривил душой, когда говорил, что над его империей никогда не заходит солнце. Владения Филиппа охватывали половину Европы, три Америки, часть Африки и Азии. Никто в истории человечества не обладал таким царством.

В ту пору Испания находилась на пике своего величия. Буквально купаясь в почти дармовом американском золоте. Владения испанского короля Филиппа Второго были воистину необозримы, и Испанию тех лет можно смело считать первой в истории человечества мировой державой. Чего стоил лишь перечень титулов Филиппа Второго: защитник веры, искоренитель ереси; божьей милостью король Арагона, Кастилии и Леона, король Сардинии и Обеих Сицилий, король Наварры, Гренады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Кордовы, Мурсии, Альгравы, Корсиры, Альхесира, Гибралтара, Канарских островов, Ост- и Вест-Индий, островов и земель Моря-Океана, король Португалии, Алжира, Бразилии, островов Азорских и Зеленого Мыса, владелец колониальных факторий Гвинеи, Анголы и Мозамбика, повелитель Адена, Маската, Ормуза, Явы, Молуккских островов, Филиппин и Макао, великий герцог Австрийский, герцог Миланский, Лимбургский, Брабантский, Люксембургский, маркиз Антверпенский, граф Габсбургский, Бургундский, Тирольский, Барселонский, Фландрский, Артуа, Намюрский, Голландский, Зееландский,

Зутфенский, сеньор Бискайский, Молинский, Гронингенский, Утрехтский и Фризский, король Иерусалимский…

Педро де Авилес. Гравюра XVI в.

В золотых рудниках Америки ежегодно добывали больше золота, чем его было в Средние века во всей Европе. Флотилии тяжелых галионов, именуемых «золотыми флотами», везли и везли богатства Нового Света в порт Кадис, все более обогащая и без того фантастически богатый Мадрид. Но в этом богатстве крылась и слабость Испании, которая отныне фактически паразитировала на американском золоте и заморской торговле.

Испанцы зверски расправлялись с теми, кто осмеливался появиться в американских водах и тем более высаживаться на побережье испанской Америки. Когда, к примеру, бежавшие из

Франции гугеноты образовали свое небольшое поселение во Флориде, испанский король немедленно направил туда карательный отряд под началом некоего Педро де Авилеса. Все население, включая женщин и детей, было вырезано, причем не потому, что они были французы, а потому, что протестанты.

— То, что Педро де Авилес убил их, — это хорошо! — публично заявил король Испании, узнав о массовом истреблении французских гугенотов.

Надо ли говорить, что протестанты платили католикам-испанцам той же монетой и столь же неистово истребляли их, если предоставлялась такая возможность.

* * *

Что касается нашего героя, то Фрэнсис Дрейк родился в семье фермера на ферме Кроундейл, располагавшейся близ местечка Тейвисток в английском графстве Девон в начале 40-х годов XVI века. Более точная дата его рождения неизвестна. Отдельные историки приводят в качестве предполагаемого года рождения Дрейка 1539, 1541, 1543 или даже начало 1544 года.

Отец нашего героя Эдмунд Дрейк был истовым протестантом, вследствие чего был обвинен в подрыве веры. Когда Фрэнсису исполнилось десять лет, семья была вынуждена покинуть Девоншир и бежать в Плимут. По другой версии, Дрейки бежали из-за политики огораживания, практиковавшейся тогда в Англии и разорявшей крестьян. Во время восстания католиков, поощряемого королевой Марией Тюдор, Дрейки были вынуждены бежать уже из Плимута. На этот раз на судне, капитаном которого был брат Эдмунда Ричард. Теперь Дрейки поселились недалеко от Чэтема.

Жили Дрейки весьма бедно, постоянно ожидая репрессий со стороны католиков. А потому приверженность протестантизму, как и фанатичную ненависть к католикам, Фрэнсис Дрейк пронесет через всю свою жизнь. Семья была большой. Кроме Фрэнсиса было еще одиннадцать детей.

Биограф Ф. Дрейка К. Малаховский: «Фрэнсис Дрейк родился на ферме в Кроундейле, недалеко от Тенвистонна, в Девоншире. Год его рождения неизвестен. Вероятнее всего, это был 1545 г. И вот почему. Ферма принадлежала родителям отца Фрэнсиса — Джону и Мэри Дрейкам. Землю, на которой находилась ферма, они арендовали у сэра Джона Рассела, впоследствии графа Бэдфорда, приближенного Генриха VIII. У Джона и Мэри Дрейков было несколько сыновей. Старший из них, Джон, жил с

родителями, и ферма перешла к нему. Младший, Эдмунд, был моряком и вернулся на ферму лишь в 1544 г. Видимо, тогда же он женился, а на следующий год у него родился первенец — Фрэнсис. Несмотря на огромную разницу в социальном положении, семья Дрейков была тесно связана как с семейством Расселов, так и Хокинсов. Старший сын Джона Рассела, Фрэнсис, был крестным отцом сына Эдмунда Дрейка, который получил его имя».

Несмотря на бедность, отец смог кое-чему научить сына. По крайней мере Дрейк умел читать и писать, хотя читал до конца жизни по слогам, а писал безграмотно. Помимо этого впоследствии он уже сам выучился говорить по-французски. Все биографы отмечают, что Дрейк с молодых лет обладал несомненным талантом оратора. Он мог столь красиво и убедительно говорить, что убеждал в своей правоте самых упрямых оппонентов. Впоследствии это очень ему поможет.

В десятилетнем возрасте Фрэнсис был отдан в ученики к шкиперу маленького каботажного суденышка «Юдифь», где учился азам мореходства. Школа эта была весьма суровой. Из свидетельств современника о рядовых буднях мореплавателей того времени: «Не было ни капли воды для омовения лица; спать приходилось в той же одежде, так что она истлевала на теле. Мясо и овощи портились в три дня. Пищу готовили в котлах, кои промывались забортной водой. Мыло было неведомо. Трюмы очищали дымом и уксусом только в конце кампании. Больные лежали на соломе». И это было нормой тогдашней матросской жизни, а ведь зачастую бывало и многим хуже…

В 1558 году после смерти Марии Тюдор к власти приходит королева Елизавета, которая восстанавливает англиканскую церковь. Хокинсы снова помогли Эдмунду, и в январе 1561 года он получает повышение — становится викарием церкви, находившейся в Кенте. В том же году меняется и судьба Фрэнсиса. Умирает владелец судна, на котором плавал Фрэнсис, завещав ему «Юдифь». Так в 16 лет Фрэнсис стал капитаном и владельцем небольшого барка «Юдифь» водоизмещением в 50 тонн.

По другой версии, столь престижное назначение Дрейка состоялось вовсе не из-за любви к нему умирающего шкипера, а потому, что «Юдифь» принадлежала Джону Хокинсу. Вторая версия назначения Дрейка шкипером мне кажется более реальной. Несмотря на то что биографы Дрейка объясняют столь ранее назначение шкипером исключительно талантами будущего знаменитого мореплавателя. Все же, думается, столь серьезное назначение для мальчишки состоялось прежде всего в силу его

родственных отношений с семьей Хокинсов. Возможно, что и сам выбор профессии так же состоялся не без участия Хокинсов. Планы у семейства Хокинсов были большие, а потому еще один толковый человек в клане был вовсе не лишним. Английский историк Энтони Н. Райан признает этот факт: «Дрейк сумел выдвинуться благодаря своим способностям и кровному родству с Хокинсами, известной семьей в Плимуте, которая старалась опровергнуть, если понадобится, то силой, претензии испанцев и португальцев на торговую монополию с их колониальными империями».

К моменту возмужания Дрейка плимутские купцы уже вовсю торговали с Россией, но в Архангельске, куда ходили коллеги Хокинса, все же приходилось торговать уважительно и на равных. Прибыль, разумеется, была, но хотелось большего. А потому взоры плимутских купцов обратились в сторону Вест-Индии. Там было где развернуться! Во-первых, можно было заняться контрабандной продажей товаров, доставкой африканских рабов в испанские колонии, ну, а кроме того, при случае и откровенным разбоем в тех же колониях.

* * *

Сам Джон Хокинс слыл среди коллег весьма предприимчивым человеком, удачно сочетавшим в себе качества купца и пирата. Еще в 1560 году Хокинс появился в Лондоне, где начал убеждать местных банкиров поддержать его работорговую экспедицию в испанскую Америку. Подобным ремеслом в Англии еще никто не промышлял. Толстосумы сомневались. Хокинс был настойчив:

— Испанские колонисты весьма нуждаются в африканских рабах, а португальцы в Африке сами возить рабов в Америку боятся из-за угроз Мадрида, но всегда готовы продать их посреднику по самой дешевой цене. Отсюда следует простой вывод: и португальцы в Африке, и испанские колонисты в Америке будут счастливы появлению любого судна, которое возьмется доставлять дешевых рабов на плантации. Не сегодня, так завтра этим займутся французы, так стоит ли нам отдавать им то, что может стать нашим?

Последний аргумент был весьма убедителен, и «денежные мешки» решили рискнуть. Любопытно, что деньги в торговлю черными ротами вложили глава Московской торговой компании сэр Лионель Дакетт и лорд-мэр Лондона сэр Томас Лодж.

Уже осенью 1562 года три судна под началом Хокинса взяли курс к берегам Гвинеи. Начинающий работорговец быстро

сговорился с португальскими работорговцами и, набив трюмы четырьмя сотнями рабов, взял курс к далекой Эспаньоле. Впрочем, португальцы тоже были не промах и на всякий случай (если про нелегальный сбыт негров прознают испанцы) объявили, что Хокинс захватил шесть их судов, которые везли невольников и слоновую кость.

На Эспаньоле повторился тот же цирк. Хокинс, прибыв к местному губернатору Лоренцо Берналдесу, заявил:

— Желаю продать негров!

Губернатор ответил то, что должен был ответить в силу своей должности:

— Согласно приказу Его Величества короля Испании, я не имеет права покупать ваших негров!

После сего ритуального действа Хокинс высадил на берег матросов. Под пальбу холостых пушек те вошли в город, а местные жители столь же спокойно из него вышли. Ближе к ночи в город вернулись торговцы и без посторонних совершили сделку. После чего Хокинс покинул Эспаньолу. Обе стороны остались довольны и сделкой, и теми мерами безопасности, которыми она была обставлена. Возвращение Хокинса в Англию было триумфальным. Каждый из членов «синдиката» получил хорошую прибыль, а сам Хокинс купил большой дом в престижном Сити, неподалеку от Тауэра. Кроме этого по ходатайству графа Лейстера (которое, думается, было весьма небескорыстным!) королева Елизавета даровала Хокинсу дворянство. На его гербе отныне красовалась… фигура связанного черного раба. Сегодня на обладателя такого герба смотрели бы как на преступника или сумасшедшего, но тогда таким гербом гордились!

Ободренный первым успехом, Хокинс начал готовить следующую экспедицию. Однако испанский посол в Лондоне, узнав об этих намерениях, заявил резкий протест английской короне. И снова начались игры. Хокинса призвали в адмиралтейство. Там был разыгран спектакль для испанского посла. Вначале лорды адмиралтейства немного пошумели на мореплавателя.

— Клянусь своей честью, что не буду нынче плавать к берегам Вест-Индии! — заявил на это смиренно Хокинс и был немедленно отпущен на все четыре стороны.

Любопытно, что слово свое он формально сдержал. Когда в ноябре 1566 года его флотилия вышла в море, ею командовал помощник Хокинса Джон Лоувелл. Эта экспедиция для нас интересна прежде всего тем, что в ней участвовал и получил боевое крещение Фрэнсис Дрейк.

Историк К. Малаховский так пишет об этой экспедиции и о

роли в ней нашего героя: «Когда Фрэнсис узнал о готовящейся Хокинсом новой экспедиции в Карибское море, он, не колеблясь, предложил ему свои услуги. Положение Фрэнсиса в экспедиции Лоувелла неизвестно. Ясно, что он не был ни капитаном, ни владельцем какого-либо из судов, участвовавших в этом плавании. Данные о том, как проходила первая половина плавания, можно найти только в португальских источниках. Согласно этим сведениям, Лоувелл на пути к берегам Гвинеи захватил пять португальских кораблей, на которых находились негры, а также груз воска и слоновой кости. Один из кораблей с захваченным грузом Лоувелл отправил в Англию, а с остальными четырьмя направился к берегам испанской Америки. В Карибском море Лоувелл встретил французскую эскадру, которой командовал известный корсар Жан Бонтемпс. Дальше английские и французские корабли продолжали плавание вместе. В Рио-де-ла-Хача, небольшом поселении на побережье Колумбии, Лоувелл предложил испанцам купить привезенных рабов. О том, что за этим последовало, мы узнаем из отчета главы местной администрации Мигуэло де Кастелланоса испанскому королю Филиппу. Кастелланос сообщал о победе, которую испанцы в этом маленьком городке одержали над двумя корсарскими армадами: одной французской, а другой английской. Победа была одержана силами 60 местных жителей, неопытных в военном деле и плохо вооруженных. Этот необыкновенный успех Кастелланос объяснял исключительно Божьей помощью и „умением нашего капитан-генерала“, который доводился Кастелланосу родным братом. При поспешном бегстве Лоувелл якобы оставил на берегу негров. Кастелланос спрашивал короля, можно ли распределить этих негров среди населения города, которое заслужило это своей храбростью. Хокинс также объявил о неудаче экспедиции Лоувелла, объяснив это „простоватостью моих заместителей, которые не знали, как делаются подобные дела“.

На самом деле и на этот раз англичане с испанцами и французами разыграли очередной спектакль, причем спектакль в несколько действий, где присутствовала и имитация захвата португальских судов, и имитация боя храбрых колонистов с коварными пиратами, и „хеппи-энд“ с блестящей победой и „случайно“ забытыми на берегу неграми. Что и говорить, Джон Хокинс был не только прекрасным купцом, но и талантливым режиссером!

Когда Лоувелл вернулся в Плимут, неутомимый Хокинс уже заканчивал подготовку к новой экспедиции. Новое предприятие обещало быть фантастически прибыльным. Дело в том, что в

Лондоне Хокинс встретился с некими португальцами Антониу Луишом и Андре Гомемом, которые доверительно сообщили Хокинсу:

— Нам известен еще не захваченный португальцами район Африки, где имеются богатейшие месторождения золота.

— Но как туда добраться? — сразу насторожился дядя Дрейка.

— Мы покажем туда дорогу!

Надо ли говорить, что Хокинс тут же оповестил о такой новости в адмиралтействе. Вскоре новость дошла и до ушей королевы. Разумеется, что организацию экспедиции поручили именно Хокинсу.

Деньги на нее весьма быстро дали торговцы Сити. Свой взнос сделал лорд адмиралтейства Винтер. Что касается королевы Елизаветы, то она выделила два боевых корабля и велела укомплектовать эскадру пушками из королевского арсенала. Разумеется, что тем самым королева приобретала и свою долю в будущей добыче. Сам Хокинс включил в отправляющуюся флотилию четыре своих собственных судна.

Но и испанцы уже не дремали. Едва до испанского посла де Сильва дошли слухи о новой затеваемой пакости Хокинса, он немедленно оповестил Мадрид.

К Плимуту была направлена испанская эскадра. Помимо этого де Сильва заявил ноту английской королеве:

— Хокинс ведет свои суда для ремонта, — не моргнув, соврала королева. — Я же готова принять вашу эскадру в Плимуте со всей английской любезностью!

Тем временем, испугавшись мести испанцев, исчезли португальцы Луиш и Гомем. Надо было что-то срочно предпринимать, и Хокинс предложил королеве новый план:

— Черт с ними, с неведомыми золотоносными землями. Я предлагаю еще раз продать негров в Вест-Индию. За успех отвечаю головой!

Разумеется, что план Хокинса Елизавета приняла без всяких раздумий.

Свой флаг Хокинс поднял на подаренном королевой 64-пушечном корабле с весьма необычным названием „Джизес-оф-Любек“ (что значит „Иисус из Любека“). Любопытно, что, несмотря на коммерческий и частный характер экспедиции, флагман Хокинса был выкрашен в цвета британского королевского флота — зелено-белый.

2 октября 1567 года флотилия в шесть вымпелов во главе с „Джизес-оф-Любек“ оставила за кормой Плимут. Помимо него в состав флотилии входили суда: „Миньон“, „Уильям и Джон“,

„Ласточка“, „Ангел“ и „Юдифь“. Последним, самым маленьким, командовал Фрэнсис Дрейк. При этом он же являлся и владельцем суденышка. После своего возвращения из прошлого плавания Дрейк не пробыл в Англии и пары месяцев. Впрочем, уходя на этот раз в море, он оставил на берегу невесту. Но он успел за это время познакомиться с девушкой и принять твердое решение после возвращения из плавания жениться на ней. Позади у Дрейка остались годы юности и становления как моряка. Теперь наступила пора возмужания.

Глава вторая
КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

В ноябре корабли Хокинса подошли к африканским берегам. Но на этом удача оставила предприимчивого англичанина. Негров захватить не удалось, кроме этого вылазки на берег заканчивались серьезными потерями. Самого Хокинса ранили отравленной стрелой, и он едва остался жив.

Единственно, что удалось, — захватить зазевавшуюся португальскую каравеллу.

После этого Хокинс повернул к Гвинее попытать счастья там. Там дела действительно пошли получше. Удалось договориться с одним из местных вождей. Тот навел англичан на соседнее племя, вследствие чего удалось захватить две с половиной сотни рабов. Помимо этого вождь дал Хокинсу еще две с лишним сотни своих соплеменников. Это уже была удача.

Спустя два месяца флотилия Хокинса подошла к Доминике. Двигаясь вдоль гряды Антильских островов, Хокинс распродавал рабов мелкими партиями.

В Кюрасао флотилия разделилась, чтобы быстрее распродать черный товар. Хокинс разделил свою эскадру "Юдифь" и "Ангел" под началом Дрейка взяли курс на Рио-де-ла-Хача.

С тамошним губернатором Кастелланосом англичане уже имели дело в прошлый раз и там. Никаких неожиданностей вроде бы не предвиделось. Сам Хокинс с остальной частью флотилии направился к Новой Андалузии. Прибыв к столице провинции Борбурате, Хокинс направил испанскому губернатору письмо, но торг не состоялся. Губернатор получил строжайшие инструкции гнать англичан взашей и нарушить их боялся. Расстроенный Хокинс поспешил вслед за судами Дрейка.

А у племянника к этому времени дела шли хуже некуда. Выполняя поручение Хокинса, Дрейк вовремя прибыл в Рио-де-ла-Хача и обратился к Кастелланосу за разрешением набрать пресной воды. Это был понятный всем пролог переговоров о продаже негров. Но Кастелланос, как и его коллега, на этот раз был настроен весьма решительно и тут же начал палить по судам Дрейка с береговых фортов. Удивленный Дрейк отошел на безопасное расстояние, бросил якорь и стал ждать прихода дядюшки.

Прибыв, Хокинс тут же прямо предложил губернатору купить у него рабов. Тот отказался. Тогда Хокинс высадил на берег двести солдат и начал обстреливать город. Переговоры

возобновились, и Кастелланос после некоторых раздумий согласился купить 60 рабов. Впрочем, в ходе торга Хокинс сумел продать их более полутора сотен. Оправдываясь перед королем, Кастелланос написал, что вынужден был заплатить 4 тысячи песо англичанам, чтобы те не сожгли город, а заодно выкупил захваченных ими соотечественников.

Продолжая свой торговый вояж, Хокинс обошел еще несколько испанских портов, где удачно распродал оставшихся негров.

Осечка вышла лишь в Картахене, где губернатор отказался вести всякие переговоры. Хокинс прибег было к проверенной методе — бомбардировке холостыми зарядами. Но испанцы ответили ядрами. Дело принимало нешуточный оборот. Высадить десант Хокинс не решился, так как местный гарнизон был серьезным.

24 июля Хокинс оставил за кормой негостеприимную Картахену.

— Мы берем курс на норд-вест к берегам Кубы. А затем, обогнув остров, проскочим мимо Флориды в Атлантику! — объявил он своим капитанам.

Наверное, на этом все перипетии этого плавания бы и закончились, если бы не сильный шторм, который серьезно потрепал суда флотилии.

Теперь, прежде чем пересекать океан, надо было где-то подремонтироваться. Пока же Хокинс искал удобную бухту, снова налетел шторм, который еще больше повредил суда. Что касается "Иисуса из Любека", тот держался на воде каким-то чудом. Было ясно, что еще одного шторма флотилия не выдержит.

— Может, лучше снять с "Иисуса" людей и груз, а самого затопить, пока не поздно? — высказал свое мнение Дрейк.

— Будь это обычное судно, то я бы и бросил его на поживу морским ведьмам! — ругался Хокинс, выхаживая по шканцам своего тонущего флагмана. — Но "Иисус" — собственность короны, и что я скажу Ее Величеству, когда она узнает, что из всех судов флотилии я утопил именно ее корабль?

Именно в это время Хокинс встретил три небольших каботажных испанца. Приглашенные "на стаканчик горячительного", их капитаны посочувствовали англичанам и дали добрый совет:

— У вас хороший корабль, и будет большим грехом, если вы его отправите на дно! Не лучше ли будет зайти в порт Сан-Хуан-де-Улоа, где есть хорошие мастеровые.

— Что это за порт? — насторожился Хокинс.

— Всего в 15 милях к зюйду от Вера-Круса.

Когда же после нескольких стаканов языки развязались еще больше, капитаны доверительно сообщили:

— В Сан-Хуан-де-Улоа живут весьма небедные люди, ведь именно оттуда вывозилось в Испанию серебро, что с рудников Мексики. Кстати, вы и сами сможете в этом убедиться, ведь скоро туда должен подойти из Севильи конвой за серебром.

— Как интересно! — кивал головой Хокинс, подливая своим разговорчивым гостям еще и еще.

Из дальнейших расспросов выяснилось еще много интересных деталей.

Затем Хокинс собрал совет. Решали, как быть дальше. Большинство высказались за атаку Сан-Хуан-де-Улоа. Сам Хокинс сомневался.

— Суда, перевозящие серебро, усиленно охраняются, — рассуждал он. — Испанцы говорят, что у капитан-генерала вест-индской торговли Менендес де Авилеса может быть до десятка вооруженных галионов сопровождения.

Наконец после долгих обсуждений Хокинс ударил кулаком по столешнице:

— И все же я решаю рискнуть! Надеюсь на вашу храбрость и свою счастливую звезду!

* * *

15 сентября 1568 года флотилия Хокинса вошла в Сан-Хуан-де-Улоа. Съехав на берег, Хокинс вступил в переговоры с местным губернатором.

— Я имею лишь самые добрые намерения и не собираюсь отбирать сокровища, подготовленные для отправки в Испанию, — заявил английский командующий. — Я прошу лишь разрешить починить свои суда и пополнить запасы воды.

Губернатор оказался в щекотливом положении. С одной стороны, между державами не было войны и отказать в гостеприимстве он не мог. С другой же стороны, при наличии в порту огромного количества серебра английские пираты были совершенно некстати.

— Вопрос слишком сложен, и решить его может лишь вице-король! — объявил в конце концов губернатор.

Делать нечего, и Хокинс отписал письмо вице-королю Мексики: "Будучи подданным британской королевы, любящей сестры короля Филиппа, я надеюсь на покровительство вице-короля в случае прихода в порт испанского флота". При этом хитрый Хокинс подстраховался, высадив небольшой отряд на

одном из островов залива, и установил там пуки. Теперь оставалось лишь ждать ответа.

А через двое суток появился и золотой конвой в тринадцать вымпелов во главе с королевским галеоном под флагом опытного Франциско де Луксана. Помимо этого на борту флагманского галеона находился новый вице-король Мексики Мартин Энрикес.

Увидев на входе в гавань англичан и разобравшись, что им надо, дон Мартин велел передать Хокинсу:

— Если вы беспрепятственно впустите мои корабли во внутреннюю часть гавани, я гарантирую вам свободный выход из нее.

— Ага, так я тебе и поверил!

Осторожный Хокинс передал вице-королю свой ответ:

— Во-первых, мне должна быть дана возможность купить продукты на берегу на деньги, которые я выручил от продажи находящихся у меня рабов. Во-вторых, мне будет дана возможность произвести ремонт судов. В-третьих, высаженные на острове английские солдаты должны находиться там до ухода моих судов как гарантия безопасности. И наконец, в-четвертых, для еще большей гарантии мы обменяемся дюжиной заложников.

Дон Мартин, которому передали требования Хокинса, был крайне возмущен:

— Какой-то проходимец и пират не верит вице-королю под его честное слово! Это просто возмутительно!

Передайте вашему предводителю, что если он не уступит, то я со своим флотом и тысячью солдат войду в гавань с боем!

Снова к "Иисусу" помчалась шлюпка под переговорным флагом.

Выслушав испанского посланца, Хокинс лишь хмыкнул, а затем велел передать:

— Если он вице-король, то я представляю здесь мою королеву, и, таким образом, я такой же вице-король, как и он, и если у него есть тысяча человек, то это лишь хорошая цель для моих пуль и ядер!

Минуло три дня, между тем никакого соглашения достигнуто так и не было. Наконец 20 сентября вице-король велел передать:

— Я принимаю все ваши условия!

На английских судах вздохнули с облегчением.

— Кажется, дело сдвинулось! — радовался вместе со всеми Дрейк, которому, как никому другому, хотелось побыстрее добраться до дома, где его ждала молодая невеста.

Хокинс прибыл на борт испанского флагмана, где подписал соглашение и произвел обмен заложниками. Под залпы салюта испанский флот вошел в гавань. При этом испанские суда

бросили якоря совсем рядом от английских. Ближе всех к испанцам оказался "Миньон". Капитаны испанских кораблей были весьма учтивы, но Хокинс все равно им не доверял. И, как оказалось, не зря! В это время вице-король уже приказал губернатору стянуть к набережной все наличные военные силы.

Минуло еще двое суток. Скопление на берегу испанских латников не ускользнуло от Хокинса. А затем между испанским судном и "Миньоном" неожиданно встало испанское судно, буквально переполненное солдатами. При этом "Миньон" с испанцем практически касались бортами. Положение осложнялось еще и тем, что к этому времени много англичан сошли на берег для закупки продовольствия и материалов для починки судов. При этом хозяева портовых кабаков проявили дотоле небывалое гостеприимство и буквально спаивали "дорогих гостей".

Встревоженный Хокинс послал протест вице-королю. Получив его, дон Мартин лишь поморщился:

— Передайте вашему Хокинсу, что я дал команду прекратить все перемещения по гавани. Пусть он успокоится.

Высокий дон нагло врал, так как к этому времени уже заканчивал последние приготовления к захвату английской флотилии.

На это Хокинс шлет второй протест, с которым посылает своего помощника Роберта Барретта.

— Этот англичанин не так-то прост, как кажется! — пришел в ярость вице-король, выслушав претензии Барретта. — Эта продувная бестия догадалась о моих планах! Настало время для решительных действий!

Отчаянно сопротивлявшегося Барретта тут же заковали в кандалы. Сам же дон Мартин поднялся на шканцы и взмахнул белым шелковым платком. Это был сигнал к захвату англичан. Мгновенно затрубили трубы, и давно ждавшие этой минуты испанские солдаты перепрыгнули на борт "Миньона". Поняв, что он обманут, Хокинс тоже начал действовать.

— Всем солдатам и матросам с "Иисуса" следовать на "Миньон"! — распорядился он.

Все суда располагались близко друг от друга, и Хокинс надеялся, что общими усилиями все же успеет отбить атаку испанцев.

А чтобы испанцам жизнь раем не казалась, "подвернув бортом, "Иисус" дал бортовой залп по испанскому младшему флагману. При этом одно из ядер попало в открытую крюйт-камеру, раздался оглушительный взрыв. Испанский корабль взлетел на воздух, погребя с собой более трехсот человек. Не

ожидавшие такого поворота испанцы бросили почти обреченный "Миньон" и бежали.

После этого уже начался общий бой, в который постепенно втянулись все стоявшие в гавани суда. Маленькие размеры гавани и огромная скученность двух десятков судов делали сражение взаимоистребительным. Впрочем, через некоторое время все заволокло клубами порохового дыма, и разобрать, где свой, где чужой, никто не мог.

Наверное, Хокинсу в тот день и удалось бы удержать верх, но в это время испанские войска захватили контролировавший вход в гавань островок и находившиеся там пушки, которые немедленно открыли огонь. Теперь флотилию Хокинса избивали со всех сторон.

Англичане дрались отчаянно, но силы были теперь уже слишком неравны. Вскоре одно за другим были уничтожены "Ангел" и "Ласточка". А горящий "Божье благословение" его капитан Бланд направил в сторону испанских судов, чтобы использовать хотя бы как брандер. Впрочем, и испанцы несли потери, потеряв в этой неистовой бойне четыре своих судна.

Что касается Хокинса, то он командовал боем с полным хладнокровием. Когда стало совсем невмоготу от испанских ядер, он позвал стюарда:

— Принеси-ка мне холодного эля, а то что-то становится жарковато!

Выпив пива из серебряного кубка, Хокинс поставил его на фальшборт. Мгновение спустя кубок был снесен очередным ядром.

— Вот негодяи! Это же был мой самый любимый! — лишь буркнул английский предводитель.

Обернувшись к изумленным увиденным артиллеристам, он крикнул:

— Эй, ребята! Теперь вам нечего бояться! Бог, который спас меня от этого выстрела, избавит нас от испанских предателей и негодяев!

Когда вскоре "Иисус из Любека" начал тонуть, Хокинс приказал "Юдифи" и "Миньону" подойти к нему. Первым подошел к флагману и ошвартовался с ним борт в борт Фрэнсис Дрейк. Несмотря на творившийся вокруг ад, Хокинсу удалось не только забрать людей, но даже перегрузить часть находившегося в трюмах товара.

Однако три сцепившихся судна были столь лакомой добычей, что дон Мартин просто не мог отказать себе в удовольствии атаковать их брандером. И вскоре к трем английским судам устремились сразу две горящие лайбы. Вид приближающихся

"ангелов смерти" вызвал у матросов панику. Время шло на какие-то минуты. Понимая, что "Иисус" уже обречен, Хокинс приказал рубить швартовые на "Юдифи" и "Миньоне".

— Бросаем флагман и прорываемся в море! — кричал он капитанам.

Сам Хокинс перепрыгнул на борт "Миньона" последним.

* * *

В сутолоке боя и в дыму обоим английским судам удалось вырваться из западни Сан-Хуан-де-Улоа. Однако до Англии они добрались раздельно, потеряв друг друга в штормовом океане.

20 января 1569 года "Юдифь" бросила якорь в Плимуте. Судно было в относительно неплохом состоянии, на борту находились 65 человек. Впрочем, на Дрейка выпала не слишком приятная участь отправиться в Лондон и донести королеве о несчастье. Однако, к его удивлению, Елизавета пропустила мимо ушей его рассказ о разгроме и заметно повеселела, когда Дрейк передал ей письмо от Хокинса. Последнее было еще более удивительно, так как Хокинс просил Елизавету возместить понесенные экспедицией большие убытки из средств, полученных от конфискации испанской собственности в стране. О причине столь странного на первый взгляд поведения королевы Дрейк узнает несколько позднее.

Что касается "Миньона", то его возвращение было весьма тяжелым. В силу сложившихся обстоятельств судно оказалось переполнено людьми при почти полном отсутствии продовольствия. Было очевидно, что всех ждет голодная смерть. Поэтому более сотни человек были добровольно оставлены на испанском берегу.

Хокинс поклялся им самой страшной клятвой, что, как только вернется в Плимут, сразу же вышлет за ними судно.

Однако все сложилось иначе, и клятвы своей Хокинс не сдержал. Судьба оставшихся сложилась трагически. Все они за исключением двоих погибли в руках испанской инквизиции.

Несмотря на то что на судне осталась лишь половина команды, на "Миньоне" вскоре начался голод. Вначале англичане съели кошек, потом переловили крыс, наконец настала очередь и любимого Хокинсом попугая. После этого пошли в ход уже кожаные ремни и башмаки. Люди умирали десятками. Голод, цинга и начавшаяся на борту чума почти опустошили "Миньон". Моряков спасло лишь то, что их прибило штормовыми ветрами к испанскому порту Виго и случайно оказавшиеся там английские

суда помогли Хокинсу продовольствием. Там же он пополнил и поредевшую команду. Спустя четыре месяца после оставления Сан-Хуан-де-Улоа тяжелобольной Хокинс все же привел "Миньон" в Плимут.

Возможно, что именно тогда, вернувшись домой, молодой Фрэнсис Дрейк и поклялся всю оставшуюся жизнь мстить испанцам за их коварство, а вице-король дон Мартин Энрикес стал отныне его личным врагом. Их пути в свое время еще не раз пересекутся.

До сих пор английские историки не имеют общего мнения относительно поведения Фрэнсиса Дрейка во время возвращения домой. Одни считают, что он смалодушничал и бросил в трудный момент своего начальника на более поврежденном судне, предпочтя спасаться самому. При этом приверженцы данной точки зрения ссылаются на фразу Хокинса из его отчета о плавании: "Юдифь" бросила нас в нашем несчастье". Впрочем, другие историки, которые защищают Дрейка и оправдывают его поведение, ссылаются все на тот же отчет, где тот же Хокинс начертал своей рукой, что Дрейку было приказано подойти к "Миньону" и "забрать людей и необходимые вещи, и он это сделал".

Скорее всего, Дрейк действовал вполне достойно. Ну а фраза о "бросившей в несчастьи " Юдифь"" появилась вследствие того стрессового состояния, в котором находился Хокинс, когда писал свой отчет о плавании.

В пользу этого говорит и итоговый доклад адмиралтейства по расследованию обстоятельств событий Сан-Хуан-де-Улоа, где Дрейку не было предъявлено никаких претензий. Что касается самого Хокинса, то когда он пришел в себя от пережитого, то его добрые и партнерские отношения с Дрейком восстановились и они оставались друзьями всю оставшуюся жизнь.

Говорят еще и то, что сам Хокинс всю оставшуюся жизнь терзался муками совести, что не сдержал данного им слова и не смог спасти своих оставшихся на берегу товарищей.

Но почему разгром эскадры Хокинса нисколько не расстроил Елизавету Первую? Как оказалось, пока Хокинс с Дрейком находились в плавании, испанский король Филипп Второй решил наказать непокорные Нидерланды и послал туда своего верного и кровожадного герцога Альбу. Войско состояло из ландскнехтов-наемников, которые требовали немалых денег. Эти деньги для безопасности было решено перевезти морем. Но по пути на испанцев напали французские корсары, и те едва успели укрыться в английских портах. После этого испанцы обратились к Елизавете с просьбой обеспечить охрану испанским транспортам,

так как англичан французы побаивались. Надо оговориться, что все перевозимое золото было взято испанским королем взаймы у некоего генуэзского банкира Спинолы. И надо же было такому случиться, что Спинола именно в этот момент получает известие, что экспедиция Хокинса провалилась и сам он убит. Так как Хокинс был личностью весьма известной, Елизавета должна была отреагировать на его смерть. Демарш мог вылиться в войну между Англией и Испанией, а это значило, что англичане просто-напросто заберут себе все деньги банкира. Спинола решает спасать свои капиталы и ставит на англичан. Он пишет письмо английскому адмиралу Винтеру, что деньги пока все еще являются его, а не испанской собственностью и он готов вступить с английскими властями в переговоры. К интриге подключается и брат Джона Хокинса Уильям. Поплакав о тяжкой судьбине любимого братца, он решает все же подзаработать на его смерти. По просьбе безутешного Хокинса государственный секретарь Сесил тут же наложил секвестр на испанские деньги, и они были перевезены в Тауэр.

Джон Хокинс. Неизвестный художник

В ответ разъяренный герцог Альба накладывает эмбарго на собственность британцев в Голландии. Узнав об этом, королева Елизавета наложила эмбарго на всю испанскую собственность в Англии и бросила в тюрьму испанского посла.

Именно в этот момент, когда война, казалось, была уже неизбежна, и появился Дрейк со своим письмом от Хокинса, а потом и сам старик Джон, изрядно оголодавший, но живой и здоровый.

— Так это ж меняет все дело! — ударил себя по ляжкам Беня Спинола, и все завертелось в обратном направлении.

Вскоре Лондон и Мадрид решили все полюбовно — Елизавета взяла на себя долг Филиппа генуэзским банкирам, а Филипп решил впредь посылать деньги для армии Альбы только сухопутным путем.

Что касается Дрейка, то он, вопреки своим опасениям, произвел на королеву самое благоприятное впечатление.

Глава третья
ДРАКОН РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

По всей Англии злоключения Хокинса и Дрейка вызвали негодование. Нетерпеливые даже требовали объявления войны. Надо ли говорить, что и Хокинс, и Дрейк, да и все оставшиеся в живых участники трагического плавания горели желанием поквитаться с коварными испанцами. Как здесь не вспомнить бессмертную фразу Шарля де Костера: "Пепел Клааса стучит в мое сердце!" Наверное, так мог сказать и Фрэнсис Дрейк, что пепел Сан-Хуан-де-Улоа стучит в его грудь и требует отмщения. Английский историк Энтони Н. Райан так пишет о значении боевого крещения Фрэнсиса Дрейка: "Обломками Сан-Хуан-де-Улоа Дрейк вымостил себе путь к званию командующего в неофициальной войне против Испании".

Что касается хитрейшего из хитрых Джона Хокинса, то его месть испанцам была изощренной. Внезапно для всех старый разбойник проникся любовью к испанской короне. Да какой!

— Желаю охранять подступы к испанской Америке от судов всех европейских наций! — заявил он испанскому послу Гуэро де Спес.

— А если это будут английские суда? — поинтересовался осторожный де Спес.

— Я привык честно исполнять свой долг! — многозначительно ответствовал Хокинс.

Посол чесал затылок. Под своей дланью старый разбойник имел 16 вымпелов и пять сотен головорезов, которые могли стать надежным щитом для любителей чухой поживы.

— Ну, а что вы хотите взамен? — после некоторого раздумья спросил посол.

— Сущую безделицу! Участие в доле вест-индской торговли, привилегии в сравнении с другими купцами. Ну а если вы еще освободите моих матросов из своих тюрем, то моя благодарность вообще не будет иметь границ.

Откланявшись неожиданному визитеру, Гуэро де Спес начал наводить справки на Хокинса и, к своему удивлению, выяснил, что тот состоит в заговоре свержения своей королевы. Это сразу меняло для посла все дело, ведь Мадрид мечтал увидеть на английском престоле свою ставленницу Марию Стюарт. А когда на следующей встрече и сам Хокинс признался, что состоит в заговоре и готов сообщать испанскому послу обо всех делах заговорщиков, никаких сомнений в его искренности уже не

оставалось. Довольный столь ценным приобретением, король Филипп даже выплатил Хокинсу за Сан-Хуан-де-Улоа 40 тысяч фунтов стерлингов и дал, так сказать, авансом патент… название испанского гранда.

К концу августа 1571 года все оставшиеся в живых к этому времени матросы Хокинса были освобождены и отправлены в Англию. Довольный де Спес решает привлечь заговорщиков Хокинса к своему, уже настоящему заговору против английской королевы. Между тем, информируя посла о своем мнимом заговоре, хитрый Хокинс одновременно информировал о наличии настоящего заговора Елизавету. Надо ли говорить, что вскоре заговор был раскрыт, его участники лишились голов, а де Спес был выдворен из Англии. Самое удивительное, что он так и не узнал, кому обязан столь сокрушительным провалом.

По справедливому замечанию одного историка, интрига Хокинса напоминает главу из "Монте-Кристо". В результате ее Филипп, кругом околпаченный, за хорошо живешь выдал Хокинсу патент на звание испанского пэра, освободил его матросов, дав каждому по десять дукатов на дорогу, да еще выплатил на приведение флота добровольцев в порядок сорок тысяч фунтов стерлингов…

Что касается Дрейка, то он был не настолько изворотлив и хитер, как его старший товарищ, а потому Дрейк заявил просто:

— Я объявляю испанского монарха своим личным врагом и бросаю ему в лицо свою перчатку!

— Как же ты собираешься с ним драться? — спросили его.

— Я нанесу Филиппу удар там, где он его меньше всего ожидает. Я вломлюсь в его сокровищницу! Сан-Хуан-де-Улоа меня многому научил. Но я знаю, что ежегодно все драгоценности из Перу доставляются на тихоокеанское побережье Панамы, а оттуда уже на мулах перевозятся в Номбре-де-Диос, что на побережье Атлантики. За этим золотом всегда приходит испанский флот в 70 вымпелов из Севильи.

— Не думаешь ли ты бросить вызов всему испанскому флоту? — переглянулись друзья.

— Нисколько! Я просто надеюсь упредить донов из Севильи. Впрочем, у меня еще есть неотложные дела в Плимуте.

Еще до Сан-Хуан-де-Улоа Фрэнсис присмотрел хорошенькую семнадцатилетнюю дочку местного шкипера Гарри Ньюмена по имени Мэри. 4 июля 1569 года он женился на ней. Было нашему герою в ту пору 25 лет — возраст по тем временам весьма солидный.

Уже через несколько дней после свадьбы Дрейк ушел в море. Об этом плавании историкам практически ничего неизвестно, так

оно было засекречено. Фрэнсис бороздил Карибское море, изучая подходы к Панаме.

В следующем году Дрейк снова уходит в море на утлом 30-тонном суденышке "Лебедь". Это снова была всего лишь разведка.

На этот раз на побережье Панамы Дрейк нашел удобную и защищенную от ветров бухту. Над берегом кружили стаи птиц.

— Нарекаю эту бухту Портом Фазанов! — решил Фрэнсис.

Берег очистили от зарослей, а в ямах спрятали запас продуктов.

— Подготовку я закончил, и теперь пора браться за дело! — объявил Дрейк, вернувшись в Плимут.

В мае 1572 года Дрейк на судах "Паша" и "Лебедь" оставил за кормой Плимут. С собой он взял и двух младших братьев — Джона и Джозефа. Задуманное Дрейком было настолько дерзко, что с уходившими в море прощались как с покойниками. Более всех рыдала несчастная Мэри Дрейк.

Свой флаг Дрейк поднял на "Паше", а на "Лебеде" — средний брат Джон. Суда были загружены под завязку и продовольствием, и порохом.

Помимо всего прочего, на "Паше" разместили разобранные галеры-пинасы.

Достигнув Доминики, Дрейк встал на якорь у скалистого необитаемого островка. Там налились водой, перевели дух. Затем суда достигли Порта Фазанов.

Там его ждал неприятный сюрприз. На одном из деревьев он нашел металлическую табличку с нацарапанной надписью: "Капитан Дрейк. Если судьба приведет вас в этот порт, немедленно уходите! Испанцы обнаружили это место и взяли все, что вы здесь оставили. Я ухожу отсюда сегодня, 7 июля 1572 г. Любящий вас друг Джон Гарретт".

— Это старина Гарретт из Плимута! — ошарашенно воскликнул Дрейк. — И он был здесь всего каких-то пять суток назад!

Матросы заволновались:

— А не лучше ли нам по-доброму смыться, пока не поздно!

— Бегать от испанцев не в моих правилах! — ответил капитан. — Да и другой столь удобной бухты у нас нет, а без хорошей бухты вся наша затея не стоит и затертого пенса!

Чтобы избежать внезапного нападения с моря, суда расположили бортами к выходу из бухты, а пушки зарядили. Одновременно на берегу начали строить небольшой форт, вокруг которого расчистили лес, собрали галеры-пинасы.

А на следующий день в гавань неожиданно вошло… английское судно с двумя захваченными испанскими призами.

— Хозяин Эдвард Хорен, капитан Джеймс Ренс! — недовольно констатировал Дрейк, оглядев нежданного гостя в подзорную трубу. — Это не тайная бухта, а проходной двор!

Как оказалось, бухту Репсу показали матросы, плававшие ранее с Дрейком. Впрочем, три десятка опытных матросов были далеко не лишними, и Дрейк взял конкурента в долю.

Вскоре вся флотилия покинула Порт Фазанов и двинулась вдоль побережья Панамы. У трех небольших островов, покрытых лесом, встретили два испанских судна с командой из негров.

— Откуда вы?

— Из Номбре-де-Диоса!

— Какие у вас новости?

— У нас тревожно, жители обратились к губернатору Панамы, чтобы прислал солдат.

— Они узнали о моем прибытии! — подбоченился Дрейк.

— Вовсе нет, просто на город напали беглые рабы-мароны.

После этого словоохотливые негры рассказали Дрейку еще немало интересного и полезного о своем городе. Негров Дрейк отпустил, после чего оставил суда на попечение Ренса, а сам с семью десятками матросов на пинасах направился к Номбре-де-Диосу.

Недалеко от города он высадил десант, который должен был атаковать испанский порт со стороны берега. Англичане были вооружены мушкетами, а примкнувшие к ним беглые рабы — луками.

— Парни! Испанцы видят десятый сон и город у ваших ног! — сказал Дрейк матросам. — Осталось лишь протянуть к нему руку и сорвать куш!

Сам он с частью команды на пинасах, дождавшись ночи, вошел в гавань. Стали на якорь.

В три часа утра Дрейк начал атаку Номбре-де-Диоса. Как раз в это время в бухту заходило испанское судно, капитан которого, увидев незнакомые галеры, почуял неладное. Но было уже поздно. Дрейк захватил береговую батарею. Правда, убежавший часовой поднял шум. Гарнизон пытался было атаковать незваных пришельцев, но тут же сам был атакован в спину зашедшим с тыла английским десантом.

После этого испанцы разбежались. Их не преследовали, было не до этого. Дрейк кинулся к дому местного губернатора — там хранилось привозимое для отправки серебро с рудников.

— А черт! — воскликнул Фрэнсис. — А где же золото и бриллианты?

Схваченный за шиворот дворецкий тут же сообщил, что главные сокровища находятся в казначейском доме на берегу

бухты.

— Скорее на берег! — крикнул Дрейк, понимая, что испанцы скоро опомнятся и начнется нешуточная свалка.

Да и на самом деле надо было спешить. Дело в том, что как раз накануне в город прибыли полторы сотни солдат для усиления гарнизона от нападений маронов, и дюжина оставленных у галер матросов не могла оказать им серьезного сопротивления, ну а потеря галер значила полный крах всей экспедиции.

В это время некстати грянул тропический ливень, от которого мгновенно намок порох. Люди Дрейка начали роптать:

— Идти с голыми руками на испанцев — это не для нас! Надо валить обратно!

Видя это, Дрейк закричал:

— Валите куда хотите, а я иду в сокровищницу мира, чтобы стать богачом!

Это произвело впечатление, к тому же закончился и ливень. Впрочем, неприятности на этом не закончились. Едва Дрейк навел порядок и двинулся во главе колонны к казначейскому дому, как был ранен в ногу стрелой с крыши одного из домов. По другой версии, он был ранен в грудь. Несмотря на это, Дрейк кричал:

— Во имя королевы! Вперед!

Не сумев остановить обильное кровотечение, он вскоре потерял сознание, и истекающего кровью Фрэнсиса отнесли на галеру.

Впоследствии историки говорили, что такая забота была продиктована не столько любовью подчиненных к своему начальнику, сколько тем, что без опытного капитана они просто не смогли бы вернуться в Плимут, так что Дрейка следовало беречь.

О продолжении атаки не было и разговора. Англичане погрузились на свои пинасы и убрались из Номбре-де-Диоса. По пути, правда, было прихвачено и так неосторожно зашедшее в бухту испанское судно с грузом.

После этого англичане добрались до небольшого островка Бастиментос, где остановились перевести дух. А вскоре там появились и испанцы, прибывшие на переговоры. Несмотря на обмен любезностями и совместный обед и даже обмен подарками, каждый остался при своем: испанцы заявили, что намерены защищаться, а Дрейк — что не намерен отступать.

И тут снова Дрейку повезло, один из примкнувших к англичанам мятежных маронов сообщил, что в феврале 1573 года из Панамы в Номбре-де-Диос отправится большой караван мулов

с перуанскими сокровищами. Англичанам достаточно было просто войти в одну из ближайших рек и перехватить перуанские богатства в пути в глубине Панамского перешейка.

— Тогда мы немедленно направляем свои пинасы в эту речку! — обрадовался Дрейк.

— Увы, зайти в реку Чергес можно только зимой, когда она становится полноводной, к тому же сейчас все золото хранится на складах в Панаме, а повезут его через перешеек на мулах также зимой.

Скоро, по славам марона, начинался сезон дождей, который должен был продлиться пять месяцев, и только после этого можно было думать о перехвате золотых караванов в джунглях.

Посланный проверить правдивость рассказа в устье Чергеса брат Дрейка Джо подтвердил информацию марона. Делать было нечего, надо было ждать зимы. Такой оборот дела не устроил капитана Рейса, и тот со своими людьми покинул Дрейка. Впрочем, тот этому был только рад, так как уменьшение числа участников экспедиции вело к увеличению их доли в будущей добыче.

Чтобы не терять времени понапрасну, Дрейк совершил набег на Картахену и у острова Сен-Бернардо захватил четыре испанских судна. Через некоторое время он их отпустил, так как людей для их укомплектования просто не было. Помимо этого ему пришлось сжечь и составлявшее почти весь его капитал судно "Лебедь", так как то пришло в негодность.

Затем был еще небольшой рейд к устью реки Магдалена, что на территории нынешней Колумбии. Там Дрейк поживился складами с продовольствием, попутно захватив еще три испанских судна, груженных домашним скотом и пшеницей.

Всю свою флотилию Дрейк направил в гавань, открытую братом Джоном, приказав ему построить на берегу форт и разместить там часть орудий. Сам же на двух пинасах отправился к Картахене. На подходах к порту он начал останавливать и досматривать выходящие и входящие испанские суда. Несмотря на то что при этом Дрейк их не захватывал, столь наглое поведение англичанина бесило местное испанское начальство. Впрочем, и испанцы в долгу не остались. Вскоре море опустело, и Дрейк был лишен возможности пополнять за счет испанцев свои запасы. Когда же он попытался высадиться у городка Санта-Марта, то был встречен ядрами и вынужден был отступить. К этому времени команды пинас оголодали и начала роптать. Но перехваченный испанский транспорт решил эту проблему. Однако на этом беды не закончились, так как на пинасах началась эпидемия. Вскоре большая часть команды валялась в лежку,

многие умирали. Умер и младший из братьев Джозеф, которого он в первый раз взял с собой в море. А затем пришло известие, что умер и средний брат Джон. В отсутствие Фрэнсиса он решил отличиться и на пинасе вышел в море, чтобы захватить испанский приз. Во время боя с командой испанского судна Джон был ранен пулей в живот и умер в мучениях. История не оставила нам свидетельств о внутреннем состоянии Фрэнсиса Дрейка в те дни, но вряд ли оно было хорошим.

Наконец, в начале января 1573 года дружелюбные Дрейку мароны известили его о том, что в Номбре-де-Диос прибыл флот под началом Диего Флореса де Вальдеса для перевозки сокровищ. Это стало сигналом к действию.

Пинасы Дрейка вошли в реку Чергес и поднялись по ней настолько, насколько это было возможным. Затем начался сухопутный этап похода. С Дрейком отправилось полсотни матросов. Вели англичан союзные им мароны. Без помощи местных повстанцев предприятие Дрейка вряд ли бы вообще состоялось. Они указывали дорогу, несли поклажу, разбивали лагерь и готовили пищу.

На третий день пути отряд Дрейка вообще был с торжеством встречен в маронском селении.

В 10 часов утра на четвертый день перехода Дрейк достиг места, одинаково удаленного от Тихого и Атлантического океанов. Согласно хронике, там, на вершине огромного дерева, находилась построенная маронами деревянная площадка. Забравшись на нее, Дрейк увидел в сверкающих лучах солнца сразу два океана. Это было потрясающее зрелище, так как Дрейк был первым англичанином, кто вообще увидел таинственное "Испанское озеро", как тогда сами испанцы не без гордости именовали Тихий океан. Потрясенный зрелищем Дрейк заявил окружавшим его:

— Клянусь, что если всемогущий Господь продлит мои дни, то я непременно пройду по этому морю!

— Если капитан не будет против, то и мы последуем за ним во славу Божью! — ответили матросы.

После этого отряд продолжал свой путь через джунгли, пока не вышел к дороге, ведущей на Вента-Крус — маленькому городку, куда свозились перуанские сокровища.

Верные помощники мароны и здесь оказали неоценимую услугу. Их лазутчики пробрались в город и выяснили, когда туда придет караван с золотом из Панамы.

И снова удача! Вернувшийся лазутчик донес, что "золотой караван" во главе с самим казначеем Лимы придет в Вента-Крус ближайшей ночью. Этот караван привезет драгоценные камни и

золото. Следом за ним придет второй караван, груженный продовольствием и небольшим количеством серебра. И, наконец, последним двигается третий караван, также груженный золотом и драгоценными камнями.

Наступал решающий момент всей экспедиции. Дрейк приказал матросам переодеться в белые рубахи, чтобы в темноте отличать своих. Отряд был разделен на две группы. Первой группе Дрейк приказал укрыться в густой траве у дороги и атаковать караван, когда с ней поравняется последний мул. Сам Дрейк с другой группой расположился на противоположной стороне дороги, но несколько впереди, чтобы атаковать голову каравана.

Началось томительное ожидание. Затем мимо англичан прошел караван, двигавшийся от Вента-Круса в сторону Панамы с продовольствием. А затем появились и мулы долгожданного каравана. Казалось, что удача теперь-то в руках Дрейка! Но именно в этот момент один из матросов, будучи весьма нетрезв, внезапно выскочил из засады и бросился к каравану, его конечно же догнали и повалили на землю, но испанцы заметили опасность. В город за помощью немедленно помчался всадник. Сам же караван остановился. Лимский казначей решил схитрить и пропустил вперед второй караван, груженный продовольствием. Не зная этого, англичане тут же атаковали и захватили его. Каково же было их разочарование, когда в снятых с мулов мешках оказалась… мука. А тут и новое известие: к месту захвата каравана приближается отряд испанцев.

Между командиром испанцев и Дрейком произошел обмен любезностями в духе того времени.

Офицер: "Кто вы такие?"

Дрейк: "Англичане".

Офицер: "Сдавайтесь во имя короля Филиппа. Даю слово джентльмена и солдата, что я встречу вас со всем почтением".

Дрейк: "Во имя королевы Англии я найду свой путь!"

После чего, посчитав, что все приличия соблюдены, обе стороны начали палить друг в друга. Несколько матросов было убито, сам Дрейк снова был ранен в ногу. Тогда Фрэнсис поднял англичан в атаку. Те начали отступать. В этот момент их атаковали и союзные мароны. Преследуя испанцев, Дрейк ворвался в Вента-Крус, но, не найдя там никакого золота, тут же его оставил. Операция была полностью провалена, и надо было уходить. Вечером 22 февраля отряд Дрейка подошел к заливу, где их ждали пинасы.

Фрэнсис Дрейк. Художник М. Геерертс Младший

Неудача у Вента-Круса нисколько не поколебала решения Дрейка захватить испанские сокровища.

— Еще не все потеряно! — говорил он своим подчиненным. — Мулы еще не доставили драгоценной ноши, и "золотой флот" еще стоит в Номбре-де-Диосе! А потому мы продолжаем игру!

Дрейк снова разделил свой отряд на две группы. Одну он послал на пинасе "Медведь" на поиски продовольствия, а сам во главе второй группы на пинасе "Миньон" отправился к Номбре-де-Диосу.

Поход первой группы закончился успешно. Было захвачено испанское судно с запасом маиса, свиней и кур. Но еще большей удачей оказалось само захваченное судно, только что построенное и вполне способное к переходу через океан.

Самому Дрейку вначале также повезло, и он захватил испанское судно, перевозившее золото из Веругуа в Номбре-де-Диос. Шкипер судна, генуэзец, оказался словоохотлив:

— Когда я неделю назад выходил в море, в городе царила паника, вызванная слухами о возможном вашем приходе.

— Хорошо ли защищен город? — поинтересовался Дрейк.

— Город почти не защищен и легко может быть вами взят, но надо поспешить!

Дрейк приказал перегрузить золото с испанского корабля на "Миньон" и, захватив с собой генуэзца, поспешил в Веругуа.

Однако, когда пинаса подошла к входу в гавань, ее обстреляли с берега.

— Я же говорил, что следует спешить! — поджал плечами генуэзский шкипер.

Пришлось ни с чем вернуться назад. Утешением для Дрейка стали немного захваченного золота и новоприобретенный океанский транспорт, который Дрейк немедленно вооружил пушками. Не теряя времени, он направляется попытать счастья к Номбре-де-Диосу. По пути англичане встретили французских пиратов. Капитан французов по имени Тету поведал Дрейку о Варфоломеевской ночи в Париже, когда озверевшие католики вырезали тысячи гугенотов-протестантов. Известие потрясло Дрейка. Капитан Тету решил присоединиться к Дрейку, тот не возражал, так как французы сразу удваивали его силы. Будущую добычу было решено делить поровну. В знак дружбы француз подарил Дрейку дорогую золотую шпагу.

В двадцати милях от Номбре-де-Диоса в бухте Рио-Франциско был высажен десант. Посланные вперед мароны сообщили, что караваны мулов движутся к Номбре-де-Диосу и везут столько золота и серебра, что люди Дрейка не смогут даже все унести. Только вес серебра составляет двадцать пять тони, а кроме того, много золота и драгоценных камней.

Захват караванов на этот раз прошел успешно. Охрана почти не сопротивлялась. В перестрелке был тяжело ранен капитан Тету. Взяв с собой столько золота, сколько можно было унести (на сумму около 80 тысяч испанских песо), англичане и французы закопали остальные сокровища и покинули место схватки. Когда к месту ограбления прискакал отряд испанцев, там уже никого не было. По дороге пришлось оставить с двумя матросами умирающего Тету. Через несколько дней его найдут и убьют испанцы, а захваченный матрос покажет им место, где были зарыты награбленные сокровища.

Утром 4 апреля, подойдя к Рио-Франциско, Дрейк увидел семь испанских пинас, блокировавших берег.

— Все было потеряно! — приуныли англичане с французами. — Очевидно, испанцам удалось захватить наши суда!

— Умереть мы всегда успеем! — заявил Дрейк. — Сейчас же давайте соорудим из поваленных бурей деревьев плот!

— Какой плот, когда все море в испанцах! — кричали матросы.

— На берегу нам все равно смерть, к тому же наши суда, возможно, не захвачены, а просто отошли от берега! А потому мы ночью незаметно проскочим мимо неприятельских пинас и отыщем свои суда.

В отчаянном предприятии вызвались участвовать английский и два французских матроса, да несколько маронов.

Когда плот был спущен на воду, Дрейк ночью вышел в открытое море и спустя каких-то шесть часов нашел свои пинасы. Протянув сотоварищам золотой слиток, он сказал:

— Благодарю Бога, дело сделано!

Ночью пинасы незаметно подошли к берегу, на них погрузили драгоценности. Дрейк не знал, что к этому времени испанцы уже вырыли его золото и серебро, а потому часть людей осталась на берегу, чтобы найти Тету и закопанные сокровища.

Оставленный на берегу отряд встретил одного из французских матросов, оставшихся с Тету, который рассказал о случившемся. Англичанам все же удалось найти кое-что из необнаруженного испанцами, после чего они присоединились к Дрейку. Сдержав слово, Дрейк разделил всю добычу поровну между своими людьми и французами.

Распрощавшись с союзниками, Дрейк на захваченном испанском судне, в сопровождении одной из пинас, направился к устью Магдалены. Ему нужно было еще одно надежное судно для океанского перехода.

Обнаружив у Картахены большой испанский флот, Дрейк не смог удержаться, чтобы не подразнить испанцев. С многометровыми английскими флагами на мачтах он демонстративно продефилировал мимо стоявших на якорях испанцев.

А буквально на следующий день у устья реки Магдалены Дрейк увидел испанское судно, которое и было захвачено после небольшой схватки. Захваченное судно загрузили маисом, курами и свиньями. Испанскую команду отпустили на берег.

Вождю маронов по имени Педро Дрейк вручил золотую шпагу, которую ему подарил капитан Тету. Больше в Вест-Индии Дрейка уже больше ничего не держало, и английские суда взяли курс к родным берегам.

…Спустя 442 дня после начала плавания, 9 августа 1573 года, Фрэнсис Дрейк вернулся в Плимут. Предоставим слово историку: "Было воскресное утро, и в церкви Св. Андрея шла служба. Слух о прибытии Дрейка быстро разлетелся по городу. Молящиеся выбежали из церкви, оставив священника в одиночестве. Они

спешили увидеть своих героев. Из семидесяти четырех человек, уходивших с Дрейком в плавание, вернулись сорок. Эти потери были не выше обычных по тем временам".

По возвращении Дрейк доходчиво объяснил королеве, что вся добыча была им "выменяна законным образом у туземцев". Именно так и ответствовала королева на запрос испанского посла, который чуть не задохнулся от ярости. Несмотря на то что Дрейку не удалось полностью осуществить задуманное, в целом экспедиция удалась, и Дрейк вернулся из Вест-Индии весьма состоятельным господином.

— Отныне я не завишу от богатых судовладельцев, — с гордостью заявил он друзьям. — Золото дает мне уверенность в собственных силах.

По возвращении Дрейк купил приличествующий его положению дом в Плимуте и, приобретя два судна, сам стал судовладельцем.

Деньги, как известно, быстро меняют людские привычки. Вот и наш герой, вернувшись домой, быстро полюбил находиться среди изящных и красивых и дорогих вещей и строить себя важным аристократом.

В течение последующих двух лет наш герой занимается налаживанием торговых дел да лечением ран в кругу жены и друзей, не слишком часто выходя в море. По рекомендации Джона Хокинса он поступил на службу к графу Эссексу, которому королева Елизавета поручила усмирение Ирландии. Как судовладелец он занимался в основном перевозкой туда английских солдат.

Впрочем, мысли Дрейка были уже далеко. Надо отметить, что Дрейк к этому времени уже серьезно отличался от подавляющего количества капитанов того времени. К своему капитанству он относился не как к ремеслу, а как к самому высокому искусству. А потому всегда серьезно интересовался книгами по навигации, испытывая прямо патологическое пристрастие к морским картам. На каждом захваченном судне он всегда прежде всего искал карты, компасы, астролябии и, как только их находил, сразу забирал себе. А книгу о кругосветном плавании Магеллана, с которой почти никогда не расставался, знал почти наизусть.

— Перед настойчивым и смелым капитаном открываются самые запретные испанские порты, в трюм его судна потечет испанское золото, — говорил Дрейк за кружкой крепкого эля своим друзьям.

— Возможно ли такое? — сомневались коллеги-судовладельцы.

— Если восточные побережья вест-индских владений Испании

оказались почти незащищенными против моих ударов, то еще легче будет проучить испанцев со стороны Великого океана, где они уверовали в свое одиночество и владычество. Можете мне верить, можете не верить, но я накину петлю на шею богомерзкого короля Филиппа.

При этом Дрейк не только мечтал, но и трудился. Помимо всего прочего, среди его трофеев оказалась и испанская карта Индейского архипелага, кроме того, он собрал у пленных капитанов некоторые сведения о плаваниях испанцев в Тихом океане. Сведений и о самом океане, и о пути туда были сущие крохи, но и их Дрейк собирал, где только мог, чтобы иметь хоть какое-то представление о путях претворении в жизнь своего самого великого замысла в жизни.

Глава четвертая
ПАРУСА, НАПОЛНЕННЫЕ ВЕТРОМ

Между тем отношения Англии и Испании снова в который уже раз обострились. Граф Эссекс рекомендовал понравившегося ему Дрейка новому государственному секретарю Фрэнсису Уолсингему:

— Это именно то, что тебе сейчас надо. Этот парень умеет бить горшки на испанской кухне!

Уолсингему повторять два раза было не надо. Будучи предводителем "партии войны", выступавшей за войну с Испанией, он сразу же оценил полезность Фрэнсиса Дрейка. При этом у госсекретаря были на Дрейка особые виды.

Что касается самого Дрейка, то весной 1577 года в Португалии он приобрел новейшую карту у знаменитого картографа Дураде, а кроме того, выкупил секретное руководство для португальских лоцманов. Теперь Дрейк был уверен, что найдет путь к Молуккским островам и другим, закрытым в то время для англичан землям. На приеме у королевы он заявил:

— Ваше Величество, в условиях сегодняшних отношений с Мадридом было бы полезно отправить морскую экспедицию, которая бы подпалила испанцев в их самых уязвимых местах. Лучше всего направить ее к тихоокеанскому побережью испанской Америки. Официальной целью плавания будет объявлено открытие новых земель.

— И кого вы хотите поставить во главе? — близоруко сощурилась Елизавета.

— Известного вам Фрэнсиса Дрейка!

— Что ж, — согласилась королева, — выбор действительно неплох.

Не откладывая дела в долгий ящик, был создан "синдикат" для финансирования экспедиции. Деньги внесли Уолсингем, королевские любимцы граф Лестер и Хеттон, семья адмирала Винтера и Джон Хокинс с Дрейком.

Вскоре Уолсингем вызвал Дрейка и, подведя его к карте мира, спросил:

— Как ты полагаешь, где можно нанести наилучший удар нашему другу Филиппу?

— Только в американских владениях! — не раздумывая, ответил Дрейк.

— Ее Величество даст вам аудиенцию! — мотнул головой государственный секретарь.

На секретной аудиенции Дрейк подробно доложил о своем плане экспедиции. Елизавета отнеслась к нему благосклонно, а прежде чем отпустить корсара, неожиданно заявила:

— Я желаю иметь свой пай в вашем предприятии!

И тут же передала Дрейку круглую сумму.

— Но при этом одно условие, — добавила королева, — вы обязаны держать мое участие в вашем деле в полной тайне. Об этом не должен знать даже канцлер лорд Берли. Цена тайны — ваша голова.

Дело в том, что королева не доверяла своему канцлеру, полагая, что тот тайно поддерживает ее главную соперницу Марию Стюарт.

— Клянусь честью джентльмена! — поклонился Елизавете корсар.

В конце аудиенции королева вручила Дрейку вызолоченный меч и сказала на прощание:

— Мы считаем, что тот, кто нанесет удар тебе, Дрейк, нанесет его нам!

В устах Елизаветы это значило, что она наделяла Дрейка особыми полномочиями, вплоть до казни тех, кто попытается его ослушаться. В преддверии того, что предстояло совершить Дрейку, это был весьма значимый подарок.

Подготовка экспедиции проходила в небывалой спешке. Помимо всего прочего, Дрейка подстегивало то, что его старый знакомец по рейду в Вест-Индию Джон Оксенгем уже покинул Англию, объявив, что желает прорываться в Тихий океан.

— Быстрее! Быстрее! Быстрее! — торопил корабельных мастеров и портовых чиновников Дрейк. — Я не желаю довольствоваться объедками со стола моего дружка Джона!

Незадолго до выхода в море Елизавета послала Дрейку благовония и сладости, а также морскую шляпу и зеленый шелковый шарф, на котором золотом были вышиты слова: "Пусть всегда хранит и направляет тебя Бог". Надо ли говорить, что Дрейк немедленно надел шляпу и повязал шарф, чтобы показать свою близость к королеве.

О маршруте предстоящей экспедиции знало вообще несколько человек. Когда кто-то спрашивал об этом Дрейка, тот делал круглые глаза:

— Плывем утихомирить берберских пиратов от Алжира до Александрии.

Приготовление Дрейка, разумеется, взволновало и испанцев, знавших, что добра от такого человека, как Дрейк, им ожидать не приходится. Но даже хитромудрый испанский посол Гуэро де Спес не смог всего пронюхать, а потому с чистым сердцем

доложил своему королю, что Дрейк собирается плыть в Шотландию, чтобы выкрасть там шотландского принца. Получив такое письмо, король Филипп успокоился, тем более что ему было тогда совсем не до Дрейка.

Именно в те дни в Лондоне был раскрыт заговор против королевы с целью ее убийства и последующей передачи короны католичке Марии Стюарт. Среди вдохновителей заговора оказался и посол де Спес. Разразился грандиозный политический скандал, вследствие которого посла бросили за решетку, наплевав на его неприкосновенность. В воздухе запахло большой войной. На английском побережье граф Лестер демонстративно собрал армию для высадки в Нидерландах в помощь вождю голландских протестантов Вильгельму Молчаливому. Испанцы на противоположном берегу выставили свою.

А потому выход в море с флотилии Дрейка прошел абсолютно незамеченным ни для английского истеблишмента, ни для подозрительных испанцев. Это случилось в пять часов пополудни 15 ноября 1577 года.

Уходящая в неведомую даль флотилия насчитывала пять вымпелов. Наибольшим судном флотилии являлся флагманский "Пеликан" с водоизмещением 100 тонн, который нёс пожалованный Дрейку адмиральский флаг. Вице-адмиральский флаг трепетал над 80-тонным барком "Елизавета", где капитанствовал Джон Винтер. Помимо этих судов в состав флотилии входили: 30-тонный "Златоцвет" капитана Джона Томаса, 50-тонный "Лебедь" капитана Джона Честера и малыш, 15-тонный "Бенедикт" капитана Томаса Муна. На судах в разобранном виде находились четыре пинасы. Суда были неплохо вооружены и имели запас продовольствия на восемнадцать месяцев.

Команды насчитывали в общей сложности 164 человека. Помимо штатных матросов в их состав вошли аптекарь, сапожник, портной и даже священник.

К неудовольствию Дрейка, в плавание ему навязали и десяток отпрысков лучших английских семейств, среди которых был Томас Доути, бывший секретарь графа Эссекса, со своим братом Джоном. Впрочем, Дрейк по тогдашней традиции не забыл и о своих родственниках. Гибель в Вест-Индии почти одновременно двух любимых братьев его, увы, ничему не научила. В составе команды были последний из братьев Дрейка Томас, а также кузен Джон, сын дяди-адмирала Роберта Дрейка.

Двоюродный брат Дрейка Джон имел от него особое поручение — делать зарисовки берегов, бухт и гаваней, куда будут заходить суда флотилии. Дрейк считал это полезным.

Несмотря на весьма стесненные условия тогдашнего судового быта, свою каюту Дрейк постарался отделать и обставить с предельной роскошью. Даже посуда была исключительно серебряной. Был взят даже паж, обязанность которого заключалась в том, чтобы стоять подле кресла Дрейка, когда тот будет обедать. А четыре музыканта должны были ублажать слух и повышать аппетит во время обеда.

Когда друзья за это подняли на смех, он обиделся:

— Неужели вы не понимаете, что мне, просоленному морскому волку, нет никакого дела ни до пажа, ни до музыки, но я желаю поразить воображение тех народов, которые буду посещать, внушив им восторг и трепет к Англии!

Друзья в знак согласия кивали головами, не слишком веря в искренность дрейковских слов.

Перед выходом Дрейк собрал капитанов:

— Если кто отделится от флотилии, то рандеву назначаю у острова Могадор, что у берегов Марокко.

Вначале флотилия направилась на зюйд-вест к мысу Лизарда, но на следующее утро, на широте Фалмута, ветер изменился, а потому пришлось лавировать. А затем и вовсе начался сильный шторм, продлившийся двое суток, и, хотя суда успели спрятаться в гавани Фалмута, "Пеликан" и "Златоцвет" потеряли грот-мачты. Для починки пришлось вернуться в Плимут.

Только через две недели, 13 декабря 1577 года, Дрейк вторично снова вышел в море. На этот раз ветры были попутными, и флотилия без происшествий к Рождеству достигла марокканских берегов. В тот же день Дрейк перевел суда к острову Могадор.

Вначале между англичанами и местными жителями установились неплохие отношения. Начался даже обмен товарами, но затем марокканцам показалось, что перед ними португальцы, которых они ненавидели, после чего был захвачен в плен один из моряков.

Узнав, что перед ним не португальцы, местный султан Феззула принес свои извинения, и на этом инцидент был исчерпан.

31 декабря флотилия выбрала якоря и взяла курс на мыс Бланко.

К мысу суда подошли 16 января 1578 года, захватив по пути несколько испанских судов с грузами. Дрейк не был бы самим собой, если бы при удобном случае этого не сделал.

У мыса Бланко флотилия простояла неделю. За это время команды отдохнули, но налиться водой не удалось, как оказалось, на берегу ее просто не было. Каково было удивление Дрейка,

когда местные жители сами предложили купить у него воды в обмен на амбру, мускус, вино и даже женщину.

— Очень тяжело наказал Бог этот берег! — комментировали эту ситуацию англичане.

У Бланко Дрейк отпустил захваченные испанские суда, сгрузив с них продовольствие и часть запасов воды. Впрочем, одно судно, наиболее новое и крепкое, он все же оставил при себе, назвав "Христофором". Но и здесь Дрейк поступил, как говорится, по-джентльменски. Взамен отобранного судна он отдал испанцам свой малыш "Бенедикт", который никак не годился для океанского плавания.

21 января корабли Дрейка покинули занесенный песками мыс Бланко, направив форштевни своих судов к более гостеприимным островам Зеленого Мыса. Плавание было вполне успешным, и 30 января Дрейк был уже у одного из островов архипелага — Майо. Затем перешел к острову Сантьяго, где захватил большое испанское судно с вином, шерстью, шелком и бархатом. Однако куда более значимым для него стало приобретение оказавшегося на судне пожилого штурмана португальца Нуньеш да Сильву, прекрасно знавшего побережье Южной Америки.

Что касается португальца, то он не устоял против щедрых посулов Дрейка, да и испанской короне штурман не присягал на верность, так что перешел от одних нанимателей к другим без каких-либо угрызений совести.

— Я нахожу ваше судно в прекрасном состоянии, а о вас слышал только как об очень грамотном мореплавателе! — сказал при знакомстве штурман адмиралу, чем конечно же весьма польстил Дрейку.

После этого Дрейк и да Сильва сразу же нашли общий язык.

2 февраля флотилия оставила острова Зеленого Мыса и взяла курс, пересекая Атлантический океан, на Бразилию. Имея на борту такого штурмана, как да Сильва, Дрейк мог себе позволить столь рисковый маршрут.

19 февраля английские суда пересекли "линию раздела", которая была в свое время установлена папой римским для разделения испанских и португальских заморских владений. Что касается англичан, то они плевать хотели с самой высокой мачты на предначертания римского понтифика. Пересечь Атлантику также удалось без каких-либо происшествий.

Все пока складывалось более чем удачно, и Дрейк, чтобы не вспугнуть удачу, ежедневно плевал трижды через левое плечо, стуча при этом костяшками пальцев по планширю фальшборта.

1 апреля показался долгожданный бразильский берег. Оставивший свои воспоминания об этом плавании священник

экспедиции Ф. Флетчер писал о днях, проведенных в Атлантическом океане, следующее: "Мы не переставали удивляться и восхищаться Господом великим, создавшим неисчислимое количество как маленьких, так и огромных тварей в необозримых морях… Мы установили, что великие философы древности, такие как Аристотель, Пифагор и многие другие, как греки, так и римляне, ошибались, считая тропическую зону ненаселенной вследствие невыносимой жары. Напротив, эта зона оказалась поистине раем как на суше, так и на море, с которым ничто сравниться не может. Ничто не может быть более приятным для жизни человека, чем эта зона. Единственной неприятностью было то, что иногда не хватало пресной воды, но и то Господь давал нам воду с небес".

Более всего поразили англичан летучие рыбы, которые, выскакивая из воды, летели над волнами, а потом запрыгивали на палубы судов.

— Если бы я сам не видел крылатых рыб, никогда не поверил бы рассказам о них и назвал бы рассказчиков лжецами! — признался португальскому штурману Дрейк.

5 апреля корабли подошли к берегу у устья Ла-Платы. Команды нуждались в отдыхе.

Да Сильва, приглядевшись к берегу, помрачнел:

— Это Земля Дьявола! Когда-то местные жители, чтобы выжить, отдали свои души Дьяволу, и после этого он здесьполноправный хозяин. А потому на здешних скалах нашли свою смерть немало наших судов.

Вскоре, оправдывая слова старого штурмана, шторм действительно перерос в настоящую бурю. Стало темно. "Наступила тьма египетская", — отметил Флетчер небывалую мрачность неба. А порывами ветра суда уже несло к берегу, вот-вот грозя выбросить на прибрежные камни. Ситуация была критической, но положение спас Нуньеш да Сильва. Направив головное судно в струю мощного течения, которое шло от берега в океан, он буквально выхватил флагман Дрейка из объятий смерти. Следом за ним также вырвались и остальные. Он благополучно вывел корабли в море. Лишь концевой "Христофор" прочертил килем по отмели, но все же сумел избежать крушения, хотя и не смог соединиться с остальной флотилией.

— Вам все мифы обязаны своим спасением! — сказал португальцу Дрейк, когда стихия понемногу начала стихать.

— Курс в устье Ла-Платы! — объявил Дрейк.

Это место будущего рандеву он определил заранее и теперь надеялся, что туда прибудет и пропавший в океане "Христофор".

Так все и случилось, и спустя двое суток стояния в устье реки

и томительного ожидания туда подоспел и отставший "Христофор". В честь счастливого исхода ожидания Дрейк назвал ближайший из мысов, у которого стояла флотилия, мысом Радости.

Огромная река заинтересовала Дрейка, и он совершил недельное плавание вверх по течению. Это небольшое плавание осталось в памяти участников экспедиции как сплошной отдых. Пополнив в реке запасы пресной воды, суда затем снова вышли в океан и продолжили свой путь вдоль американского берега. А затем случилась неприятность, да какая! Неожиданно ночью потерялся "Лебедь" со своим капитаном Томасом Доути. Дрейк не находил себе места.

— Я имею основания серьезно подозревать Доути в срыве экспедиции. Мне говорили об этом еще в Англии, указывая на связь Доути с лордом Берли, к которому тот хотел пристроиться личным секретарем. А ведь лорд Берли всегда отличался пристрастием к испанцам! — говорил он своему брату Томасу.

Вообще надо отдать должное Дрейку, он никогда не был кровожаден и на фоне других деятелей своей эпохи отличался даже определенным либерализмом.

Примером такого либерализма может служить его отношение к тому же Доути. Несмотря на личную неприязнь к нему, Дрейк назначил Доути капитаном флагманского "Пеликана". Когда было захвачено испанское судно, на борту которого находился да Сильва, Дрейк отправил Доути капитанствовать на него, а еще спустя некоторое время перевел на "Лебедь". И вот теперь именно "Лебедь" исчез.

12 мая, спустившись до 47° южной широты, Дрейк обнаружил гавань, которая ему понравилась как место, пригодное для стоянки судов.

— Спустить шлюпку! — велел он. — Я сам обследую эту бухту.

Однако вернуться на борт флагмана Дрейк не смог — начался шторм, который ему пришлось пережидать на берегу. Когда же ветер поутих и волна улеглась, оказалось, что пропало еще одно судно флотилии — "Златоцвет".

Некоторое время Фрэнсис ждал его прихода, но, так и не дождавшись, скрепя сердце, продолжил свой путь.

— Курс на порт Святого Юлиана! — распорядился он. — Там останавливался еще Магеллан, и там остановимся мы. Спустя двое суток суда бросили якорь в бухте, открытой легендарным Магелланом.

Найдя место очень удобным для стоянки, Дрейк тем не менее решил направиться сначала на поиски пропавших кораблей.

Капитану "Елизаветы" Винтеру он велел следовать строго на зюйд, а сам на "Пеликане" отправился на норд и вскоре в бесконечности волн увидел паруса "Лебедя", при этом судно даже не пыталось сблизиться с флагманом. Едва "Пеликан" подошел вплотную к "Лебедю", Дрейк велел перегрузить с него на свое судно все припасы, затем перевели и команду, после чего "Лебедь" был сожжен.

Глава пятая
"ДЕЛО ДОУТИ"

Что касается Доути, то Дрейк, вернувшись в порт Святого Юлиана, вошел в такой раж, что, не желая слышать никаких слов оправдания, велел судить Доути. Судьями он назначил офицеров судов флотилии.

— Перед отплытием королева Елизавета сказала мне, что она считает: тот, кто нанесет удар мне, нанесет его и ей. Поэтому именем королевы я назначаю суд!

Один из друзей Доути по фамилии Викари, назначенный в судьи, прибыл к Дрейку и возмущенно заявил:

— Устроенный вами суд неправомочен решать вопрос о лишении Доути жизни.

— Я и не поручал вам решать этот вопрос, — передернул плечами Дрейк. — Оставьте его решение мне. Вы должны только определить, виновен он или нет! Вас это устраивает?

— Вполне! — склонил голову ошарашенный Викари и удалился.

Суд состоялся на небольшом островке в заливе порта Святого Юлиана, который Дрейк не без сарказма назвал островом Истинной Справедливости. По воспоминаниям священника Флетчера, вина Доути была полностью установлена. Сам обвиняемый ее также полностью признал, причем сказал, что если судьи не вынесут ему смертный приговор, то он сам станет своим палачом. Возможно, Доути искренне раскаялся в содеянном, возможно, рассчитывал таким образом добиться снисхождения. Однако все сорок судий единогласно вынесли Доути смертный приговор. Определение вида казни предоставлялось на усмотрение Дрейка.

После зачтения приговора Дрейк объявил:

— Я предлагаю вам выбор. Желаете ли вы быть казненным на острове, или желаете вернуться в Англию, чтобы предстать перед Тайным советом королевы?

— Я благодарю вас, адмирал, за проявленную ко мне снисходительность и прошу время подумать до завтра.

— Хорошо! — кивнул Дрейк.

Утром следующего дня Доути снова предстал перед Дрейком и произнес речь:

— Хоть я и виновен в совершении тяжкого греха и теперь справедливо наказан, у меня есть забота превыше всех других забот — умереть истинным христианином. Мне все равно, что

станет с моим телом, единственное, что я хочу, — это быть уверенным, что я сподоблюсь к будущей лучшей жизни.

Поэтому я опасаюсь, что, оставленный на суше среди язычников, смогу спасти свою душу. Если же я решу вернуться в Европу, то для этого понадобятся специальное судно, продовольствие и команда. Если даже вы дадите мне все необходимое для плавания, то не будет желающих сопровождать меня в Англию, а если и найдутся таковые, то для меня путь домой будет той же казнью, только долгой и мучительной, вследствие моих глубоких душевных переживаний от сознания своей тяжкой вины. А потому я от всего сердца принимаю первое ваше предложение, обращаясь только с просьбой, чтобы мне дали возможность перед смертью принять святое причастие вместе с друзьями и умереть, как подобает джентльмену.

— Ваша просьба будет удовлетворена! — согласился Дрейк.

На следующий день Доути причастился вместе с Дрейком. После принятия причастия они вместе вполне дружески пообедали, подбадривая друг друга. На прощание выпили один за здоровье другого, "как если бы им предстояло лишь обычное путешествие", отметил в своих записках Флетчер.

После обеда, не теряя времени, Доути встал на колени и обнажил шею. Взглянув на окружающих его людей, сказал:

— Я попрошу молиться за меня!

После чего, положив голову на плаху, сказал палачу:

— Делай свое дело без страха и жалости!

"По странной, роковой случайности, — замечает Флетчер, — инцидент в порту Святого Юлиана, которому место в жизнеописаниях Плутарха, произошел в том самом месте и примерно в то же самое время года, где 58 лет назад Магеллан приказал повесить Х. Картагена, кузена епископа Бургосского, вице-адмирала знаменитой экспедиции. Наши люди нашли обломки виселицы, сделанной из мачты, а около нее — человеческие кости. В силу старого морского поверья, что если иметь при себе сувенир, сделанный из куска виселицы, то тебя никогда не повесят, судовой плотник сделал из деревянных обломков виселицы кубки для команды. Что касается меня самого, то я не видел великой нужды из них пить, — отмечает Флетчер. — Покидая остров, мы назвали его Кровавым островом".

И сегодня историки далеко не единодушны в оценке событий, связанных с обвинением и казнью Доути. Главным источником информации для всех поколений исследователей являются записки Ф. Флетчера. Но насколько священник был беспристрастным — это большой вопрос. Ведь писал и издавал он их в те годы, когда Дрейк был в самом зените своей славы, его

обожала вся страна, а королева публично демонстрировала ему свое благожелание. Впрочем, и Флетчер в своих воспоминаниях заступается за казненного. Он пишет: "По странной, роковой случайности этот безымянный остров в гавани Юлиана, который мы назвали Кровавым островом, мог бы прибавить к Плутарховым параллельным жизнеописаниям новую пару: пятьдесят восемь лет до нашего происшествия на этом же месте, приблизительно в то же время года, за такое же преступление понесли казнь два участника Магеллановой экспедиции, один из них — его вице-адмирал. Наши матросы нашли обломки виселицы, сделанной из соснового дерева, из мачты, довольно хорошо сохранившейся, а около нее — человеческие кости. Наш судовой бочар поделал из этого дерева кубки для матросов, хотя не все видели нужду пить из таких кубков. Мы вырыли на острове могилу, в которой вместе с этими костями похоронили тело Доути, обложили могилу большими камнями и на одном из них вырезали имена похороненных в назидание тем, кто придет сюда по нашим следам.

Впрочем, надо сказать, что не все так плохо думали о покойном Доути, не все поверили возведенным на него обвинениям и его, как говорили некоторые, вынужденному признанию. Среди друзей ходили и другие разговоры, о которых справедливо будет здесь хотя бы упомянуть. Говорили, что если и был заговор, то не со стороны Доути, а против Доути, что несчастный восстановил против себя часть своих товарищей, которые, может быть, завидовали ему и не могли простить того доверия, которое питал к нему генерал; с этой целью распускали темные клеветнические слухи, ждали случая, чтобы его погубить. Дело приняло дурной оборот после одного столкновения с генералом, в котором Доути стоял на страже чести своей и всего дела. Когда у африканских берегов было захвачено португальское купеческое судно, генерал назначил его капитаном Доути и приказал ему хранить доставшуюся добычу, не делая исключений ни для кого. Но, на грех, на этот же корабль был назначен и брат генерала Томас Дрейк, и будто бы этот Томас Дрейк нарушил запрет, взломал один из ящиков и запустил в него свою жадную руку. Доути узнал об этом и доложил по долгу службы своему начальнику. Фрэнсис Дрейк, говорили люди, пришел в неистовый гнев и кричал на Доути, что тот хочет запятнать честь не только его брата, Томаса, но и его лично, но что он, генерал, этого не допустит. Надо правду сказать, что характер нашего командира был властный и крутой.

Рассказывали случай, когда, рассердившись за что-то на судового священника, он заковал его в кандалы, отлучил от

церкви и на шею велел повесить кольцо с надписью: "Величайший плут и мошенник на свете". С этой ссоры, говорят, клеветники повели дело открыто, восстанавливая против Доути и генерала, и команду. Двое свидетелей рассказывали также, что, раз заподозрив Доути, Дрейк готов был приписывать ему все дурное. Так, во время бури он бранными словами кричал, что эту бурю наслал Доути, что он волшебник, ведьма и что все это идет из его сундука. Потом, позже, передавали даже такой слух, будто погубить несчастного упросил Дрейка граф Лейстер за то, что Доути распространял-де сказки о смерти графа Эссекса, при котором оба, и Доути, и Дрейк, служили когда-то в Ирландии, и говорил, что смерть Эссекса была делом Лейстера.

Что правда во всей этой темной истории, а что нет — трудно сказать. Пожалуй, самым правдоподобным может считаться такое объяснение. Генерал, говорят, подозревал своего помощника в том, что тот, еще в Англии, зная от генерала его план, передал его министру, лорду Берлею. Это грозило опрокинуть все расчеты Дрейка, потому что Дрейк стремился своим поведением сделать войну с Испанией неизбежной, а Берлей отстаивал политику осторожности и мира. Во всяком случае, дело Доути продолжало глубоко волновать генерала и после казни".

Историк К. Малаховский отмечает: "Скорее всего, Дрейк имел некоторые основания подозревать Доути в некорректном поведении. Но также несомненно, что передаваемые Дрейку факты, обвинявшие Доути, были сильно преувеличены. Нельзя не учитывать и того, что Доути вызвал сильнейшее раздражение адмирала тем, что сообщил ему о самовольном присвоении ценностей с захваченного испанского корабля, на котором находился да Сильва, братом Дрейка Томасом. Дрейк тогда отстранил Доути от командования этим кораблем и вместо него назначил Томаса. Представляется, что казнь Доути была вызвана совокупностью причин. Тут и возбуждаемая врагами осужденного подозрительность Дрейка, и его растущая неприязнь к Доути, а самое главное — желание полностью исключить какие бы то ни было возможности для внутренней оппозиции в экипаже накануне самой ответственной части экспедиции".

А вот любопытное мнение современного английского военно-морского историка Энтони Н. Райана: "За ним (Дрейком. — *В.Ш.*) стояла тень Томаса Доути, одного из "джентльменов удачи", которого он казнил в 1578 году в Сан-Хуане на побережье Южной Америки во время кругосветного плавания. Доути был обвинен в измене и казнен по приговору суда, обладавшего сомнительными правами. Можно объяснить это гем, что Доути возглавил довольно опасный заговор с целью лишить Дрейка власти. В

своей фундаментальной работе "Дрейк и флот Тюдоров" сэр Юлиан Корбетт называет Доути возможным представителем дворцовой "партии мира", который должен был помешать разграблению испанских владений, которое планировали Дрейк и его сторонники. Однако существует масса свидетельств, которые говорят за то, что Доути ничуть не выделялся среди пиратской шайки Дрейка, но был сильно недоволен выделенной ему ролью подчиненного. Дрейк, ничуть не колеблясь, устранил угрозу своему положению командующего в маленькой личной войне против Испании. Целью похода была добыча. Дрейк сумел сначала объединить своих моряков, а потом повязать всех соучастием в грабежах. С помощью грабежа Дрейк сумел прорваться наверх сквозь все социальные барьеры елизаветинской Англии и стал символом сбывшихся надежд, которые витали в английском обществе".

Если Дрейк думал, что, казнив Доути, он поставил в данном деле точку, то Дрейк сильно ошибался. "Дело Доути" еще не раз аукнется ему в дальнейшем, а призрак Доути будет преследовать его до конца жизни…

* * *

Итак, Доути мертв, а перед Дрейком в настоящий момент уже стоят другие задачи. Но несчастья для англичан еще не прекратились. 22 июня произошла трагедия. В тот день Дрейк, взяв с собой несколько человек, высадился на берег. Их встретили несколько патагонцев. Поначалу аборигены были настроены дружелюбно. Они с удовольствием приняли предложенные им подарки. Затем один из спутников Дрейка предложил патагонцу соревнование, чей лук лучше. Разумеется, что стрела, пущенная англичанином, пролетела значительно дальше, чем стрела аборигена. Это вызвало их восхищение. Собралось еще больше местных жителей. Англичанин решил еще раз продемонстрировать превосходство своего лука, но в этот момент тетива оборвалась. Аборигены подняли шум, а один из них пустил первую стрелу англичанину в плечо, вторая пробила грудь. Тогда бывший при Дрейке судовой артиллерист вскинул мушкет, но тот неожиданно дал осечку. Уверовавшие в свое превосходство аборигены тут же убили канонира. Стоявший рядом Дрейк успел подхватить мушкет. На этот раз выстрел получился, и один из патагонцев упал замертво, а остальные бросились врассыпную.

Больше до конца нахождения в бухте никаких инцидентов не

было, хотя и добрых отношений тоже. Исключение составил один патагонец, который так пристрастился к дармовому вину, что ежедневно приходил на берег и клянчил вино до тех пор, пока не напивался и не падал замертво.

Тем временем Дрейк приготовил своим подчиненным еще одну встряску.

Всего Дрейк провел в порту Святого Юлиана почти месяц. Опытный моряк, заботливый начальник и неплохой психолог, он понимал, что людям надо дать возможность отдыха перед тем, как бросить их в объятия неизведанного для англичан Тихого океана. Команды отсыпались, отъедались свежей зеленью и пили свежую родниковую воду вместо затхлой судовой.

Чтобы доукомплектовать команды, Дрейк решил сжечь ранее захваченное испанское судно "Мария".

* * *

11 августа Дрейк приказал всем командам съехать на берег. Когда все собрались, священник Флетчер попытался, прежде выступления Дрейка, обратиться с проповедью к пастве, тот отстранил его рукой:

— Полегче, мистер Флетчер, проповедь сегодня буду говорить я сам. И хотя я очень плохой оратор, но то, что я скажу, пусть каждый хорошо запомнит, а потом и запишет. За все, что скажу, я буду отвечать перед Англией и королевой, и все это я записал здесь, в своей книге. Так вот, господа, мы здесь очень далеко от нашей родины и друзей и со всех сторон окружены врагами. Стало быть, мы не можем дешево ценить человека, потому что не найдем здесь его и за десять тысяч фунтов. Значит, мы должны оставить все столкновения и разногласия. Клянусь Богом, я прямо с ума схожу, как подумаю о столкновениях между джентльменами и моряками. Я требую, чтобы этого не было. Джентльмены с моряками и моряки с джентльменами должны быть друзьями. Покажем же, что мы все заодно, и не доставим врагу радости видеть наши раздоры. Я хотел бы знать человека, который отказался бы своими руками взяться за канаты, но я знаю, что здесь такого нет. Поскольку джентльмены очень нужны в плавании для управления, я их для этого взял с собой, да и другие соображения у меня на то были, и, хотя я знаю, что матросы, если ими не управлять, — самый на свете завистливый и беспокойный народ, я не могу обойтись без них. И вот еще: если кто-либо желает вернуться домой, то пусть мне скажет; здесь есть "Златоцвет", корабль, без которого я могу обойтись и отдать тому,

кто хочет возвратиться. Но чтобы это было действительно домой, а то, если встречу на своем пути, пущу на дно. До завтра у вас хватит времени подумать, но клянусь, что говорю вам правду.

— Не желаем возвращаться! Все желаем разделить вашу участь!

— Тогда хорошо, господа, — выдержав паузу, согласился Дрейк. — Пойдете ли вы со мной в дальнейшее плавание по доброй воле или нет?

— По доброй! По доброй! — закричали все вокруг.

— В таком случае, господа, — продолжал Дрейк, — от кого вы хотите получать жалованье?

— От вас! — был единодушный ответ.

— В таком случае скажите мне, хотите ли вы получить жалованье сейчас или доверяете мне оставить его у себя? — перешел уже ближе к делу Дрейк.

— Конечно же мы полностью доверяем вам! — снова закричали матросы.

После этого Дрейк демонстративно забрал у баталера с "Елизаветы" ключи от судовых кладовок. Затем повернулся к капитанам Винтеру, Джону Томасу и Томасу Худу.

— Я отстраняю вас от капитанских обязанностей!

Те в полном недоумении воскликнули:

— Но за что?

— Ваша вина слишком очевидна! — нахмурил брови Дрейк. — Все вы были свидетелями преступления, совершенного Томасом Доути, в котором тот полностью признался!

Капитаны недоуменно переглядывались, такого оборота они не ожидали.

— А я ведь полностью доверял Доути, считал его моей правой рукой. Это знают все! — повысив голос, продолжал Дрейк. — Но вы не знаете, что королева приказала Доути никому не рассказывать о цели плавания, и особенно лорду Берли, который связан с испанцами. Но Доути вероломно выдал план нашего плавания лорду Берли. Вы все слышали, как он в этом сам признался на суде. Предательство Доути грозит нам тем, что впереди нас уже давно поджидают испанские эскадры! Несмотря на все это, я даю слово джентльмена, что больше казней не будет. Я больше ни на кого не подниму руку, хотя среди нас есть такие, которые этого вполне заслуживают!

Слова Дрейка произвели большое впечатление и на капитанов, и на матросов. Но если первые пребывали в полной растерянности, то вторые с восторгом ловили каждое слово своего адмирала.

— Есть люди, — продолжал между тем Дрейк, —

старающиеся мне повредить. Они распространяют слухи о том, что на это путешествие дали деньги некие темные личности. Но я хочу рассказать вам, как было на самом деле. Лорд Эссекс написал обо мне государственному секретарю Уолсингему как о человеке, который лучше, чем кто другой, может сражаться с испанцами, имея в виду мой опыт и практику. Уолсингем встретился со мной и рассказал, что Ее Величество, оскорбленная испанским королем, желает отомстить ему. И он показал мне план действий, прося под ним подписаться. Но я отказался это сделать, потому что Бог может отозвать Ее Величество к себе, а ее наследник вдруг заключит союз с королем испанским, и тогда моя подпись будет меня уличать. Вскоре королева потребовала меня к себе и сказала приблизительно так: "Дрейк, дело в том, что мне хотелось бы отомстить королю Испании за нанесенные мне обиды". Потом добавила, что я единственный человек, который может это сделать, и она хочет выслушать мой совет. Я ответил Ее Величеству, что в самой Испании мало что можно сделать и что лучшее место для нанесения удара испанцам — это их Индия".

Упоминания в качестве свидетеля своей честности и бескорыстия королевы вызвало у матросов восторженные крики.

В подтверждение своих слов Дрейк показал собравшимся запись королевы на пай в 1000 фунтов и ее автограф. А в довершение привел слова Елизаветы, что, если кто-нибудь из ее подданных сообщит об экспедиции Дрейка испанскому королю, тому не сносить головы.

— Поэтому вы теперь понимаете, что, отдавая под суд Доути, я лишь исполнял повеление нашей королевы. Ну а теперь, господа, подумайте о том, что мы сделали. Мы уже столкнули между собой трех могущественных государей: Ее Величество, короля испанского и короля португальского. Если наше плавание не завершится успехом, мы не только станем посмешищем в глазах наших врагов, но также станем вечным пятном позора на лице нашей родины. Потому я и призываю всех вас к верности своему долгу! А теперь я прощаю всех капитанов и предлагаю им приступить к исполнению их обязанностей!

На этом Дрейк завершил свою воспитательную работу с подчиненными. Надо отдать должное, что в данном случае Фрэнсис оказался на высоте. Перед решающими событиями экспедиции он ловко нейтрализовал всех недовольных и обеспечил себе полную поддержку команд. Можно было выходить в море. 17 августа флотилия Дрейка снялась с якоря.

* * *

Теперь под началом Дрейка было всего три судна: "Пеликан", "Златоцвет" и "Елизавета".

20 августа флотилия миновала огромный мрачный утес — мыс Девственниц (у испанцев мыс Девы Марии).

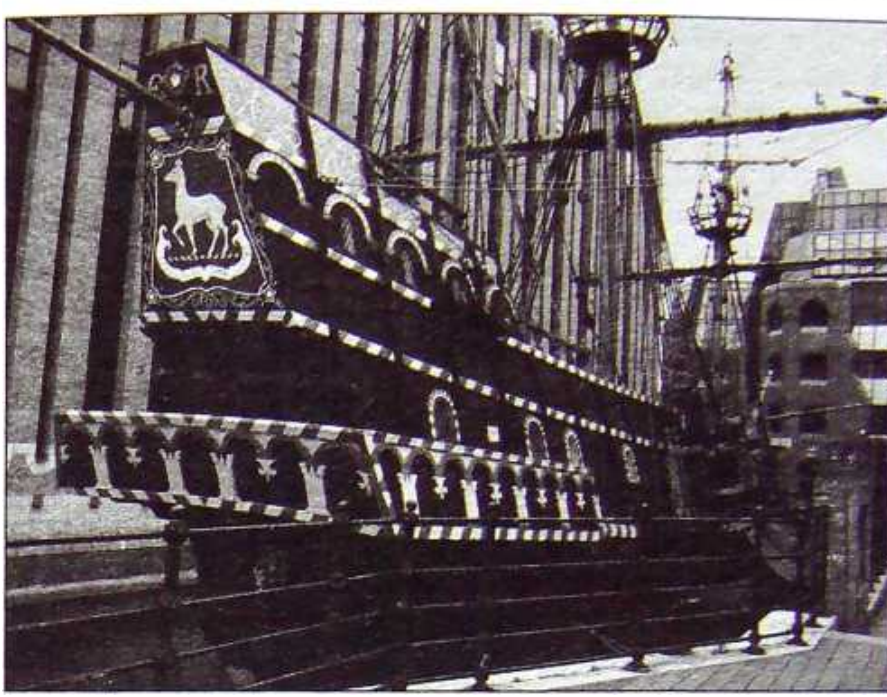
— Друзья, сегодня особый день. Мы выходим в Великий океан, который я увидел пять с половиной лет назад с дерева в панамской саванне!

В ознаменование столь достопамятного события Дрейк велел на всех трех судах спустить марсели в честь английской "королевы-девственницы".

Но этим Дрейк не ограничился.

— Пользуясь властью, мне данной, я приказываю именовать впредь судно "Пеликан" "Золотой ланью"! — распорядился он.

Английские историки считают, что и здесь Дрейк поступил весьма предусмотрительно. Дело в том, что золотая лань венчала фамильный герб фаворита английской королевы Христофора Хеттона. Таким образом, Дрейк убивал сразу двух зайцев: королеве не могла не понравиться организация торжества в честь прохода мыса, который олицетворялся с ее добродетелью, да и внимание к своему любимцу тоже. Что же касается самого фаворита, то тот отныне вообще должен был стать главным союзником Дрейка после возвращения того из плавания.



"Золотая лань". Реплика

Согласно запискам да Сильвы, корабли Дрейка шли этот и весь следующий день вдоль мыса Девственниц, а миновав его 22 августа, стали на якорь у входа в Магелланов пролив.

Спустя день английская флотилия, пользуясь попутным ветром, втянулась в неизвестный пролив.

И сегодня Магелланов пролив пользуется у мореплавателей не слишком доброй славой. Навигационная обстановка там сложная. Ширина пролива в наиболее узких местах не превышает трех миль, что для судов с парусным вооружением делаю его форсирование весьма сложным. При этом пролив весьма извилист, берега скалисты и обрамлены подводными камнями. А ведь у Дрейка не было никаких карт, и идти приходилось почти на одной интуиции.

"С очень высоких, покрытых льдом гор, — вспоминал священник Флетчер, — дуют сильные и холодные ветры, и кажется, будто каждая гора шлет свой особый ветер. Иногда он дул нам в спину и гнал нас вперед, иногда то с левого, то с правого борта, иногда относил за час назад на такое расстояние, которое мы проходили за несколько часов. Но хуже всего было тогда, когда два или три этих ветра дули одновременно с такой силой, что образовывались смерчи, или, как говорят испанцы, торнадо, и начинался страшный ливень. Кроме того, море в проливе так глубоко, что невозможно стать на якорь".

24 августа корабли приблизились к трем небольшим островам в северной части пролива, где было много тюленей и пингвинов. Встретили и аборигенов, "любезных и сердечных людей", так заметил Флетчер.

Больший из островов Дрейк (а кто бы сомневался!) назвал в честь королевы — островом Елизаветы. Второй — в честь святого Варфоломея, так как острова были обнаружены в день этого святого, а третий — в честь святого Георгия Победоносца — покровителя Англии.

У островов Дрейк задержался надвое суток. Команда убивала отпорниками тюленей и пингвинов, набирала в прибрежных ручьях свежую воду, отдыхала и набиралась сил на берегу.

26 августа флотилия продолжила путь. Одно за другим суда втягивались в узкий лабиринт извилистого и узкого пролива.

Только 6 сентября корабли наконец-то вырвались на чистую воду — теперь перед ними был Великий Тихий океан. Впервые английские моряки достигли столь дальних и дотоле запретных для них вод. В истории мирового мореплавания открывалась совершенно новая глава.

Глава шестая
ВДОЛЬ ЧИЛИЙСКИХ БЕРЕГОВ

Смотря на огромные океанские валы, Дрейк не скрывал своего восторга:

— Моя мечта сбылась, я вступил в воды Великого океана! Всем по двойной кружке вина!

Теперь курс флотилии был проложен на норд-вест, к берегам сказочно богатого Перу. Из записок Флетчера: "7 сентября, на второй день после нашего выхода в Южное море, разыгралась такая страшная буря, какой никто из нас не видел. Она началась ночью. Когда наступило утро, мы не увидели солнечного света, а ночью не видели ни луны, ни звезд. И это продолжалось 52 дня. Шторм не ослабевал день ото дня, а, наоборот, усиливался. 30 сентября ночью мы потеряли из вида "Златоцвет". Целый месяц, с 7 сентября по 7 октября, мы не видели земли. Ветер отогнал нас назад к 57° южной широты. Потерялся и вице-адмиральский корабль "Елизавета". Ветер был такой силы, что казалось, дуют все ветры земли одновременно. Казалось также, что все тучи на небе собрались в одном месте, чтобы обрушить на нас ливень. Судно наше то подкидывало, как игрушку, на гребни гигантских волн, то с такой же стремительностью бросало в морскую бездну. Иногда были видны очертания гор, и это наводило на нас ужас, потому что ветер гнал судно прямо на них. Потом они исчезали. Наши якоря, как вероломные друзья в минуту опасности, не хотели служить нам; словно охваченные ужасом, они скрывались в пучине, оставляя неуправляемый корабль и беспомощных людей в бушующем море, которое играло им, как ракетка мячом".

Что и говорить, Дрейку весьма не повезло в сравнении с Магелланом, который за время всего своего плавания по Тихому океану так и не попал ни в одну передрягу.

За время этого нескончаемого шторма "Золотую лань" отнесло к зюйду на 5 градусов! Разумеется, что все суда потерялись, и теперь вся надежда была на то, что они смогут позднее встретиться в точке назначенного адмиралом рандеву. Сам же Дрейк опять попал в воды, которые он прошел около двух месяцев назад. Теперь все приходилось начинать сначала. Шторм стих так же внезапно, как и разразился.

Расхаживая по шканцам, Дрейк подбадривал подчиненных:

— Я вижу особую Божью милость в том, что мы опять попали сюда и должны теперь исследовать ту часть страны, которая находится к югу от Магелланова пролива.

В словах адмирала не было лжи, долгий шторм не только отбросил флотилию далеко назад, но и позволил англичанам сделать весьма важное для того времени открытие.

Сидя в каюте, Дрейк ожесточенно дырявил циркулем наваленные на столе зеекарты и все никак не мог поверить своим глазам. Дело в том, что на картах того времени южную оконечность Америки от предполагаемой южной земли, названной Terra Australis Incognita (таинственная южная земля), простирался широкий пролив. Дрейк же установил, что к югу от Магелланова пролива находится не Terra Australis Incognita, а группа небольших островов, за которыми опять начинается океан. "Золотая лань" достигла высокого и мрачного мыса, именуемого сегодня мысом Горн.

— Открытые мною острова я нарекаю Елизаветинскими! — торжественно объявил адмирал.

У мыса Горн Дрейк высадил команду. Матросы нашли свежую воду и в течение двух дней пополнили ее запасы. Единственно, что волновало Дрейка в те дни, — это мысли о судьбе пропавших в океане судах.

Тем временем неутомимый Флетчер зубилом выбил на одной из прибрежных скал "имя Ее Величества, название ее королевства, год от Рождества Христова и день месяца". "Мы, — записал пастор не без гордости, — покидали самую южную из известных земель в мире… Мы изменили название этой южной земли с Terra Incognita (так действительно было до нашего прихода сюда) на Terra Hunc Bene Cognita (земля, теперь хорошо известная)".

30 октября "Золотая лань" вернулась к перуанским берегам. В районе 30° южной широты Дрейк назначил рандеву потерявшимся судам. Теперь оставалось только ждать и молиться, чтобы флотилия снова объединилась. Океан был тих, а небо прозрачно. Но никто так и не появился…

25 ноября "Золотая лань" бросила якорь у острова Мучо. Штурман Нуньеш да Сильва взял астролябией высоту солнца, выяснив, что остров расположен на 39° южной широты.

Вечером Дрейк с ближайшим окружением съехал на берег. Местные индейцы встретили англичан столь дружелюбно, что даже принесли фрукты и двух жирных баранов. Дрейк в ответ также вручил подарки.

— Мы не причиним вам зла, как наши общие враги испанцы! Единственная цель нашего посещения — это желание приобрести маис, картофель и скот, а также заполнить свои бочки свежей водой. Индейцы обещали во всем помочь. Однако, когда на следующий день несколько матросов отправились за водой, на них напали и захватили в плен. Узнав об этом, Дрейк с отрядом

матросов бросились на помощь, но спрятавшиеся в зарослях индейцы стали их обстреливать стрелами. Одной из них Дрейк был ранен в лицо. Все матросы были переранены стрелами, некоторые получили их по пять-шесть штук, а один — все двадцать. Каким-то чудом Дрейку с матросами удалось запрыгнуть в шлюпку и оттолкнуться от берега. Когда шлюпка подошла к "Золотой лани", все ее борта были утыканы стрелами.

Вскоре на берегу собралось уже несколько тысяч воинственных индейцев, перед которыми лежали два связанных матроса.

Дрейк послал к берегу еще одну шлюпку. Матросы дали из нее по аборигенам несколько залпов. Но хорошо знавшие от испанцев об особенностях огнестрельного оружия индейцы тут же попадали на песок, и пули ушли "в молоко".

Из воспоминаний судового священника: "Когда шлюпка приблизилась к берегу, там была громадная толпа, тысячи две человек, с головы до ног вооруженных. Бросались в глаза блестевшие на солнце серебряные наконечники копий и стрел. Наши несчастные, крепко связанные, лежали на земле, а дикари, взявшись за руки, с песнями и пляской водили кругом хоровод. Мучители срезали с них ножами куски мяса и подбрасывали в воздух; плясавшие подхватывали упавшие куски и пожирали их, словно собаки. Уже дошли до костей, но жизнь в них еще теплилась. Наши матросы дали по дикарям несколько залпов, которые не причинили им вреда, потому что каждый раз они успевали ничком упасть на землю и потом снова принимались за свое дело, совершенно озверелые. Конечно, можно было отомстить им залпом с корабля, но генерал не согласился на это. Причина этого зверства та же, что и прежде: ненависть к испанцам за их кровавую жестокость. Бежав с материка, они никогда не упускают случая пролить испанскую кровь и отведать испанского мяса, когда оно попадается под руки".

Удрученный Дрейк подошел к стонущим и перевязывавшим друг другу раны матросам:

— Мы не сделали им ничего плохого, но они, скорее всего, приняли нас за испанцев, отсюда и такое вероломство с жестокостью!

Летописец экспедиции Флетчер по этому поводу в своих записках отмечает: "Этот случай враждебности, проявленной островитянами, объяснялся не чем иным, как смертельной ненавистью, испытываемой ими к жестоким врагам-испанцам за их кровавое и тираническое подавление коренных жителей Америки. И поэтому, полагая, что действуют против испанцев (они приняли нас за испанцев еще и потому, что некоторые из

наших людей, требуя воды, использовали испанское слово aqua), они обратили свою злобу против нас".

И хотя на самом деле англичане относились к аборигенам во всех частях света совсем не лучше испанцев, в данном случае Дрейк в инциденте был совершенно невиновен.

Увы, спасти пленных матросов не было никакой возможности, и 27 ноября "Золотая лань", так и не сделав по аборигенам ни одного выстрела, снялась с якоря и двинулась вдоль побережья. О судьбе оставшихся никаких сведений не имеется, но вряд ли она была счастливой.

Так как единственный лекарь экспедиции находился на пропавшей без вести "Елизавете", лечение раненых взял на себя сам Дрейк, который, как оказалось, был немного сведущ и в вопросах медицины. Благодаря стараниям адмирала поправились все раненые за исключением двух, которые потеряли слишком много крови.

Теперь "Золотая лань" снова вышла на высоту широты 30°, чтобы еще раз попытаться встретить потерявшиеся суда флотилии. 30 ноября "Золотая лань" бросила якорь в заливе севернее испанского порта Вальпараисо. Дрейк послал шлюпку на берег. Матросы поймали местного рыбака, которого привезли на судно. Дрейк его щедро одарил и попросил помочь продуктами, за которые обещал щедрые подарки. Но индеец объяснил, что данная местность бедна и за продуктами следует плыть прямо в Вальпараисо — главный порт испанского Чили. Дрейк именно так и сделал.

И сразу удача! В гавани безмятежно стояло на якоре большое 1120-тонное испанское судно "Капитан Мориаль", совершавшее коммерческий рейс в Перу с грузом золота и вина. Появление "Золотой лани" не вызвало у испанцев никаких подозрений. Никто не сомневался, что это зашло в порт еще одно испанское судно. На "Капитане Мориале" даже поприветствовали прибывшее судно барабанным боем.

— Кажется, нас ждет отличный прием! — хмыкнул Дрейк и велел спустить шлюпку.

В нее сели восемнадцать до зубов вооруженных матросов. Первым на борт испанского судна взобрался матрос Томас Мун, немного говоривший по-испански. Пока он отвлекал испанцев, взобрались остальные. Остальное было, как говорится, делом техники. Полтора десятка полусонных испанцев не смогли оказать никакого сопротивления и были заперты в трюме. Победителям досталась богатая добыча. Особо выделялся внушительный золотой крест, усыпанный изумрудами, "с прибитым к нему, по словам Флетчера, богом из того же

металла". Что касается Дрейка, то он своей главной добычей посчитал найденные в капитанской каюте испанские карты Тихого океана.

После этого англичане высадились на берег. Увидев их, все жители разбежались.

Вальпараисо был в ту пору обычной деревней — десяток домишек, несколько пакгаузов да портовый кабак. В пакгаузах нашлось большое количество продовольствия и особенно вина. Но золота, увы, в этой бедной деревне не было и в помине. Любопытно, что Дрейк между делом ограбил и местную церквушку, забрав расшитый золотой ниткой алтарный покров и преподнеся его своему пастору. Перед тем как покинуть гавань все испанцы были отпущены на берег за исключением штурмана Хуана Гриего. В море "Золотая лань" вышла уже в сопровождении захваченного "Капитана Мориаля", на котором находилась призовая команда.

Когда чилийский берег исчез с горизонта, оба судна спустили паруса, и с пленника начался перевоз драгоценностей и припасов на флагманское судно Дрейка. Что касается матросов, то они особо радовались ста семидесяти бочонкам вина.

Что же касательно захваченного золота, то историк К. Малаховский пишет о нем так: "Дон Луис де Толедо, вице-король Перу, определял их стоимость в 14 тыс. золотых песо. Педро Сармиенто де Гамбоа утверждал, что хозяином "Капитана Мориаля", Гернандо Ламеро, были зарегистрированы находившиеся на корабле драгоценности на сумму в 24 тысяч песо.

Какова была действительная их стоимость, определить, конечно, невозможно. Ясно одно, что первое же нападение Дрейка на испанцев в Тихом океане принесло ему немалый барыш. Ведь если перевести стоимость награбленного на современные деньги, то это составит много миллионов фунтов стерлингов".

Теперь "Золотая лань" двигалась вдоль американского берега на север, стремясь выйти в районы более богатые груженными золотом испанскими судами.

Тем временем в трюме "Золотой лани" стала прибывать вода. Течь была закономерным последствием прошедшего шторма. От бесконечных ударов волн разошлись швы обшивных досок, и теперь ручные помпы, на которых безостановочно работали матросы, уже не справлялись с потоком воды. Надо было срочно искать необитаемую бухту и там приводить судно в порядок.

19 декабря Дрейк вошел в залив к югу от города Сиппо. Но едва высадившись, англичане нарвались на испанский кавалерийский отряд. Пришлось бежать, при этом один матрос

был убит.

— Это явно не то место, какое мы искали и где желали бы остановиться, — сказал Дрейку пастор Флетчер.

В ответ тот лишь молча кивнул головой.

Пройдя 90 миль к норду, Дрейк увидел широкий залив с песчаным берегом и несколько индейских хижин.

Зайдя в залив, срочно приступили к починке "Золотой лани". Судно креновали, забивая пазы между досок корпуса новой просмоленной паклей.

Уже 18 января 1579 года "Золотая лань" была снова готова к плаванию. За это время матросы пополнили запасы воды, наловили в прибрежных водах много рыбы. На следующий день маленькая флотилия Дрейка продолжила свой путь.

От берега далеко не отходили. Дрейк все не терял надежды найти пропавшие суда, и несущим вахту в "вороньем гнезде", кто первым увидит пропавших, была обещана щедрая награда.

Вскоре снова стала ощущаться нехватка воды, тем более что берега были теперь на редкость пустыми и засушливыми.

При случае, разумеется, грабили зазевавшихся испанцев. Из воспоминаний пастора Флетчера, который также, судя по всему, принимал в этих грабежах самое активное участие: "Наши поиски воды продолжались, и мы… высадились недалеко от Тарапаки. Там мы встретили испанца, гнавшего восемь лам, или перуанских баранов, каждый из которых нёс по два мешка. В мешках было по 50 фунтов чистого серебра, а всего — 800 фунтов. Мы не могли допустить, чтобы испанский джентльмен превратился в погонщика, и потому без просьбы с его стороны сами предложили свои услуги и стали подгонять лам, но так как он не мог хорошо показать дорогу, то нам пришлось взять это на себя, и, после того как мы с ним расстались, мы с нашим новым багажом оказались около своих лодок".

Там, где испанцы были готовы дать отпор, Дрейк сразу же убирался восвояси, вполне разумно не рискуя ввязываться в серьезные сражения. Так произошло, к примеру, в порту Арика.

У селения Арикипа Дрейку наконец, казалось бы, повезло, и англичане захватили большое испанское судно. Но, увы, испанцы только-только сгрузили все серебро на берег, где его тут же прикопали в лесу. Пришлось довольствоваться другим судном с грузом полотна.

— Богаче мы сегодня явно не стали, но зато поменяем паруса! — резюмировал ситуацию Дрейк, после чего направил "Золотую лань" прямо к Лиме — резиденции вице-короля этой испанской колонии. Это был уже откровенный вызов испанцам.

На подходе к порту Кальяо, что находился в шести милях от

Лимы, встретили небольшое судно. И хотя трюмы его были пусты, капитан Гаспар Мартин после нескольких стаканов вина поведал Дрейку много любопытного. Хитрый Дрейк только подливал капитану вина.

— А много ли золота и серебра находится на судах, стоящих в Кальяо? — спросил он, когда, по его мнению, испанец достиг нужной кондиции.

— Тут вы опоздали, ибо большинство драгоценностей уже увезли. Впрочем, 2 февраля в Панаму ушло большое судно, буквально забитое серебром. Так как оно должно по пути зайти еще в ряд портов, то, если поторопиться, еще можно его догнать! — совсем уж разоткровенничался капитан Мартин.

Кроме того, Мартин сообщил, что в Лиме в тюрьме сидит старый товарищ Дрейка по экспедиции в Панаму Джон Оксенгем с несколькими матросами. Атаковать Лиму было бы безумием, но мысль спасти своего старого соратника у Дрейка появилась.

— Для начала нам следует погреметь кастрюлями в этой посудной лавке короля Филиппа! — решил он. — Курс в гавань!

Глава седьмая
ТИХООКЕАНСКИЙ ПОГРОМ

К 80-м годам XVI века Лима, некогда основанная конкистадором Франциском Писарро, превратилась в большой и красивый город. В центре ее возвышался роскошный дворец вице-короля. Население Лимы составляло до двадцати тысяч человек, из которых половина были испанцы. На многочисленных плантациях и в серебряных шахтах трудились тысячи индейцев и негров-рабов. В городе стоял большой гарнизон. С ближайшим портом Кальяо Лиму соединяла удобная дорога. И порт, и сама Лима были хорошо укреплены.

Рассчитывать на успех в боевых действиях с испанцами, имея под началом два потрепанных судна, — безумие. Но, узнав о заточении в Лиме своего сотоварища, Дрейк все же решает отомстить за него.

Ночью суда Дрейка тихо вошли в гавань и бросили там якорь. С "Лани" спустили шлюпку, на которой матросы обошли внутренний рейд и перерезали якорные канаты стоящим там судам в надежде, что отлив оттянет их мористее, после чего эти суда станут легкой добычей.

Тем временем на рейд Кальяо вошло очередное испанское судно "Святой Христофор" и, ничего не подозревая, стало рядом с "Золотой ланью". Дрейк запретил своим матросам отвечать на крики с "Христофора", говорили лишь те, кто знал испанский. Но всего предусмотреть не удалось. Ближе к полуночи на "Христофор" отправились таможенники.

Хотя уже близилась полночь, приход корабля был замечен с берега, и к нему была послана шлюпка с таможенниками. Переговорив с капитаном "Христофора", испанцы удивились, обнаружив рядом с ним еще одно неизвестное судно — "Золотую лань", корпус и рангоут которой значительно отличались от испанских.

— Кто вы такие? Как называется ваше судно? — начали кричать таможенники.

Что тут было делать?

— Мы судно "Святой Христофор"! — единственное, что мог выкрикнуть в данной ситуации Дрейк.

Испуганные таможенники сразу же погребли к берегу, почему-то решив, что неизвестное судно французское.

Англичане кинулись было вдогонку, но не догнали. Сорвалась и попытка захватить стоявший рядом "Святой

Христофор".

Когда же "Христофор", снявшись с якоря, начал выходить в море, чтобы там найти убежище, вдогонку ему была послана бывшая у Дрейка пинаса с матросами. На сей раз все получилось, как задумывалось, и "Христофор" был захвачен на выходе из гавани. Впрочем, команда успела покинуть судно.

Понимая, что в порту ему больше ничего не светит, Дрейк также направил "Золотую лань" на выход. "Золотая лань" снялась с якоря и вышла в открытое море.

Между тем в Кальяо забили колокола, началась суматоха. Конные гонцы понеслись в Лиму к вице-королю Перу дон Луис де Толедо. В Кальяо был послан с отрядом генерал Диего де Фриаса Трейо.

Но генерал не успел, увидев лишь скрывавшуюся за близлежавшим островом "Золотую лань".

В погоню за английскими злодеями были немедленно направлены два судна с солдатами под началом все того же Диего де Фриаса Трейо. Но испанцы значительно опоздали, к тому же несухопутному начальнику Трейо было нелегко тягаться с таким моряком, как Дрейк!

За это время англичане опустошили трюмы захваченного "Христофора" (там оказался шелк и полотно) и, бросив его на произвол судьбы, скрылись в безбрежном океане.

Когда же отпущенные испанские матросы сообщили, что во главе англичан находится печально знаменитый Фрэнсис Дрейк, тот самый, что захватывал пешие караваны у Панамы, громил испанцев в Номбре-де-Диосе и Картахене, ярости вице-короля не было границ. Несчастного генерала тотчас сместили с поста, а во все порты побережья были посланы суда с известием о появлении английского "дьявольского Дракона".

* * *

А Дрейка уже волновали совсем другие дела. Он торопился догнать груженное золотом судно, о котором ему рассказал словоохотливый капитан Мартин. Вскоре ему удалось перехватить небольшое суденышко, капитан которого поведал (разумеется, небезвозмездно), что интересующее Дрейка судно проходило мимо совсем недавно.

А в близлежащей гавани Дрейк узнал и название своей будущей добычи — судно именовалось "Какафуэго", как и то, что судно покинуло эту гавань всего двумя сутками ранее.

И снова погоня. В пути англичане перехватили еще одно

небольшое судно с грузом одежды. Приодевшись, его отпустили.

Следуя вдоль побережья, Дрейк заглядывал во все бухты. Но ни в бухте Святой Елены, ни в Гуаякиле никто ничего не слышат о вожделенном "Какафуэго". Дрейк начал нервничать. Возможно, испанского капитана известили о погоне и он, изменив курс, где-то затаился, а может, "Какафуэго" просто не заходит более в гавани, так как торопится доставить по назначению свой драгоценный груз.

28 февраля "Золотая лань" миновала экватор. И снова небольшая удача — испанское каботажное суденышко с грузом корабельного такелажа, который был англичанам как раз кстати. Да и золото там тоже нашлось — не меньше 20 тысяч золотых песо.

— Тому, кто первым увидит "Какафуэго", я дарую золотую цепь! — объявил Дрейк.

1 марта в час пополудни, когда "Золотая лань" находилась на траверзе мыса Святой Франциск, сидевший в "вороньем гнезде" Джон Дрейк закричал:

— Парус! Я вижу парус! Это то, что мы ищем!

На "Лани" прибавили парусов, и вскоре уже все могли видеть, что в дистанции девяти миль впереди двигалось большое испанское судно.

— Да, это наш "Какафуэго"! — закричал Дрейк и тут же повесил на шею младшему брату тяжеленную золотую цепь.

Рядом уже в нетерпении толпились матросы, готовые к немедленному абордажу.

— Не будем торопить события, — успокоил их Дрейк. — Всему свое время. И наш "Какафуэго" должен созреть, прежде чем упадет в наши руки. Будем ждать ночи!

"Золотая лань" замедлила ход, чтобы держаться неподалеку от своей добычи, но при этом не вызывать у нее никаких подозрений. Дрейк не без оснований боялся, что, заметив опасность, испанский капитан успеет скрыться в одной из многочисленных бухт близкого берега. А потому надлежало догонять его постепенно, не привлекая особого внимания.

Однако к вечеру подул бриз. Теперь, если бы испанцы заметили неладное, они могли бы быстро скрыться под берегом. Настало время решительных действий. Поставив все паруса, "Золотая лань" рванула на пересечку "испанца".

Артиллеристы зажгли фитили, абордажные партии изготовились к рукопашной.

Тем временем капитан (и одновременно владелец) "Какафуэго" Сан-Хуан де Антон пребывал в полной уверенности, что следовавшее позади него в некотором отдалении судно

является испанским.

Когда же в сумерках "испанец" стал его нагонять, а потом и вовсе пересек его курс, Хуан де Антон даже поприветствовал его, пытаясь понять, что за странные маневры выполняет его коллега. Ответа на свое приветствие испанский капитан так и не дождался.

Затем с борта "испанца" прокричали:

— Мы англичане, немедленно убери паруса!

Хуан де Антон впал в прострацию, так как все никак не мог поверить, каким образом в недосягаемых ни для кого владениях испанской короны могли появиться англичане.

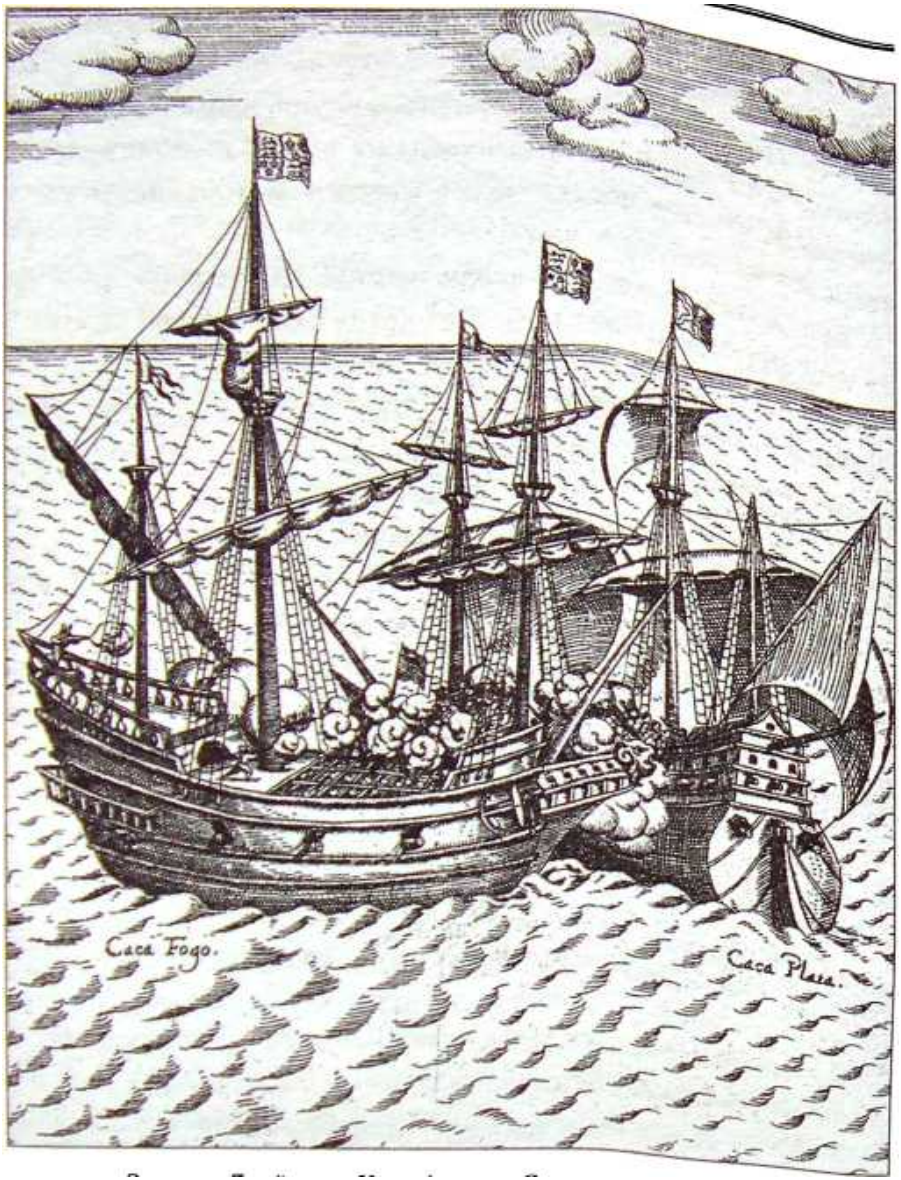
— Уберите паруса, господин Хуан де Антон, иначе я пущу вас на дно со всей командой! — вывел его из оцепенения окрик Дрейка.

— По какому праву вы приказываете мне убрать паруса? — только и нашелся он что ответить.

— Перебирайтесь ко мне на борт! — продолжал командовать Дрейк в свой старый медный рупор. — Сделайте это лучше сами. Не надо напрасной крови!

В подтверждение его слов ударили пушки. Одновременно к противоположному борту "Какафуэго" уже подошли заранее спущенные шлюпки, с которых быстро взобрались на борт "испанца" четыре десятка дрейковских головорезов, которые без всякого сопротивления (команда попряталась в трюм) схватили капитана. Спустя четверть часа де Антон уже был на "Золотой лани".

— Не отчаивайтесь, мой друг, такое порой случается на войне! — похлопал его по плечу Дрейк и отправил под арест в кормовую каюту.



Захват Дрейком "Какафуэго". Старинная гравюра

Затем Дрейк перебрался на "Какафуэго" и приступил к ревизии захваченных богатств.

Из воспоминаний участника событий: "На следующее утро начались осмотр и подсчет, длившиеся шесть дней. Нужно было перевести дух после такого безостановочного преследования, но главным образом оказать любезность капитану Хуану де Антону и освободить его от забот о столь тяжелом грузе. Мы нашли здесь много съестных припасов: фрукты, консервы, сахар, муку и прочее, а главное (что и было причиной столь медленного

плавания) — бриллианты и драгоценные камни, тринадцать ящиков серебряной монеты, восемьдесят фунтов золота, двадцать шесть бочек нечеканенного серебра, два красивых серебряных золоченых кубка и разную мелочь, всего на сумму около трехсот шестидесяти тысяч песет".

В течение еще трех последующих суток шлюпки непрерывно перевозили драгоценности и прочие нужные англичанам припасы на "Золотую лань".

По словам де Антона, общая зарегистрированная стоимость определялась в 400 тысяч песо, из которых 106 тысяч принадлежало лично королю Филиппу, а остальное — частным лицам. Общая стоимость золота и серебра, которые Дрейк изъял у беспечных испанцев, — более 447 тысяч песо! И это, не считая стоимости большого количества фарфора, ювелирных изделий из золота и серебра, драгоценных камней, а также шерстяных тканей и продовольствия! Из протокола допроса де Антона королевским судом: "Ущерб, нанесенный захваченным им судам, оценивается еще в 100 тысяч песо. В эту сумму не входит стоимость мелких вещей, которые он (Дрейк. — *В.Ш.*) брал в разных местах".

Надо ли говорить, что Дрейк пребывал в превосходном расположении духа. За совместным обедом он лично подливал невольному гостю вино и предавался философским мыслям:

— Видите ли, мой друг, во время одного из моих прежних плаваний в испанскую Вест-Индию меня подло обманул вице-король Мексики дон Мартин Энрикес, нарушив данное мне и моему другу Хокинсу слово. Его обман обошелся нам тогда в 7 тысяч песо. Поэтому я считаю вполне справедливым восстановить справедливость за счет королевского серебра.

— Но при чем здесь наш король? — удивился испанец.

— Вице-король — ближайший слуга короля, а значит, король отвечает за прегрешения своего помощника. Именно поэтому все принадлежавшее королю Филиппу серебро я оставляю себе как компенсацию за обман Мартина Энрикеса, а остальное передам моей королеве.

Хвастаясь, Дрейк показал де Антону навигационную карту, сделанную специально для него в Лиссабоне, которая, по его словам, стоила огромных денег.

— А каким путем господин адмирал думает вернуться на родину? — как бы между прочим спросил де Антон.

На это Дрейк понимающе улыбнулся:

— Видите ли, мой друг, существуют три пути, которыми я мог бы воспользоваться. Один путь — через мыс Доброй Надежды, второй — тот, которым я приплыл к вам…

— Ну а третий? — не выдержав паузы, спросил испанец.

— Третий путь — это мой секрет! — многозначительно поднял вверх указательный палец Дрейк.

Когда трюмы "Какафуэго" были вычищены, Дрейк вернул на его борт команду и незадачливого капитана.

— Плывите, куда пожелаете! — благосклонно разрешил он.

А чтобы подсластить пилюлю, он лично отсыпал в карманы каждому из испанцев по сорок песо. Капитан де Антон же получил от Дрейка именной серебряный кубок с гравировкой "Фрэнсис Дрейк", так сказать, чтобы не забывал… "Какафуэго".

Любопытно, что "Какафуэго", что значит в переводе с испанского "изрыгатель искр", после того как его ограбил Дрейк, испанцы в шутку прозвали "Изрыгателем серебра".

На прощание Дрейк вручил испанскому капитану письмо, сказав, что в случае его встречи с другими английскими судами он должен показать это письмо, и тогда его отпустят с миром. Кроме этого Дрейк попросил де Антона и за томящихся в застенках Лимы моряков:

— Передайте вице-королю Перу, что он уже убил достаточно англичан, а тех трех, что томятся в его застенках, пусть не убивает. Если же он их убьет, то это будет стоить жизни трем тысячам испанцев, головы которых я ему перешлю. Таково мое слово, а я, как он уже убедился, слов на ветер не бросаю!

О гостеприимной неделе, проведенной у Дрейка, испанский капитан Сан-Хуан де Антон впоследствии рассказывал в донесении своему правительству. Английское судно он нашел хотя и весьма потрепанным бурями, но все же в прекрасном состоянии. У англичан было много оружия, запасных канатов, плотничьих инструментов, кирок и т. п. Де Антон насчитал на "Золотой лани" восемьдесят пять человек. К Дрейку все они относились с величайшим уважением и беспрекословно слушались. У двери каюты Дрейка постоянно стоял часовой. Обедал Дрейк обычно один и под музыку. На судне не делали тайн из произведенных набегов на испанские порты и захват судов. В своем донесении де Антон особо отмечает, что судовой священник показал ему украшенное изумрудом распятие и спросил, может ли он серьезно верить, что это Бог.

К чести де Антона, он выполнил просьбу Дрейка и передал вице-королю Перу его просьбу не убивать Оксенгема и его двух матросов. Но дон Франциско де Толедо решил поступить вопреки просьбе проклятого "дьявольского Дракона" и повесил всех троих. Одновременно была снаряжена и эскадра для поиска Дрейка в тихоокеанских водах.

Помимо этого вице-король немедленно отправил письмо королю Филиппу, где подробно перечислил все пакости Дрейка и

просил перехватить его на подходах к Англии.

В сентябре 1579 года Филипп получил письмо Франциско де Толедо и весьма расстроился.

— Этот английский дракон — настоящее исчадие ада! — крестился он.

Немедленно были приняты соответствующие меры. Для перехвата Дрейка у Молуккских островов Филипп написал письмо с просьбой о помощи королю Португалии. Для перехвата англичан, решись они возвращаться через Магелланов пролив, туда была немедленно послана достаточно сильная эскадра из Кадиса.

Что касается Дрейка, то он некоторое время еще искал свои пропавшие суда, а потом, осознав тщетность своих усилий, решил готовиться к возвращению.

Из воспоминаний участника плавания: "Найти своих товарищей мы потеряли теперь всякую надежду. Теперь предстояло либо приняться за разрешение, либо отказаться от надежды разрешить ту главную задачу, которую наш генерал себе поставил, а именно: открыть в Северной Америке проход из Тихого океана в Атлантический. Этим мы не только оказали бы громадную услугу нашей родине, но и для самих себя сократили бы долгий и скучный обратный путь. Поэтому весь экипаж внимательно слушал и одобрил мнение своего капитана, что теперь надо было прежде всего привести в порядок корабль, запастись топливом и водой, а затем приняться за поиски указанного прохода, которым мы могли бы радостно вернуться к своим вожделенным очагам".

К чести Дрейка, он сделал все от него зависящее, пытаясь отыскать пропавших в штормовом океане товарищей. Не его вина, что этого так и не случилось. На вопрос команды о том, каким же путем адмирал намерен возвращаться, Дрейк отвечал так:

— Мы будем возвращаться тайным третьим путем, о котором испанцы даже не имеют представления!

— Что же это за путь? — удивились офицеры и матросы.

— Далеко на севере есть никому не известный пролив Аниан, который соединяет Тихий и Атлантический океаны. Открыв этот пролив, мы не только спасем себя и свои богатства, но и окажем огромную услугу Англии!

— Наш Дрейк — все же голова! — говорили между собой офицеры.

— Восток или Запад — все одно, главное, что домой! — говорили матросы.

Как обычно, перед большим переходом Дрейк дал возможность своим людям восстановить силы и перевести дух.

16 марта "Золотая лань" подошла к безлюдному острову Кано в заливе Коронадо. Там англичане подлатали свое судно и немного отдохнули.

Одновременно дозорная пинаса перехватила еще одно испанское судно, на этот раз с грузом китайского шелка и фарфора. Сюрпризом для Дрейка стал золотой сокол и серебряная жаровня. Все добро, как обычно, забрали, а судно отпустили на все четыре стороны.

24 марта "Золотая лань" подняла паруса и повернула свой форштевень строго на норд.

А испанцы, казалось, буквально слетались на зов Дрейка, как бабочки на огонь. Через неделю плавания "Лань" перехватила еще одно судно короля Филиппа. К удивлению Дрейка, на судне оказался некий кавалер престижнейшего испанского ордена Сантьяго знатный идальго Франциско де Сарат, приходившийся кузеном всесильному герцогу Медине.

Некоторое время де Сарат в письме к вице-королю Мексики Мартину Энрикесу так описал свою неожиданную встречу с Дрейком: "4 апреля, за полчаса до полуночи, я увидел подошедшее к нам близко судно. С борта моего судна крикнули, чтобы судно не мешало движению. Но ответа мы не получили, похоже было, что на судне все спали. Тогда мы крикнули еще раз, уже громче, спрашивая, откуда идет судно. По-испански ответили, что из Перу. В это время мы заметили, что спущенная с корабля шлюпка подошла к нашей корме. Из шлюпки закричали: "Спустите паруса!" — и раздалось семь или восемь аркебузных выстрелов. Мы подумали, что это уже слишком для шутки и дело становится серьезным. Со своей стороны мы ничего не предпринимали. Люди из шлюпки вошли на судно и приказали отдать оружие и ключи. Мы повиновались. Узнав, что я хозяин судна, они посадили меня в шлюпку и повезли к их генералу Я обрадовался этому, подумав, что буду иметь больше времени, чтобы лучше себя подготовить к встрече с Господом нашим. Скоро мы прибыли туда, где находился их генерал, на очень хорошее судно, вооруженное такой артиллерией, какой я еще не видел. Я увидел генерала, прогуливавшегося по палубе, и, подойдя к нему, поцеловал его руку. Он принял меня очень сердечно, проводил в свою каюту, предложил мне сесть и сказал: "Я друг тех, кто говорит мне правду, но с теми, кто этого не делает, я шутить не люблю. Поэтому для вас же будет лучше, если вы скажете мне, сколько золота и серебра везет ваше судно?" Я ответил: "Нисколько". Он повторил вопрос. Я ответил: "Нисколько, только несколько маленьких золотых пластинок, которыми я пользуюсь, и несколько кубков — вот все, что есть на

корабле". Он молчал некоторое время, а потом спросил, знаю ли я Вас, Ваше превосходительство. Я отвечал: "Да". — "Есть ли на вашем судне кто-либо из его родственников или вещи, принадлежащие ему?" — "Нет, сэр". — "Ну ладно, встреча с ним самим меня обрадовала бы больше, чем со всем золотом и серебром Индии. Вы бы увидели тогда, как должен держать свое слово джентльмен". Я ему ничего не ответил. Мы разговаривали, пока не наступило время обедать. Он приказал мне сесть рядом и начал накладывать еду из своей тарелки, говоря мне, чтобы я не волновался, ибо моя жизнь и собственность в полной безопасности. Я опять поцеловал его руку. На следующее утро он отправился на наше судно и осмотрел весь груз. Из моих вещей он взял очень немного: китайский шелк и фарфор, сказав, что берет это для своей жены. В обмен он подарил мне золотого сокола и серебряную жаровню. На следующий день он приказал перевести меня и мою команду на наше судно и разрешил продолжать плавание. Он задержал только Хуана Паскуаля и моего слугу-негра, сказав, что отпустит их после того, как они покажут, где можно найти пресную воду на берегу. Этот генерал был англичанин по имени Фрэнсис Дрейк, лет 35 от роду, небольшого роста, с белокурой бородой. Он один из величайших моряков, когда-либо плававших на морях, и как навигатор, и как командир".

Историк К. Малаховский пишет: "Де Сарат нигде не упоминает о том, что Дрейк сделал еще один презент, "подарив" ему его же крест святого Сантьяго за "проявленную храбрость". Но слухи об этом широко распространились. Даже в одной из комедий Лопе де Вега высмеивается случай "награждения" дона Франциско английским пиратом испанским военным орденом".

Несмотря на это, Дрейк действительно в данном случае вел себя весьма достойно. Согласитесь, что далеко не все пираты дарили своим пленникам золотых соколов и серебряные жаровни, да еще награждали их же орденами!

А "Золотая лань" продолжала свой путь на север. Спустя семь дней Дрейк был уже в порту Гватулько — перевалочном пункте между Перу и Гондурасом. Приход "Лани" совпал с городским праздником. Увидев английский флаг, жители убежали в горы. Английский десант беспрепятственно высадился. Обойдя дома, матросы забрали все, что посчитали достойным своего внимания.

"В одном доме они нашли большой сосуд с серебряными монетами, драгоценные камни и массивную золотую цепь, за которые "поблагодарили испанского джентльмена, который их оставил, убегая из города"", замечает в своем дневнике Флетчер.

Впрочем, городской голова все же успел послать паническое

письмо вице-королю Мексики о нападении Дрейка.

— Мой старый знакомец снова пожаловал в мои воды! — поморщился вице-король, прочитав послание. — Значит, преподанный урок не пошел ему впрок и все придется повторить!

Разумеется, что дон Мартин немедленно отписал соответствующее письмо королю Филиппу, чем не доставил ему особого удовольствия.

В Мексике была объявлена настоящая мобилизация. Дошло до того, что епископ Гватемалы велел снять колокола с кафедрального собора и перелить на пушки. В Гватемалу, Акапулько и к побережью Карибского моря были посланы отряды солдат.

Дрейк, разумеется, не стал дожидаться, пока его обложат со всех сторон. 16 апреля он покинул Гватулько и, выйдя в открытый океан, продолжал путь к неведомому северному проливу. 3 июня "Золотая лань" поднялась до 42 градуса северной широты. Закончились жаркие, душные ночи и начались холодные. Вскоре такелаж покрылся льдом. Резкий переход от жары к холоду сказался на здоровье команды, многие заболели.

Из записей пастора Флетчера: "…Наши люди почувствовали себя больными; это продолжалось не только ночью, но и наступивший день не принес изменений. Все канаты на нашем корабле обледенели. Нам казалось, что мы попали в арктическую зону, тогда как находились недалеко от очень жарких мест. Шел дождь со снегом. Холод был такой, что, хотя моряки никогда не страдают отсутствием аппетита, для многих было вопросом, стоит ли вынимать руки из теплой одежды для того, чтобы поесть. Да и мясо, снятое с огня, сразу же застывало. Снасти за несколько дней покрылись таким слоем льда, что та работа, которая с легкостью выполнялась тремя людьми, теперь делалась шестью с полной отдачей сил. Американский берег все время отклонялся к северо-западу, как будто бы хотел соединиться с Азией, и никаких следов прохода на восток мы не находили. Холод все усиливался. Штормы сменялись столь густыми туманами, что мы подолгу не могли определить местонахождение корабля. Тревога охватила людей. Они стали сомневаться в правильности избранного пути. Только генерал сохранял спокойствие и бодрость духа, старался поднять упавшее настроение своего экипажа, говоря, что еще немного усилий — и они заслужат великую славу".

На самом деле с каждым днем Дрейк все больше и больше терзался сомнениями относительно таинственного пролива Аниан. Надо было на что-то решаться, а Дрейк все тянул и тянул время. Увы, трудно расставаться с мечтой, всегда трудно!

И все же, когда "Золотая лань" подошла к 48° северной

широты (широта современного Ванкувера), а Аннана все не было видно, Дрейк наконец-то принял решение.

— Поворачиваем на обратный курс! — объявил он рулевым и спустился к себе в каюту.

Несмотря на это, и этот "северный бросок" Дрейка также следует записать в актив его заслуг перед человечеством, т. к. до него столь далеко на север вдоль побережья Северной Америки еще никто не доходил.

Спустившись до 38° северной широты, Дрейк 17 апреля вошел в бухту, которую впоследствии назовут его именем. Надо было дать отдых команде и пополнить запасы воды, а, если получится, то и продуктов.

С местными индейцами у англичан сразу же завязались добросердечные отношения. Объяснялось это, скорее всего, тем, что в здешних местах еще не побывали ни испанцы, ни португальцы и аборигены не знали, сколько бед может принести появление белых людей. К Дрейку и его людям индейцы отнеслись как к пришедшим с моря богам. Несмотря на это, Дрейк, ученый предыдущим опытом, предпринимал все меры предосторожности.

Англичане поставили на берегу палатки и даже построили импровизированный форт. Затем на берег перенесли захваченные у испанцев сокровища, и команда начала починку "Золотой лани". Ее снова кренговали, забивая свежую паклю в расшатавшиеся пазы, меняли и обтягивали такелаж, усиливали рангоут. Еще бы — впереди был бросок через весь Тихий океан.

К этому времени Дрейк окончательно определился возвращаться в Англию мимо Молуккских островов и мыса Доброй Надежды.

А в один из дней пребывания англичан в бухте произошло уж совсем неожиданное. Индейцы большой толпой с песнями и танцами двинулись к английскому форту. Дрейк отдал приказ приготовиться к возможной обороне, но этого не потребовалось. Из записок пастора Флетчера: "Вождь обратился к Дрейку с речью, т. е., если мы его правильно поняли, скорее с предложением, чтобы он стал их королем и покровителем, показывая знаками, что они отказываются в его пользу от всех прав на землю и становятся его вассалами… Вождь снял корону со своей головы, снял все цепочки с шеи и передал все это генералу… Затем вождь и все остальные начали петь и танцевать от восторга, что самый великий и главный бог стал их богом, королем и покровителем, и они чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете".

Конечно же Дрейк не счел возможным отказаться от предложения, не желая обидеть аборигенов.

Своим людям он сказал так:

— Кто знает, может быть, мое здешнее коронование еще принесет пользу нашей Англии!

Поэтому от имени королевы Елизаветы он милостиво принял скипетр и корону.

— Нарекаю свое новое королевство Новым Альбионом! — объявил Дрейк под восторженные крики как англичан, так и индейцев.

После этого он совершил осмотр своих новых владений, оставшись ими вполне довольным.

Из воспоминаний участника плавания: "Когда церемония принятия страны под новую власть была закончена, туземцы обоего пола, оставив своего царька и его телохранителей с нашим генералом (Дрейк. — *В.Ш.*), разбрелись среди наших матросов и внимательно разглядывали каждого. Выбрав кого-нибудь себе по вкусу (обычно это были самые молодые), они его окружали и начинали свои жертвоприношения: плакали, стонали, кричали и раздирали себе ногтями кожу на лице до крови; и это не одни женщины, а и старики, которые неистовствовали не меньше женщин. Подустав и поуспокоившись, они стали нам жаловаться на свои горести и болезни: показывали свои застарелые и свежие раны, язвы, показывали, где болит, и т. п.; жалобно просили у нас помощи и исцеления, давая знаками понять, что стоит нам только дунуть или прикоснуться к больным местам, чтобы они стали здоровы. Их жалобы не могли не тронуть нас, и мы делали все, что было в наших силах: прикладывали примочки и пластыри, мазали мазями, стараясь угадать природу их болезни. От времени до времени они и потом приходили с теми же просьбами".

Несмотря на королевский титул Дрейка и почти идиллические взаимоотношения команды с аборигенами, надо было уже думать о дальнейшем плавании.

Проведя четыре недели в своем Новом Альбионе, Дрейк приказал грузить все припасы на борт "Лани" и готовиться к отходу.

Новый Альбион. Карта времен Ф. Дрейка

23 июля "Золотая лань" навсегда покинула берега Америки, взяв курс на запад. С кормы судна англичане еще долго видели зажженные индейцами на холмах костры. Подданные прощались со своим королем…

Покидая свое королевство, Дрейк по старой морской традиции велел поставить на берегу каменный столб-подран. Считалось, что установленный подран закрепляет новооткрытые земли за тем, кто его установил. На прибитой к подрану медной доске значилось: "Да будет известно всем людям, что 17 июня 1579 г., по милости Господа и от имени Ее Величества королевы Елизаветы Английской и ее преемников, я взял во владение это королевство, чей король и народ по своему желанию передали Ее Величеству их права на всю землю, названную мной, к сведению всех людей, Новым Альбионом. Фрэнсис Дрейк".

В качестве печати, удостоверяющей законность сделанной надписи, в вырезанную в столбе дырку была вставлена шестипенсовая монета с изображением королевы Елизаветы и ее герба. Покидая Америку, Дрейк формально закреплял за английской короной ее северные территории.

Глава восьмая
ДОЛГАЯ ДОРОГА К ДОМУ

Перед взором мореплавателей был Великий океан, катящий в бесконечность огромные волны. Еще никто и никогда не пересекал его в столь высоких широтах. Теперь же это предстояло сделать Дрейку и его сотоварищам. Ловя парусами попутный ветер, "Золотая лань" шла навстречу неизвестности. Уже давно пропал за кормой берег Америки, и теперь вокруг мореплавателей были лишь бездонное небо и бесконечная водная стихия. На пересечение Тихого океана у Дрейка ушло шестьдесят восемь дней. За все это время никто из них не видел и клочка земли: только волны, волны и волны. Уже давно протухла хранящаяся в бочках вода, да и ту уже экономили, как только могли. Уже были съедены почти все продукты, и теперь моряки грызли остатками зубов прогорклую вонючую солонину с каменными сухарями. Уже прохудились паруса, и начал рваться бегущий такелаж. А земли все не было. Среди матросов уже пошли разговоры, что, может быть, впереди ее и вообще нет, а Дрейк гонит их на край мироздания. Пока это были лишь разговоры, но как знать, что произойдет, когда команда окончательно отчается в своем положении и разуверится в своем предводителе?

Наконец 30 сентября так всеми долгожданная показалась земля. Это была группа небольших островков. Увидев их, люди смеялись, плакали и обнимались. Растрогался даже Дрейк.

"С этих островов, — записал дотошный Флетчер, — прежде чем мы успели их обнаружить, вышло огромное количество каноэ, на каждом из которых было по 4, 5, 14 или 15 человек. Они везли кокосовые орехи, рыбу, картофель, фрукты. Их каноэ были сделаны по обычному фасону, по большей части из ствола одного дерева… Местные жители носят в ушах тяжелые украшения, так что мочка уха очень оттянута; ногти у некоторых отращены, по крайней мере, на дюйм, а зубы черные, как смола, и это потому, что они часто едят какую-то траву, имея ее постоянно при себе".

Но островитяне оказались не столь бескорыстными, как индейцы Нового Альбиона. Заполучив сброшенные с "Золотой лани" подарки, они и не подумали чем-то отдариться. Более того, думая, что пришельцы и впредь будут их безвозмездно одаривать, они попытались взобраться на судно. Англичане начали их прогонять, в ответ туземцы стали бросаться со своих каноэ камнями. Чтобы приструнить хулиганов. Дрейк велел выстрелить

холостым зарядом. Испуганные аборигены обиженно отплыли от "Золотой лани". Так что в целом дружбы не получилось.

В отместку за столь некрасивое поведение местных жителей Дрейк нарек открытый им остров — островом Воров.

Решив не высаживаться на столь негостеприимный остров, Дрейк прошел мимо него. 21 октября "Золотая лань" удачно проскочила мимо Филиппин, а 3 ноября подошла к Молуккским островам. В это время местные португальские колонисты находились в состоянии войны с султаном соседнего острова Тернате. Эта распря была весьма кстати для англичан, ибо враг моего врага уже почти друг. Поэтому, подойдя к Тернате, Дрейк был хорошо встречен султаном. После обмена комплиментами и подарками он выразил желание осмотреть "Золотую лань". Когда султан подошел к борту судна на каноэ, Дрейк дал орудийный салют. Одновременно оркестранты заиграли музыку.

— Прошу Ваше Величество посетить мое судно! — пригласил Дрейк через толмача султана.

— Нет-нет! — замотал тот своим белым тюрбаном. — Мне и отсюда все хорошо видно! Но мне очень понравилась ваша музыка. Пусть музыканты спустятся ко мне в каноэ, где я буду их слушать.

По приказу Дрейка оркестранты спустились в султанскую лодку и больше часа услаждали слух местного величества английскими песнями и маршами.

Впрочем, Дрейк не был бы Дрейком, если бы не использовал хорошее отношение к себе местного правителя в коммерческих целях. Уже на следующий день он заключил с султаном весьма выгодный торговый договор, согласно которому впредь подданные султана были обязаны продавать специи исключительно английским купцам.

9 ноября "Золотая лань", пополнив все запасы, оставила за кормой гостеприимный Тернате, а через неделю Дрейк обнаружил к югу от острова Целебес небольшой островок. На поверку тот оказался необитаемым. Это было еще одной удачей, так как потрепанная "Золотая лань" требовала очередного ремонта.

Когда же с судна выгрузили припасы и награбленное добро, оказалось, что корпус "Лани" находится в куда худшем состоянии, чем предполагалось. Было очевидно, что в таком виде она не дотянула бы даже до Атлантики. По этой причине ремонтные работы затянулись на целый месяц. Помимо всего прочего (пресной воды и зелени), остров оказался настоящим раем для крабов, которых ползало по нему великое множество. По этой причине с легкой руки своих матросов Дрейк обозначил на карте

этот остров как остров Крабов.

Англичане оставались на острове целых четыре недели, усиленно готовя свой корабль для последней части пути.

* * *

12 декабря "Золотая лань" продолжила свой путь, вступая уже в воды Индийского океана.

Но перед тем, как вырваться на океанский простор, англичанам пришлось еще продираться через лабиринт всевозможных островов, а также рифов, скал и мелей, их окружавших. Плавание это было не из легких. Приходилось постоянно держать удвоенную вахту наблюдателей и постоянно лавировать в бесконечных проливах и проходах. Однако всего предусмотреть так и не удалось, и "Золотая лань" все же наскочила на подводную скалу. Обшивка была вспорота, в трюм хлестала воды, а сама "Лань" сидела на подводной скале, что жук на булавке.

Из воспоминаний участника плавания: "Мы стали пытаться нащупать дно, чтобы стать на якорь и таким образом подтянуться к нему или сдвинуться с места. Еще оставалась надежда. Генерал (Дрейк. — *В.Ш.*) собственноручно стал опускать лот, но уже на расстоянии какой-нибудь сажени от судна Дна нельзя было достать; наша надежда, затеплившаяся было, мгновенно погасла; стало даже хуже, потому что предстоят следовательно, долгое, мучительное ожидание смерти. Одно было к счастью: не все матросы одинаково трезво оценивали всю опасность положения, будь иначе, уныние, вероятно, лишило бы их последних сил и желания искать спасения. Поэтому генерал скрывал тревогу, шутил и подбадривал экипаж.

Итак, наше судно прочно засело на скале. Рано или поздно, но поднимется ветер, налетит шквал, и оно разобьется вдребезги. Оставаясь на судне, мы связывали с ним свою судьбу. Даже если бы эта минута была еще очень далека, провианта, особенно воды, было в запасе всего на несколько дней. Нам предстояла голодная смерть или перспектива пожирать самих себя или друг друга. Наконец, если бы каким-нибудь чудом тому или иному удалось бы спастись, предстояло бы или одиночество необитаемого острова с дикими зверями, или невыносимое рабство, телесное и душевное, среди каких-нибудь язычников".

Пока Дрейк был в трюме, оценивая степень нанесенного повреждения, благочестивый пастор Флетчер собрал вокруг себя матросов и объявил им, что настал их смертный час.

— Всевышний исчерпал к нам свое терпение и решил закончить наши мучения в этом мире. Бросайте помпы и ведра и молитесь, чтобы достойно предстать перед милосердным Господом! Мы прокляты Господом за то, что Дрейк казнил невинного Доути! Небо требует отмщения крови невинного! Слышите, ангелы смерти уже бьют над нами своими крылами! — вещал он со шканцев, как с амвона.

Матросы с плачем попадали на колени и начали биться головами о палубные доски в истовой молитве.

Глазам поднявшегося на палубу Дрейка предстала столь безрадостная картина, он весьма бесцеремонно отстранил паникера-пастора:

— Да, Господь дал нам еще одно испытание, но только для того, чтобы убедиться в нашей готовности его преодолеть. А молиться будем, когда вернемся домой. Теперь же за работу!

Вся команда вместе с пастором была немедленно загнана в трюм на заделку пробоины и откачку воды.

Одновременно сам он искал место, где можно было бы безопасно стать на якорь. Но глубина была столь велика, что бросаемый лот все никак не доставал до дна. До ближайшего берега же было более двадцати миль.

"Зародившаяся было надежда на спасение, — уныло пишет Флетчер, — теперь угасла; наше несчастное положение становилось еще более ужасным, чем это представлялось вначале… Хорошо еще, что большинство наших людей не понимало безнадежность сложившегося положения".

Кто-то предложил бросить судно и спасаться на шлюпке, но Дрейк отверг эту идею на корню:

— Шлюпка вмещает всего два десятка человек, а нас пятьдесят восемь. К тому же ветер дует со стороны берега, а это значит, что ее попросту унесет в океан. Да и затем ли мы прошли через столько испытаний, чтобы перед порогом дома потерять все наше богатство, даже не попытавшись побороться за его спасение. А потому я принимаю решение оставаться всем вместе на "Золотой лани": если мы победим, то победим все вместе, а если погибнем, то также погибнем рядом друг с другом!

Слова Дрейка вселили бодрость в сердца упавших духом матросов. Следующим утром вновь бросили лот и снова не достали дна. Скрепя сердце Дрейк велел выбросить за борт часть груза. За борт полетели тюки с тканями и пушки, порох и ядра, мука и сухари. Затем полетели за борт и серебряные слитки. Не тронули лишь мешки с драгоценностями и золотом. И вдруг произошло настоящее чудо! Порывы ветра начали понемногу стихать, вода между тем, наоборот, прибывала, а затем очередная

волна приподняла "Золотую лань" и почти бережно сняла ее со скалы.

Заделав пробоину, Дрейк велел продолжить плавание.

Только после этого адмирал призвал в каюту трусливого пастора.

— Фрэнсис Флетчер, — сказал ему Дрейк, — я отлучаю тебя от церкви Господней и лишаю всех выгод и преимуществ, проистекающих от этого, и отдаю тебя сатане и всем присным его!

Помимо этого в знак позора Дрейк приказал повесить на шею пастора дощечку с надписью: "Фрэнсис Флетчер — величайший плут и мошенник на свете".

Историки полагают, что столь резкую реакцию вызвало не столько трусливое поведение Флетчера во время кораблекрушения, а то, что в своей речи он снова помянул Доути, да к тому же обвинил Дрейка в казни невинного. Что и говорить, дело Доути продолжало глубоко волновать Дрейка и после его казни.

Но, несмотря на приступы гнева, Дрейк в душе был все же человеком незлобивым и достаточно быстро отходчивым. Спустя несколько дней он простил поникшего пастора, велел снять позорную табличку и заниматься своими пасторскими делами.

12 марта "Золотая лань" зашла на остров Яву. Там у англичан сложились вполне дружелюбные взаимоотношения с местным правителем. Опять для услаждения слуха местного раджи раздували щеки дрейковские музыканты. "Народ здешний (как и их короли), — отметил в своих записях Флетчер, — добродушный, очень честный и обязательный. Мы накупили у них кур, коз, кокосовые орехи и овощи, которые они нам предлагали с такой любезностью и в таком количестве, что наполнили ими наше судно".

Индийский океан "Золотая лань" пересекла весьма удачно, без происшествий и нежелательных встреч. Погода на всем протяжении пути была спокойной, а ветра — попутными.

15 июня "Золотая лань" на полных парусах обогнула мыс Доброй Надежды, снова не встретив ни одного португальского судна.

Спустя месяц она пересекла тропик Рака, а 22 августа на траверзе судна обозначились на горизонте Канарские острова. Это значило, что до родных берегов осталось совсем немного. Несмотря на это, Дрейк удвоил число впередсмотрящих, да и сам уже почти не спускался в каюту. Ведь "Золотая лань" после кораблекрушения была практически разоружена, а встреча с испанскими судами могла произойти в любой момент. И снова

судьба была благосклонной к Дрейку и его спутникам. Море было пустынным, и "Золотая лань" все ближе и ближе продвигалась к заветной цели своего долгого плавания.

И вот он настал — долгожданный день встречи с родиной! 26 сентября 1580 года избитая штормами и ветрами "Золотая лань" подошла к Плимуту. К этому времени минуло два года девять месяцев и 13 дней со дня начала экспедиции. В жизни Дрейка началась новая глава.

Глава девятая
В ЗЕНИТЕ СЛАВЫ

Матросы меж тем нетерпеливо посматривали на шканцы. Почему Дрейк не дает команды на заход в Плимут? Почему медлит? А Дрейк действительно не торопился. Он ждал…

— Слева по курсу рыбачья лодка! — закричал наконец впередсмотрящий из "вороньего гнезда".

Когда лодка подошла к борту, Дрейк окликнул рыбаков:

— Вы англичане?

— Англичане! — прокричали те в ответ.

— Жива ли королева?

— Конечно, жива, что ей сделается! — удивились рыбаки вопросу. — Вы, наверное, издалека плывете?

— Издалека! — подтвердил Дрейк.

— Тогда в Плимут вам заходить не стоит, так как там недавно свирепствовал мор, установлен карантин, и никому высаживаться на берег не разрешено.

Известие было не из радостных для матросов. Дрейк же, наоборот, был весьма доволен. "Золотая лань" встала на якорь.

И все же, почему Дрейк не торопился заходить в Плимут?

Ох, непрост, весьма непрост был капитан "Золотой лани", чтобы бросаться в омут головой! Дело в том, что Дрейк еще не знал, как воспримет результаты его плавания королева Елизавета, а потому решил на всякий случай подстраховаться. Поэтому он и не вошел сразу в Плимутскую гавань, а, наоборот, отошел к небольшой скале недалеко от Плимута, где бросил якорь. Если Елизавета будет довольна результатом плавания, он всегда успеет ошвартоваться в Плимуте, если же его уже ищут для расправы, он всегда успеет скрыться в море. Куда плыть, вопроса не было, ведь у Дрейка имелось уже собственное королевство! Первым делом Дрейк написал письмо королеве, описав главные перипетии плавания, в конце сообщил о захваченных сокровищах. В Плимут он все же послал своего человека. Вскоре тот вернулся с женой Дрейка Мэри и мэром Плимута.

Беседа с мэром хорошего настроения Дрейку не прибавила. Как оказалось, Испания за время его отсутствия еще более усилилась, не только подавив мятежи голландцев, но и присоединив к себе Португалию со всеми ее колониями и огромным флотом. Рассказал мэр и о слухах вокруг якобы сказочных богатств Дрейка, о которых тогда много говорили по всей Англии еще до возвращения Дрейка. При этом чаще всего

почему-то фигурировала сумма в 600 тысяч золотых дукатов. Самого же Дрейка многочисленные завистники уже прозвали "главным вором неизвестного мира".

— Ну а каков расклад сил среди окружения королевы? — хмуро поинтересовался Дрейк у мэра.

— Ряд советников во главе с канцлером Беркли настаивают на возвращении захваченных ценностей испанской короне, а для вашей милости просят заточения в Тауэре. Впрочем, влиятельные пайщики предприятия Уолсингем, Хеттон и в особенности граф Лестер были, наоборот, на вашей стороне.

— А что сама королева? — не без дрожи в голосе спросил Дрейк.

— В точности сказать не могу, но ходят слухи, что королева весьма недовольна вашими грабежами в Перу, — развел руками мэр, тут же спросив не без умысла: — Ну а что собираетесь делать вы?

Дрейк лишь вздохнул:

Ждать ответа на свое письмо от Ее Величества.

Недовольные матросы, не имевшие возможности сойти на берег и обнять родных, собираясь, гадали, что сделают с ними, когда их капитана отправят в Тауэр, и оставят ли им хоть что-то из награбленного.

Через несколько дней посланец привез ответ от королевы Елизаветы. Можно только представить, как волновался Дрейк, срывая королевские печати. Но ответ оказался более чем благосклонным. Елизавета приказывала капитану немедленно прибыть к ней, прихватив наиболее любопытные предметы из сокровищ.

Только тогда "Золотая лань" вошла в порт, который в тот момент оказался почти пуст. Поразительно, но великого мореплавателя из его великого плавания никто не встретил. Как оказалось, было воскресенье, и все горожане в это время находились в церкви на воскресной службе.

Что касается Дрейка, то он был весьма удивлен, полагая, что день его возвращения 26 сентября является понедельником. При этом шканечный журнал "Золотой лани" велся с большим тщанием, и там ошибки быть не могло. С "потерей дня" позднее разбирались английские ученые, которые и нашли ответ. Это сегодня морякам прекрасно известно, что при пересечении линии перемены дат в полночь меняется дата. Если судно следует в восточном направлении, то повторяется прежняя дата. Если же судно следует в западном направлении (а именно так плыл Дрейк), пропускаются одни сутки (одно число выпадает из календаря).

Появление Дрейка и его людей повергло Плимут в состояние шока. Дело в том, что Дрейка все давно считали погибшим, особенно с тех пор, как за полтора года вернулся на "Елизавете" капитан Винтер, который ничего не мог рассказать о судьбе своего адмирала. Людей с "Золотой лани" давно отпели в церкви, их жены считались вдовами, а дети сиротами… И вдруг они вернулись живыми. Разумеется, потом были радость встречи, объятия, слезы радости у тех, кто дождался возвращения с моря своих отцов, братьев и сыновей, и слезы горя у тех, кто их не дождался.

В Плимуте Дрейк узнал и о судьбе остальных судов своей флотилии. Что касается "Златоцвета", то он со всей своей командой погиб где-то в волнах Тихого океана во время той бури, которая разметала флотилию.

Что касается "Елизаветы" капитана Винтера, то она вернулась в Плимут еще в июне 1579 года. Винтер объяснил свое возвращение тем, что вынужден был уступить команде, опасаясь ее бунта. До сих пор историки спорят о мотивах возвращения капитана Винтера. Есть свидетельства участников плавания, что это сам Винтер настоял на возвращении. Есть и другие точки зрения. Историк К. Малаховский считает, что "скорее всего, дело было так. Прождав три недели Дрейка в одном из заливов Магелланова пролива, куда он спрятался от бури, Винтер, считая, что оба судна погибли, не решился один продолжать опасное плавание и повернул назад, к удовольствию команды".

В народе Дрейка чествовали весьма бурно. Такие герои, как он, всегда в чести у простолюдинов, но при королевском дворе мнения разделились. Кое-кто (это были приверженцы "партии мира" с Испанией) не принял его подарков, как заведомо награбленного. Испанский посланник требовал наказания морского разбойника и возвращения отнятого по принадлежности. Королева некоторое время колебалась. Наконец она приняла решение.

* * *

В тот же день Дрейк с несколькими мешками драгоценностей поспешил к королеве в Ричмондский дворец.

А скандал вокруг Дрейка, по существу, только-только начинался. "Партия мира" во главе с лордом Берли требовала расправы над вернувшимся пиратом, а то и вообще его выдачи на расправу испанцам.

Посол Филиппа Бернардино де Мендоса, добившись приема у

королевы, заявил напрямую:

— Мой король требует немедленного возвращения всех награбленных сокровищ и предания суду пирата Дрейка.

А чтобы у Елизаветы не оставалось сомнений относительно того, сколько награбил ее любимец, де Мендоса в изысканном поклоне передал Елизавете перечень всех испанских сокровищ Дрейка.

— О, как я вас понимаю! — взмахнула веером королева. — Всякое зло непременно должно быть наказано. Но, увы, я не могу наказывать Дрейка до тех пор, пока не выясню у него сама всех обстоятельств плавания.

Как оказалось, история кругосветного плавания имела и весьма любопытное продолжение в Испании. Дело в том, что ушлые испанские чиновники списали на Дрейка все свое воровство за много лет. Если сложить по отчетам испанской короне, сколько серебра украл Дрейк, то получается почти три с половиной тысячи тонн. При этом "Золотая лань" имела едва ли сто тонн водоизмещения и такого огромного количества серебра, не говоря уже о золоте, просто не могла принять. Так что далеко не все в Испании проклинали Дрейка, были и такие, кто воздавал ему хвалу, правда, делал это вдалеке от чужих ушей.

…Прибыв во дворец, Дрейк смело вошел в приемный кабинет Елизаветы и молча преклонил перед ней колено. Рядом с ним лакеи поставили мешки с "подарками".

Историк пишет: "Дрейк выглядел очень импозантно. Одетый с подчеркнутой роскошью невысокий голубоглазый крепыш с обветренным, загорелым лицом, на котором заметно выделялся шрам от индейской стрелы, с белокурыми волосами, ставшими еще светлее от многомесячного действия тропического солнца, он смотрел на Елизавету спокойно и уверенно. Дрейк не сомневался, что привезенные "образцы" окажут нужное действие.

И он не ошибся".

Чтобы аудиенция шла веселее, Дрейк сразу же вручил Елизавете золотую корону с пятью большими бриллиантами. Королева корону примерила и дарителю улыбнулась… Дворцовая хроника отметила, что беседа Елизаветы с Дрейком продолжалась более шести часов. При этом никого третьего там не было и беседа, надо полагать, была весьма доверительной и откровенной.

После аудиенции Дрейк сразу же вернулся в Плимут и занялся регистрацией захваченных богатств.

В виде особой милости Дрейку королева приказала, чтобы он сам до официальной регистрации взял из захваченных сокровищ 10 тысяч фунтов стерлингов для себя и еще 10 тысяч фунтов

стерлингов для раздачи своим матросам. Затем все остальные сокровища подлежали строгой регистрации и перевозились на хранение в подвалы Тауэра.

Но, прежде чем изъять сокровища с "Золотой лани", Елизавета велела:

— Официальный подсчет имущества, составление описи, наложение печатей я поручаю моему доверенному лицу. Однако он предварительно даст Фрэнсису возможность побывать на судне, привести в порядок привезенные сокровища и взять из них себе двадцать тысяч фунтов. Все показания сэра Фрэнсиса принимать и записывать без всякой проверки, ибо точные цифры неизвестны ни одной живой душе. Что же касается испанского посла, то мы ему дадим такую опись захваченных сокровищ, какая нужна нам.

Сегодня английские историки признают, что королева Елизавета сделала все возможное, чтобы об истинных объемах сокровищ Дрейка никто никогда не узнал. Поэтому и сегодня мы можем лишь строить догадки, сколько золота и драгоценных камней вместил в себя трюм "Золотой лани".

Из письма королевского казначея Эдмунда Тремейна лорду Уолсингему: "Чтобы дать вам представление, как я действовал вместе с Дрейком, должен сказать, что у меня не было времени подсчитать стоимость сокровищ, которые показывал мне Дрейк. И, сказать правду, я просил его показывать мне не больше того, что он сам считал нужным, и от имени Ее Величества приказал, чтобы он не говорил о действительной стоимости ни одному живому существу. Я брал для взвешивания, регистрации и упаковки только то, что он мне передавал… И, выполняя секретный приказ Ее Величества о том, чтобы у него остались ценности на сумму 10 тысяч фунтов стерлингов, мы договорились, что он возьмет их себе и тайно вынесет до того, как мой сын Генри и я придем взвешивать и регистрировать то, что останется. Так и было сделано, и ни одно живое существо об этом не знает, кроме него и меня…"

Сегодня считается, что общая стоимость сокровищ, доставленных Дрейком в Англию, составляла 600 тысяч фунтов стерлингов. Это была сумма, в два раза превышающая размер ежегодного дохода английского королевства, которая едва дотягивала до 300 тысяч!

"Пайщики" же предприятия Дрейка получили огромные проценты с вложенного капитала. Конечно, королеве причиталась львиная доля добычи.

Официально считается, что в Тауэр же попало на хранение около 20 тонн серебра, всего пять слитков золота, каждый в 45 см

длиной, и кое-какие драгоценные камни. О том, что стало с остальными сокровищами, знали только Елизавета и Дрейк.

Раздосадованный посол Мендоса, понимая, что его откровенно дурачат, потребовал аудиенции:

— Я еще раз напоминаю Вашему Величеству, что просвещенной европейской монархии приличествует уважать международные законы, а потому еще раз смею напомнить вам о возвращении сокровищ…

Елизавета на сей раз была настроена более решительно, а потому жестом прервала речь испанского посла.

— Ваш король не вправе вообще ничего от меня требовать. — заявила она. — Каждый день я читаю бесконечные жалобы на преследования моих подданных во владениях короля Филиппа. Кроме того, я до сих пор не услышала ответа на вопрос, по какому праву ваши солдаты участвовали в боевых действиях против моих войск в Ирландии, и требую от Филиппа письменного извинения за вмешательство в мои дела.

Слушая речь королевы, в ответ Мендоса закричал:

— Если меня не слушают, то пусть заговорят пушки!

— Если вы будете говорить со мной подобным тоном, я посажу вас в такое место, где вы вообще не сможете говорить! — ответила королева с металлом в голосе.

На этом аудиенция и закончилась. Елизавета изрядно блефовала, зная, что Филипп еще не готов к большой войне.

— Сидя верхом на сундуках с дрейковским золотом, я куда увереннее могу разговаривать с моим братом Филиппом! — говорила после этого королева в кругу своих близких.

Наивно было бы думать, что Елизавета привезенные Дрейком сокровища в реальности спрятала в сундуках. Нет! Она пустила все золото в оборот, чтобы оно работало в интересах Англии.

Современный английский экономист Д. Кейнс пишет: "Богатства, привезенные Дрейком, можно вполне считать основой британских иностранных инвестиций. Елизавета за счет их смогла погасить весь свой иностранный долг и еще часть денег вложить в Левантийскую компанию; большие же доходы, получавшиеся Левантийской компанией, дали возможность создать Ост-Индскую компанию, доходы от которой на протяжении XVII–XVIII вв. были главной основой развития английских внешних связей и т. д.".

Тогда мало кто обратил внимание, что помимо груды золота Дрейк привез в Англию и малопривлекательные с виду бурокоричневые клубни, уже успев оценить вкус неизвестного европейцам продукта. Так началось триумфальное шествие по всему миру картофеля, без которого сегодня трудно представить

наш стол. Что ж, за это наше отдельное спасибо великому мореплавателю!

* * *

Надо ли говорить, что о плавании Дрейка вся Европа говорила чуть ли не как о подвигах Геракла. Глава голландских протестантов принц Вильгельм Оранский желал выбить медаль в честь Дрейка, а король Дании Фредерик Второй — назвать его именем новый боевой корабль. Из Парижа практичный Генрих Наваррский просил прислать ему копии карт Дрейка с нанесенным на них маршрутом экспедиции, так сказать, для ознакомления. Французы тоже мечтали разбогатеть на испанском золоте.

Посол Мендоса с тревогой писал Филиппу II, что Дрейк "проводит много времени с королевой, у которой он в большом фаворе и которая говорит, что он сослужил ей великую службу".

— Не готовит ли эта еретичка мне какую-то новую пакость со своим драконом? — тревожился испанский король, такие письма читая.

А Дрейк все продолжал набирать очки. Во время своей следующей аудиенции он преподнес Елизавете корону с пятью большими бриллиантами, а в первый день нового 1581 года — усыпанный бриллиантами крест.

Елизавета, при всем ее уме, все же оставалась женщиной. Подарки Дрейка произвели на нее должное впечатление.

— Я намерена лично посмотреть вашу знаменитую "Золотую лань", — милостиво улыбнулась она Дрейку, глядя на игру бриллиантов на золотом кресте. — Кроме этого я желаю тогда же возвести вас в рыцарское достоинство!

Для удобства посещения Ее Величества "Золотая лань" была введена в Темзу и ошвартована у Дептфорда. Чтобы "Лань" предстала перед Ее Величеством во всей красе, ее спешно приводили в порядок и красили.

4 апреля 1581 года Елизавета с большой свитой прибыла в Дептфорд.

Для удобства Елизаветы вместо обычных шатких сходен на палубу судна был с причала перекинут настоящий мост. Но на нем сразу же собралось столько зевак, что мост рухнул. Пострадавших, впрочем, не было, и к приезду королевы спешно соорудили новый.

На "Золотую лань" Елизавета прибыла, любезно беседуя с представителем герцога Алансонского (брат короля Франции) де

Маршомоном. Они обсуждали возможность будущего замужества королевы с герцогом. Однако, возможно, это была лишь политическая интрига. Чтобы еще больше уязвить испанского короля, ведь герцог являлся претендентом на престол Нидерландов и в случае брачного альянса Испания получила бы массу новых проблем.

Дрейк встречал королеву звуками труб и боем барабанов. Легенда гласит, что, увидев королеву и понимая, что и она его видит, Дрейк демонстративным жестом прикрыл глаза рукой, как бы пораженный ослепительной красотой королевы… Та вполне благосклонно восприняла такой подхалимаж. Среди моряков и по сей день существует легенда, что именно с этого жеста Дрейка берет начало ритуал отдания чести — прикладыванием ладони к козырьку фуражки. Впрочем, существует и еще одна легенда, будто на подходе к "Золотой лани" не совсем трезвые матросы, приняв сильно нарумяненную Елизавету за портовую шлюху, ее обматерили, но та отнеслась к матросскому слэнгу весьма снисходительно и простила пьяниц.

Приблизившись к королеве, Дрейк преклонил перед ней колено. Елизавета, державшая в руке меч, улыбнулась:

— Король Филипп требует от меня возвращения привезенных сокровищ вместе с вашей головой. Сейчас как раз подходящий случай, чтобы угодить моему кузену!

Принимая шутку, Дрейк пригнул голову, якобы подставляя под лезвие меча свою шею.

— Посвящать в рыцари столь достойного господина может лишь истинный рыцарь! — объявила Елизавета и передала меч стоявшему рядом де Маршомону, который торжественно коснулся мечом плеча Дрейка. Если де Маршомон был счастлив, что Елизавета возложила на него столь почетную миссию, то королева была довольна тем, что продемонстрировала испанцам единение Англии и Франции в борьбе с ними.

Елизавета I посвящает Дрейка в рыцари. Рельеф

Отныне Фрэнсис Дрейк становился сэром Фрэнсисом и равноправным членом весьма малочисленной (всего не более трех сотен) группе англичан, носивших этот почетный титул.

— Отныне "Золотая лань" будет являться символом английской нации, для чего будет сохранена навечно для потомков! — объявила королева, перед тем как покинуть судно.

На последовавшем затем банкете Дрейк снова сумел еще раз польстить королеве, вручив ей украшенную бриллиантами золотую лягушку. Подарок вызвал у Елизаветы смех. Дело в том, что своего гипотетического жениха герцога Ачансонского в узком кругу королева именовала не иначе как "мой лягушонок".

В свою очередь, Елизавета одарила Дрейка собственным портретом с драгоценными камнями и шелковым шарфом, на котором золотой нитью значилось: "Пусть милосердие ведет и защищает тебя до конца дней".

Своим рыцарским званием Дрейк был горд несказанно:

— Теперь я не какой-то морской бродяга, а самый что ни на есть аристократ, а потому мне нужен фамильный замок!

Таким замком стало небольшое поместье в Букленде, всего в шести милях от фермы, где Дрейк родился.

Вскоре его избирают и мэром Плимута, затем инспектором королевской комиссии по проверке состояния флота и наконец

членом палаты общин английского парламента.

* * *

Настало время, когда Дрейк мог насладиться итогами своих трудов и жить в собственное удовольствие. Историки пишут, что в это время он увлекается выращиванием овощей, в частности, привезенного им из Америки картофеля. Возможно, единственное, что как-то огорчало Дрейка, — так это низкое происхождение его жены Мэри, которая так и не смогла стать светской львицей.

Впрочем, безмятежная жизнь Дрейка продолжалась недолго. В январе 1583 года скоропостижно умирает Мэри. Надо ли говорить, что за столь завидным вдовцом началась самая настоящая охота папаш и мамаш лондонского высшего света.

В феврале 1585 года Дрейк капитулировал под напором знатного и богатого семейства Соммерсетов. Его новой женой стала единственная дочь главы семейства сэра Джорджа Сиденгема, 20-летняя красотка Элизабет. У Дрейка было золото, у Элизабет — знатность и манеры. С новой женой Дрейк стал настоящим аристократом. Современники Дрейка пишут, что, несмотря на свои титулы, он до конца жизни говорил с девонширским акцентом, считавшимся в Лондоне языком простолюдинов. Впрочем, самому Дрейку на это было всегда глубоко наплевать. Он удачлив и богат, а это главное!

Тогда же Дрейка избрали депутатом палаты общин британского парламента от Боссини, что в Северном Корнуолле.

А королева Елизавета все продолжала оказывать Дрейку знаки внимания, причем делала это демонстративно перед всей Европой. Так, она вручила ему патент на землевладение в Девоншире и других местах страны "для него и его наследников", затем серебряный кубок с выгравированным изображением "Золотой лани". Дрейк также отдаривался. То золотой солонкой в виде земного шара на спинах двух обнаженных мужчин, то усыпанным бриллиантами веером из красных и белых перьев, при этом, когда веер раскрывался, бриллианты образовывали портрет Елизаветы.

Единственным неприятным последствием кругосветного плавания стал для Дрейка судебный процесс, инициированный Джоном Доути — братом казненного капитана. Разумеется, судебный процесс Джон Доути проиграл вчистую. Разобиженный на всех и вся, он решает устранить Дрейка физически. Но убийство столь известного человека требует профессионального

убийцы, а профессионалы стоят недешево. Доути решает связаться с испанскими торговцами, потерявшими деньга от грабежей Дрейка. Но кто-то где-то проговаривается, и Доути арестовывают. Как оказывается на следствии, финансировать убийство Дрейка согласился лично король Испании. Несмотря на поддержку канцлера лорда Берли, Джона Доути бросают в тюрьму, откуда он уже не вышел. После этой истории авторитет Дрейка вырос еще больше.

* * *

Но Англия не собиралась останавливаться на достигнутом. Еще бы, ее главный противник Испания находилась все еще в зените своей морской мощи и буквально купалась в дармовом американском золоте и серебре. Чтобы хоть немного поколебать эту мощь, нужны были новые и новые удары. Разработкой этих ударов занимался министр и член Тайного совета, а также глава английской разведки и контрразведки Фрэнсис Уолсингем, считавшийся гением шпионажа.

Королева Елизавета была дамой весьма практичной и ничего не делала просто так. Именно так произошло и с рыцарством Дрейка. Если самому Дрейку и окружавшим его казалось, что Дрейк стал сэром уже за оказанные английскому престолу услуги, то Елизавета думала иначе.

— Рукоположенный мечом, он отныне будет служить мне еще преданнее, чем раньше! — говорила она министру Уолсингему.

На рабочем столе королевы уже лежали проекты новых экспедиций, представленных все тем же неутомимым Уолсингемом.

Первый проект предусматривал отправку восьми судов и шести галер-пинас на Азорские острова для создания там "пиратского королевства" под правлением неудачливого претендента на португальский престол дона Антонио. В ближайшей перспективе предполагалось захватить очередной конвой, перевозящий в Испанию американское золото. В перспективе же дон Антонио должен был при помощи англичан отобрать у испанцев Португалию. Кроме этого, базируясь на Азоры, английские корсары могли и в дальнейшем беспрепятственно перехватывать все испанские "золотые конвои".

По замыслу Уолсингема успешное выполнение этих задач мог осуществить только Дрейк.

Второй вариант удара по Испании предусматривал организацию экспедиции в индийский Каликут, чтобы не

допустить захвата Испанией португальских колоний в Азии, а кроме того, обеспечить доступ в Индию английских купцов. Руководителем этой экспедиции также предполагалась кандидатура Дрейка.

После долгих раздумий Елизавета остановилась на первом проекте, который был дешевле, а кроме того, обещал более быстрые результаты.

Надо ли говорить, что подготовка к экспедиции происходила в обстановке строжайшей секретности. Любопытно, что помощником Дрейка был определен Хокинс. Когда-то Хокинс командовал Дрейком. Теперь же их роли поменялись — ученик обогнал учителя. Отплытие флотилии на Азоры было запланировано на июль 1581 года. В конце июня в Лондон прибыл претендент на португальский трон дон Антонио. Однако для успеха экспедиции следовало заручиться поддержкой Парижа. Для уговоров короля… был послан все тот же Уолсингем. Но король не пожелал ссориться с королем Испании из-за английской авантюры. А вскоре пришло известие, что очередной "золотой конвой" уже разгружается в испанских портах. Время было упущено.

18 августа лорд Берли отписал Уолсингему в Париж: "Все эти сообщения… заставили Ее Величество воздержаться от отправки экспедиции… Ее вчерашний ответ дону Антонио был таков, что подготовка к плаванию будет продолжаться, но корабли не покинут порт до вечера, т. е. до того времени, когда она надеется что-нибудь от Вас услышать".

— Что ж, я предлагаю компромиссный план: послать три судна к Азорским островам, чтобы поднять тамошних аборигенов против испанцев. Когда же они захватят острова, мы сможем направить туда и полноценную экспедицию. Но тут разобиделся уже дон Антонио, посчитав себя обманутым:

— Все, что говорила Елизавета, не что иное, как подлый обман. А потому я более не желаю иметь с ней никаких дат, и пусть она вернет мне мой бриллиант, который я ей столь неосторожно подарил.

Разумеется, никакого бриллианта Елизавета неудачнику не вернула, а самого велела более в Англию не пускать.

* * *

Что касается испанского короля Филиппа, то когда он узнал, что Елизавета выдала из своей казны деньги и предоставила английские суда его личному врагу — незаконнорожденному

внуку португальского короля Мануэля Первого дону Антонио, провозгласившему себя в изгнании королем Португалии, предложила антииспанский союз султану Марокко да еще ссудила деньгами лидера голландских протестантов принца Вильгельма Оранского, терпение его лопнуло.

— Сокрушить безбожную Англию и наказать нечестивую Елизавету полагаю делом безотлагательным! — не находил себе места король Филипп.

Для начала наемный убийца заколол новоявленного короля Мануэла и ввел войска в протестантские Фландрию и Брабант. В ответ Елизавета послала в помощь мятежным голландским гезам экспедиционный корпус во главе со своим фаворитом графом Лестером.

В ответ в Англии сразу же начал подготовку экспедиции по второму проекту лорд Уолсингем. Но, к неожиданности всех, Дрейк от участия в ней отказался.

— Данное предприятие видится мне более чем сомнительным, и я не могу ставить на кон свою безупречную репутацию! — к неудовольствию королевы, заявил новоиспеченный рыцарь.

Впрочем, чтобы совсем уж не расстраивать Елизавету, Дрейк согласился включить в состав отплывающей флотилии свое судно "Фрэнсис" под началом младшего брата Джона. Начальником экспедиции был назначен Эдвард Фентон. Как и предполагал Дрейк, экспедиция закончилась полной неудачей. Данный факт породил в народе слухи о Дрейке как о великом ясновидце и прорицателе.

Что касается "партии войны", то, несмотря на неудачу Фентона, она не успокоилась и грезила новыми ударами по Испании. Ее глава неутомимый лорд Уолсингем приносил королеве все новые и новые проекты морских экспедиций. Менялись задачи, порты назначения и океаны. Одно лишь оставалось неизменным — во главе любого из проектов Уолсингема всегда значился Фрэнсис Дрейк.

Глава десятая
В ВОДАХ ВЕСТ-ИНДИИ

В 1585 году в Испании был плохой урожай пшеницы. По просьбе короля Филиппа английские купцы направили ему суда с зерном. Однако в последний момент торговля сорвалась, и, не желая остаться без хлеба, испанский король приказал захватить английские суда, пришедшие в его порты, груз конфисковать, а команды посадить в тюрьму. Впрочем, арестовывались английские суда не просто так, а в отместку за грабительские рейды британских пиратов.

Только одному английскому судну удалось избежать плена. Когда оно вернулось, в Англии узнали обо всем. Начался скандал. Англия была возмущена испанским коварством и не замедлила с ответными мерами. Королева наложила эмбарго на испанскую собственность в Англии.

Помимо всего прочего, ответом короля Филиппа на бесчинства Дрейка в Тихом океане стала организация очередного восстания в Ирландии. Удар по Англии был весьма чувствителен. При этом официальной войны между двумя враждующими державами так и не было объявлено. Елизавета, разумеется, все прекрасно понимала и прямых обвинений своему оппоненту за Ирландию не предъявляла. С мятежниками Лондон кое-как справился, и теперь ответный ход был за ним. Вопрос о том, кто именно, когда и где нанесет Мадриду очередную оплеуху, не стоял. Конечно же этим человеком должен был стать тот, кто уже не раз наносил испанскому королю хлесткие и обидные удары по всему миру. Тот, при упоминании лишь имени которого испанский монарх терял покой и сон. Тот, кем в испанских домах пугали детей. Тот, кого и именовали от Севильи до Гренады не иначе как "драконом сатаны". Этим человеком мог стать только Фрэнсис Дрейк.

Что касается самого Дрейка, то он в это время не столько отдыхал после своего знаменитого плавания, сколько обдумывал очередную экспедицию, которая бы не только нанесла вред королю испанскому и повысила рейтинг королевы английской, но и еще больше обогатила его самого.

— Интересы моей королевы и интересы моих карманов находятся в полнейшей гармонии! — говорил он в те дни меж своих приятелей.

— Где же ты собираешься на этот раз почистить конюшни филипповы? — интересовались друзья.

— На этот раз я хочу навестить Вест-Индию, чтобы посчитаться с моим старым приятелем — местным вице-королем!

Сэр Фрэнсис знал, что говорил. Он уже имел аудиенцию у Ее Величества и обговорил с ней все щекотливые вопросы. Да и масштаб затеваемого на этот раз предприятия должен был быть уже совершенно иным, чем прежде. Надо ли говорить, что когда о скором отплытии Дрейка узнали завсегдатаи портовых таверн, то отбоя в желающих отправиться вместе со столь знаменитым и удачливым предводителем не было.

Английский историк Энтони Н. Райан пишет: "С 1580 по 1585 год Дрейк вложил деньги в несколько экспедиций, однако сам в море не выходил. В этот же период он приобрел имение Бакленд-Эбби возле Плимута и женился во второй раз. Однако в 1585 году этот принц морских партизан, который поднялся от главаря партизанской шайки до командующего силами, частично снаряженными и поддержанными правительством, снова отправился в поход. Дрейк должен был отплатить испанцам за то, что они запретили английским кораблям заходить в порты Иберийского полуострова. Целью экспедиции стала Вест-Индия".

В качестве "пайщиков" затеваемого предприятия выступили знатные вельможи и купцы, в том числе снова сама королева. Однако поспешность с организацией плавания сказалась на заготовке продовольствия и воды: бочки были залиты лишь наполовину.

* * *

К сентябрю 1585 года Дрейк снарядил в Плимуте целый флот в двадцать пять вымпелов, численность же команд насчитывала более двух тысяч лучших морских бродяг со всей Англии. Младшим флагманом с правами вице-адмирала был определен не менее известный, чем сам Дрейк, корсар и авантюрист Мартин Фробишер, капитаном судна "Тайгер" и одновременно начальником всех солдатских команд — опытнейший Христофор Карлейль.

12 сентября флот Дрейка вышел в море, спустившись на зюйд. У берегов Испании было замечено несколько судов, оказавшихся французскими, и их отпустили с миром. На следующий день было захвачено испанское судно, груженное треской. Судно включили в состав флота, а рыбу поделили. Несколько судов Дрейк затем отрядил осмотреть испанский порт Виго: а вдруг там найдется, чем поживиться? В самом порту ничего стоящего усмотрено не было. Однако из местной тюрьмы

были освобождены английские матросы, которые еще больше усилили силы Дрейка.

Зато на подходах к Виго удалось перехватить несколько груженных товарами судов, среди которых оказалось даже некоторое количество золота. Впоследствии испанцы оценили свои потери у Виго в весьма приличную сумму — тридцать тысяч дукатов. А затем началось крейсерство Дрейка по Атлантике: Канары — острова Зеленого Мыса и, наконец, испанская Вест-Индия.

Из воспоминаний участника событий: "Наш путь лежал теперь к Канарским островам. Мы имели в виду использовать Пальму, но должны были отказаться от этого намерения вследствие большой волны, а также и потому что единственное удобное для высадки место находится под обстрелом нескольких батарей, которые нам о себе напомнили. Пришлось искать счастье у берегов острова Ферро, где мы высадили тысячу солдат. Прождали часа два-три, пока не явились местные жители вместе с молодым англичанином, который подтвердил нам, что они так бедны, что живут впроголодь. Взять было нечего; был отдан приказ о посадке, и мы пошли дальше.

16 ноября утром эскадра поравнялась с одним из островов Зеленого Мыса — Сантьяго, где мы бросили якорь между городами Плайя (или Прайя) и Сантьяго. Снова был высажен десант, но, так как дороги никто не знал и проводника не было, решили заночевать и дождаться утра. Но когда рассвело, то оказалось, что неприятель не оказывает никакого сопротивления. Шестьдесят стрелков спокойно заняли город, над которым взвился британский флаг. Мы нашли в городе до пятидесяти орудий, которые все были заряжены. Мы салютовали из них в честь нашей королевы, соблюдая английский обычай (это было 17 ноября, в день коронации), и в ответ послышался салют всех судов. Странно было слушать долго не прекращавшийся гул канонады. Солдаты были расквартированы по городу, и на ночь выставлены патрули. Так провели мы в городе две недели, забирая добычу, какая попадалась, большей частью — вино, масло, муку и разный вздор для торговли с индейцами. Драгоценностей же или чего-нибудь вообще ценного в городе не нашлось. Главная цель генерала здесь вообще потерпела крушение, так как он ожидал у Зеленого Мыса перехватить золотой флот, про возвращение которого в Испанию он получил точные сведения. Мы немного опоздали, всего на несколько часов и, оказывается, разошлись с нашей добычей в дороге. Раз как-то к одному из фортов подошел португалец с белым флагом, который спросил высланных ему навстречу офицеров, к какой нации они

принадлежат. Те ответили: "Англичане". Тогда португалец пожелал узнать, объявлена ли война между Англией и Испанией, на что наши отвечали незнанием и посоветовали обратиться к генералу, который лучше всего сумеет удовлетворить его в этом отношении. Что же касается пропуска в город и обратного беспрепятственного возвращения, то это разрешение капитаны брали на себя, но тот отказался ввиду того, что не имеет полномочий от губернатора. Тогда если он хочет добра своему городу и окружающей местности, то ему следует непременно явиться к нашему начальнику сэру Фрэнсису Дрейку, у которого и ему, и вообще всем жителям обеспечат безопасность, а то мы сожжем всякое жилье, и от меча нашего погибнет всякая живая душа, которая встретится. Уходя, он обещал вернуться на другой день, но мы больше о нем не слышали.

24 ноября генерал в сопровождении своего лейтенанта и шестисот солдат отправился в деревушку, расположенную в двенадцати милях, где, как мы узнали, живут губернатор, епископ и все более именитые или состоятельные горожане. Около восьми часов утра были они на месте, но деревня оказалась пуста; жители бежали в горы. Отдохнув и напрасно прождав, не явится ли кто-нибудь для переговоров, генерал приказал солдатам направиться обратно в город. Тогда неприятель тотчас показался в отдалении, но не в таком числе, чтобы решиться на встречу с нами; однако была и пехота, и кавалерия. К вечеру генерал вернулся в Сантьяго.

Через два дня был отдан приказ о поездке на суда, а одна рота была отправлена в город Плайю (или Прайю) отыскать там военные запасы, закопанные в земле, по показанию одного пленного. Но пленный либо не мог, либо не хотел указывать. Тогда принялись за поиски сами и нашли две пушки: одну — медную, другую — железную. Так до самого конца ни губернатор, ни епископ, ни кто-либо из жителей не пришли к нам просить пощады городу или выдачи съестных припасов. Мы заявили о своем недовольстве и презрении к ним, особенно за ту жестокость, которую они проявили к одному из наших солдат, отбившемуся от других: они убили его, обезглавили, сердце вырвали и кишки разбросали кругом. За это при уходе мы сожгли все дома в Сантьяго и те, которые попались нам по дороге в деревню".

После этого Дрейк взял курс на Карибское море. Это плавание обернулось огромной смертностью от бесчисленных местных болезней. Только за несколько суток после выхода из Сантьяго умерло более трех сотен человек. Кто-то пустил слух, что видел пятна на умирающих — и это чума. Началась паника,

которую не без труда удалось остановить Дрейку.

— Вот когда я покроюсь пятнами, значит, действительно нас посетила "черная смерть", а пока сопли утереть и носы не вешать!

Вскоре смертность снизилась, и команды немного успокоились. Тем более что впереди был один из богатейших городов испанской Вест-Индии Санто-Доминго. Спустя восемнадцать суток перехода на горизонте появилась вечнозеленая Эспаньола. Из рассказа капитана перехваченного судна Дрейку стало известно, что вход в гавань Санто-Доминго прегражден, а на берегу стоят береговые батареи. Это означало, что наскоком город захватить не получится, а для серьезной осады у англичан просто не было сил.

Отойдя к Доминике, Дрейк дал возможность командам отдохнуть и набраться сил после перенесенных болезней. В этом очень помогли местные индейцы, принесшие лечебные травы от лихорадки. Одновременно на судах высушивали вечно сырые трюмы и запасались свежей водой.

Когда матросы несколько оправились, а суда были приведены в порядок и пополнены припасы, Дрейк снова вернулся к Санто-Доминго.

Еще фрагмент воспоминаний: "Мы высадились с западной стороны утром в день нового 1586 года и около часу подступили двумя колоннами к городу. Решено было немедленно штурмовать ворота в двух разных местах и встретиться на рыночной площади. Нас было около тысячи двухсот человек, со стороны неприятеля мы видели около полутораста всадников. Загремел пушечный выстрел, причинивший нам небольшой урон. Мы прибавили шагу, вскоре побежали сколько было сил. Надо было во что бы то ни стало предупредить второй залп. Это удалось. В ворота мы ворвались и видели перед собой спасающихся бегством людей. Мы забаррикадировали прилегающие к площади улицы, к ночи завладели замком, на следующее утро свободнее развернулись по городу, вырыли траншеи и при таких условиях продержали город в своих руках около месяца.

За это время произошел один случай, особенно хорошо запомнившийся. Генерал отправил к испанцам письмо с мальчиком-нефом, который имел в руках белый флаг в знак перемирия. Так посылали к нам испанцы своих парламентеров, и мы всегда соблюдали их полную неприкосновенность. Мальчик имел несчастье попасться на глаза офицерам с испанской галеры, которая вместе с городом перешла в наши руки. Один ил них ударил мальчика каким-то орудием и нанес такую рану, что он едва имел силы добраться до нас и вскоре скончался на глазах генерала. Последний был так разгневан, что тотчас приказал

отвести двух монахов (из числа тех, которые были захвачены в городе и содержались под стражей) на то самое место, где мальчик был ранен, и повесить их. В то же время один из заключенных был отпущен на свободу, чтобы он передал повсюду, что до тех пор, пока виновный в убийстве генеральского посланца не будет выдан, ежедневно будут вешать по двое заключенных, хотя бы пришлось перевешать всех, кто находится в наших руках. На следующий же день капитан галеры привел к нам своего подчиненного и предложил выдать его. Генерал потребовал, чтобы испанцы казнили его сами на наших глазах, считая это более сильным возмездием. Так и произошла эта казнь.

Тем временем между уполномоченными обеих сторон шли переговоры о выкупе. Так как соглашение все не налаживалось, то каждое утро с рассвета и до девяти часов, когда наступала жара, уходило на то, что две сотни наших матросов с такой же охраной из солдат жгли и разрушали дома, нами не занятые. Это была работа нелегкая, так как дома были высокие и каменные.

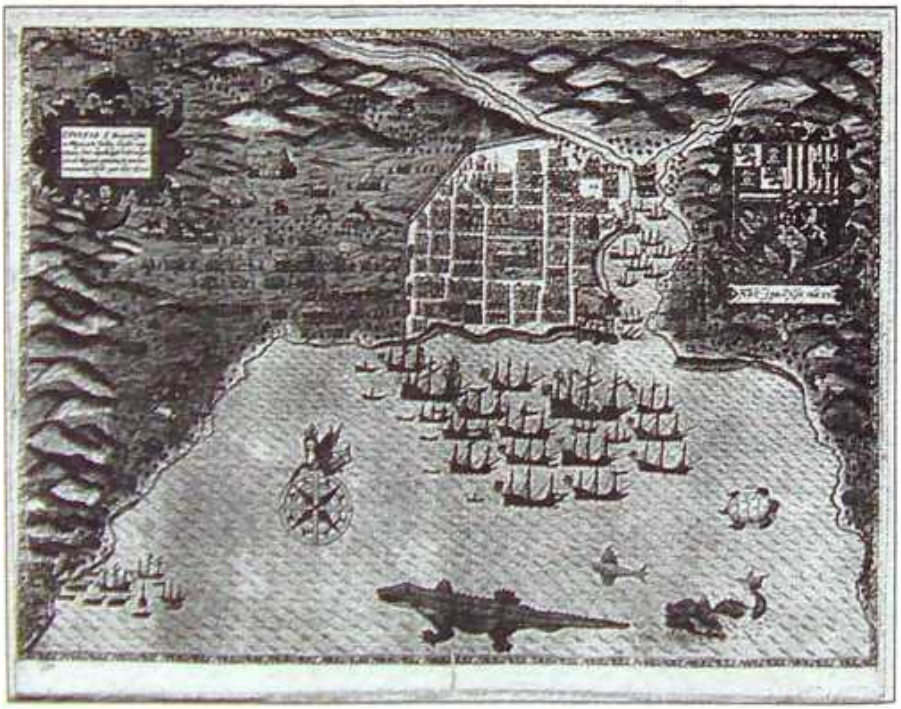
В конце концов это удалось, но необходимость торопиться заставила генерала удовлетвориться за дома, еще уцелевшие, выкупом в двадцать тысяч дукатов".

Взятой добычей англичане остались недовольны. Матросы возмущались:

— Этот Санто-Доминго вполне приличный город, да и живут в нем богато одетые господа, но у них почему-то почти не оказалось золота!

Кто-то говорил, что все было припрятано и следовало этих "господ" хорошенько попытать. Но более бывалые объясняли, что местное золото испанцы уже давно вывезли и все рудники давно заброшены, а богатеет город лишь с сахара, имбиря да от выделки кож. Так что пытай не пытай, а толку не будет никакого.

Испанский чиновник, с которым Дрейк вел переговоры о выкупе за город Санто-Доминго, так описал его внешность: "Дрейк — это человек среднего роста, белокурый и скорее полный, чем худой, веселый и аккуратный. Он приказывает и повелевает властно. Его люди боятся его и повинуются ему. Он наказывает решительно. Резкий, неутомимый, красноречивый, склонный к вольностям и амбициям, тщеславный, хвастливый и не слишком жестокий".



Санто-Доминго. Иллюстрация к книге о плавании Дрейка Б. Боацио

Данная характеристика, скорее всего, достаточно объективна, так как дана не другом, а врагом. Но даже из нее видно, что в целом Дрейк был весьма толковым, достаточно обаятельным и, что самое главное, незлобливым человеком. Для кровавого и циничного XVI века, согласитесь, это уже немало!

* * *

От Санто-Доминго Дрейк проложил курс к материку, направив затем свой флот вдоль берегов к Картахене.

Картахена также была неплохо защищена со стороны моря, и хитрый Дрейк предпочел не прорываться под огнем в городскую гавань, а скрытно войти в близлежащую бухту в нескольких милях от города.

Быстро был высажен десант, который в течение ночи подошел к, казалось, ничего не подозревавшему городу. Но Картахена приготовила Дрейку и его людям пренеприятный сюрприз.

Из воспоминаний участника событий: "К вечеру перебрались на берег и под покровом ночи, стараясь возможно тише ступать, приблизились к городу. Мы шли по узкой полоске земли между

океаном с одной стороны, и внутренней бухтой — с другой; в ширину она имела к концу не больше пятидесяти шагов. Пересекая эту косу перед нами высилась каменная стена, а перед ней — ров. В стене были небольшие ворота, наглухо забаррикадированные большими бочками из-под вина, наполненными песком. Нас заметили и ждали. Из-за стены на нас был направлен огонь шести кулеврин, со стороны залива нас обстреливали две большие галеры с одиннадцатью пушками и тремя- или четырьмястами мушкетами. И те, и другие пороха не жалели и осыпали градом пуль и ядер. Мы не отвечали и быстро двигались вперед, спеша к воротам. Начался их штурм, полетели вниз бочки с песком, все смешалось в рукопашной схватке. К счастью, наши копья оказались длиннее и наши солдаты лучше защищены. Враг не выдержал горячего натиска и бежал. Мы ворвались в город, преследуя его, и скоро завладели рыночной площадью. На всех улицах оказались траншеи и баррикады. Редко приходилось видеть более искусную и тщательную земляную работу. На разных местах были расставлены индейцы, стрелявшие из луков отравленными стрелами; малейшая царапина вела к смерти. Кроме того, потом мы нашли еще целый участок земли (которого мы счастливо избежали, держась ближе к воде), где торчали палки заостренным и тоже отравленным концом вверх, фута в полтора длиной.

Мы могли торжествовать победу. Враг бежал из города, мы были хозяевами положения. Одно было плохо: вспыхнувшая еще в пути повальная болезнь хотя и потеряла прежнюю силу, но не прекратилась. Даже перенесшие ее не поправлялись, многие теряли память… С испанцами сошлись на тридцати тысячах фунтов, или ста десяти тысячах дукатов. Когда договор был заключен, подписан и деньги получены, мы покинули город и остановились в монастыре в четверти мили от него. Тогда мы заявили испанцам, что монастырь этот еще наш, так как он не был включен в соглашение, распространявшееся лишь на самый город. Увидев свою ошибку, испанцы поспешили заключить с нами дополнительное соглашение на монастырь и на небольшой блокгауз на берегу. Мы требовали по тысяче крон за каждое из зданий; испанцы отдали требуемое за монастырь, а блокгауз предоставили нам, уверяя, что выкупить его они не в состоянии, так как и без того доведены до последней крайности. Тогда блокгауз был взорван на воздух порохом.

После шестинедельного пребывания на Картахене мы покинули его в последний день марта".

А вот еще свидетельство о деятельности Дрейка в этот период: "Было бы неправильно умолчать о том, как генерал

принимал живое и непосредственное участие как самый скромный матрос во всех работах. Так было и в Санто-Доминго, и повсюду. Никогда он не полагался слепо на своих помощников, даже самых искусных и надежных. Всюду был его глаз…"

Дрейк был весьма расстроен возобновившейся эпидемией, которая внесла серьезные коррективы во все его планы. Прежде всего ему пришлось отказаться от сухопутной экспедиции в Панаму, в которой он рассчитывал поживиться куда более серьезно, чем в первый раз. Но с измученными и ослабленными матросами нечего было и думать о походе по джунглям.

— Я всегда предпочитаю сам подвергнуться опасности, чем подвергнуть ей другого! — так объяснял Дрейк своим капитанам отказ от заманчивого золотого рейда на Панаму.

И еще раз обратимся к воспоминаниям одного из участников этого плавания Дрейка: "Обойдя Кубу с западной стороны, наша флотилия направилась вдоль восточных берегов Флориды. Было решено проведать наших соотечественников, переселившихся за год перед тем в Виргинию. Генерал (Ф. Дрейк. — *В.Ш.*) предложил им на выбор одно из двух: или он оставит для них корабль с достаточной командой и продовольствием, который будет ждать их в течение месяца и поможет им произвести дальнейшие разведки в глубь страны и по побережью, а затем заберет всех желающих в Англию, или же, если они считают дальнейшие разведки ненужными, они могут все (поселенцев было сто три человека) теперь же присоединиться к флоту. Многие высказывались за первое предложение. В распоряжение поселенцев было предоставлено одно из наших судов, и они заняли его, так как среди них было много умелых моряков. Но тут разыгралась сильная буря, длившаяся целых три дня, оборвавшая многие из наших канатов и оставившая на дне морском много якорей. Некоторые суда лишились всех своих якорей, в числе их был и корабль с поселенцами. Избегая берегов, подвергаясь величайшим опасностям, они вынуждены были держать прямой курс на родину, где мы впоследствии и увиделись. После такого происшествия остальные поселенцы решили возвращаться немедленно вместе с нами, и 28 июля 1586 года мы бросили якорь в Портсмуте, окончив свое плавание, к вящей славе нашей королевы, нашей родины и нас самих".

Несмотря на то что в этом плавании Дрейку не удалось претворить в жизнь все свои планы, общая сумма всей добычи составила шестьдесят тысяч фунтов стерлингов. Из этой суммы двадцать тысяч получила команда, остальные сорок тысяч — пайщики. На долю каждого матроса пришлось около шести фунтов — весьма значительная по тем временам сумма. Но и

оплачено это золото тоже было щедро. Потери Дрейка составили около 750 человек, умерших в своем подавляющем большинстве от болезней. Любопытно, но на этот раз кроме своей обычной добычи Дрейк привез в Англию и более двух сотен захваченных испанских пушек, которые помещали в трюмы вместо балласта.

Английский историк Энтони Н. Райан пишет: "Дрейк во время набега проявил свою обычную энергию. Болезни буквально косили его солдат и матросов, и потому он не смог захватить самый главный приз — Панаму. Тем не менее Дрейк смерчем прошелся по Карибскому морю, сея смерть и опустошения. Хотя добыча оказалась меньше, чем ожидалось, Дрейк дал испанцам понять, что их колонии находятся под постоянной угрозой. Вдобавок этот рейд повлиял на позицию европейских банкиров, от которых зависел король Филипп II, так как ему постоянно требовались деньги на поддержание статуса правителя великой державы".

Глава одиннадцатая
АТАКА КАДИСА

В 1586 году римский папа Сикст Пятый подтвердил "исконное право" Филиппа на английский трон. Филипп же в ответ заверил его, что, имея в избытке корон всех достоинств, он намерен отдать английский венец своей дочери и никоим образом не ищет увеличения державы, а озабочен лишь защитой истинной веры.

Тогда же в очередной булле Сикст Пятый оповестил всех христиан, что Елизавета — "еретичка и схизматичка… дважды отлученная от церкви… зачата и рождена в грехе прелюбодеяния… узурпировала корону вопреки всем правам… совершила бессчетно нечестивых дьявольских деяний и обесчестила страждущий народ обоих королевств… За ужасное и долговременное поношение Божьих святынь… за искоренение родового дворянства, за возведение в высшие сословия презренной черни, попрание законов и суда… она недостойна пребывать доле правительницей и оставаться в живых… А посему его святейшество подтверждает прежний приговор, слагает с нее все знаки королевского достоинства… освобождает ее подданных от послушания и призывает всех обитателей названных стран вступать незамедлительно в католическую армию под высоким водительством победоносного принца Александра Фарнезе Пармского, действующего именем его католического величества, в чьи помыслы не входит завоевание обоих королевств, смена законов, привилегий и обычаев, а лишь скорейшее свержение сей женщины".

В начале 1587 года королева Елизавета сделала ответный ход и казнила свою давнюю соперницу — законную принцессу, наследницу Англии католичку Марию Стюарт. Смерть Марии Стюарт была особо болезненна для испанского короля, ведь помимо того, что некогда их с казненной даже прочили в супруги друг другу, перед смертью Мария демонстративно отреклась от своего сына-еретика, завещав Англию своему несостоявшемуся жениху — королю испанскому.

Когда 23 марта 1587 года гонец доставил к нему во дворец Эскориал весть о казни Марии Стюарт, Филипп заперся на неделю в своем рабочем кабинете.

Только бегали туда-сюда посыльные, таская королю карты береговых укреплений Англии, Ирландии и Шотландии да книги по истории вторжения в Британию Цезаря.

Затем король собрал советников. Одни из них советовали Филиппу начинать дело с вечно мятежной Ирландии, другие, наоборот, с Шотландии, причем прежде всего захватить остров Уайт, заперев тем самым Ла-Манш и уморив Англию блокадой.

Старый и опытный адмирал маркиз Санта-Крус представил Филиппу целую программу действий, согласно которой надлежало мобилизовать весь испанский флот в количестве шести гигантских галеасов, полутора сотен больших боевых судов, трехсот шестидесяти более мелких и транспортных четырех десятков и сорок галер — всего пятьсот пятьдесят шесть судов. На этих судах следовало разместить десант в девяносто тысяч человек. Перед такими страшными жертвами и затратами Филипп продолжал колебаться.

Затраты на все это были столь огромны, что Филипп терзался сомнениями. Советники меж тем нашептывали:

— Ваше Величество, Англию можно победить сейчас или никогда. Судите сами!

Международная обстановка благоприятствовала, как никогда. Франции не до нас, ибо она погрязла в собственных распрях. Голландцы растеряны после убийства Вильгельма Оранского, даже нечестивый султан Марокко и тот присмирел пред вашим величием.

Спустившись из своего кабинета к придворным, Филипп объявил:

— Казнь невинной королевы Марии — это вызов всему католичеству. Господь вразумил меня, и я сделал свой выбор! Английская королева будет низложена, инфанта Изабелла заменит ее, католицизм в Англии будет восстановлен, и для Испании начнется пора мира.

Филипп решил намести Англии сокрушительный удар, высадив на остров свою непобедимую армию. Предприятие было задумано с таким размахом, какого Европа еще не видела. Прежде всего предстояло построить и собрать в единый кулак огромный флот вторжения, которому заранее дали помпезное название — Счастливая Армада. Во главе Армады был поставлен автор идеи ее создания маркиз Санта-Крус.

Если в Англии был Фрэнсис Дрейк, то в Испании был свой выдающийся моряк — Дон Альваро де Басан маркиз де Санта-Крус. В свое время маркиз отличился в грандиозной битве при Лепанто, где он успешно командовал эскадрой. Затем маркиз закрепил присоединение Португалии, дважды выиграв морские бои у Азорских островов, обратив в бегство англо-французские эскадры. За что получил высшее морское звание Испании — генерал-адмирал моря-океана. Современники называли его

"громовержцем в сражении, отцом солдатам, воителем отважным и непобедимым".

— Сколько можно терпеть наглость англичан! — возмущался Санта-Крус. — Пора разжечь костры инквизиции на острове еретиков!

— Много ли сил вам надо? — спрашивали храбреца.

— Сто пятьдесят боевых кораблей, четыре десятка галер да шесть галеасов. Еще надо тридцать тысяч матросов и триста двадцать вспомогательных судов для перевозки армии в шестьдесят пять тысяч. Против такой силы Англия не устоит.

Впрочем, когда подсчитали расходы, оптимизма поубавилось. Сумма в три миллиона восемьсот тысяч дукатов была не под силу даже казне Филиппа…

После долгих совещаний было решено, что герцог Пармский соберет в Дюнкерке армию, усиленную штандартами итальянцев, валлонов, шотландцев, бургундцев и немцев. Герцог мог рассчитывать, кроме того, на 4900 всадников.

Одновременно к началу весны маркиз Санта-Крус подготовит мощный флот, способный отогнать, а при надобности и уничтожить морские силы Елизаветы. Флот будет прикрывать переход армии через Ла-Манш и высадку в Англии, а затем обеспечивать коммуникации и снабжение. Ступив на английскую землю, герцог Пармский сможет рассчитывать на помощь католических лордов и вооруженное выступление мятежных ирландцев и шотландцев.

Порты Испании и Португалии немедленно включились во всеобщую кораблестроительную лихорадку. На верфях Лиссабона и Кадиса, Барселоны и Неаполя закипела круглосуточная работа. Только в главном порту Испании Кадисе достраивалось одновременно более 80 больших судов. В устье реки Тахо уже начали стягиваться суда с войсками и всевозможными припасами. Экспедиция была намечена на ближайшие летние месяцы.

* * *

К началу 1587 года стук плотницких топоров донесся до Лондона. Королева Елизавета продолжала колебаться. Она надеялась, что войны еще можно будет избежать. Но настроение ее было переменчиво.

В один из дней, вызвав Дрейка, она спросила:

— Что вы думаете о замысле испанцев. Насколько это может быть опасно для Англии?

— Испанский флот огромен. А финансовые возможности

короля Филиппа неистощимы. Полагаю, что следует не дожидаться нападения, а самим нанести упреждающий удар! — ответил Дрейк.

— Тогда вам и карты в руки, — сразу же согласилась королева. — Но где бы вы предложили нанести удар?

— Первая и главная цель — это Кадис! — вскинул голову Дрейк. — Все остальное сейчас второстепенно.

— Почему Кадис?

— Сейчас это главная база строящегося против нас испанского флота. Разорим Кадис — обезопасим Лондон.

— Хорошо, — кивнула Елизавета, — я согласна. Чем я могу еще помочь?

— Кого я могу привлечь к участию в экспедиции?

— Любого, кого посчитаете нужным! — был исчерпывающий ответ.

Современный английский историк Энтони Н. Райан пишет: "Выбор Дрейка в качестве командира сил, мобилизованных для действий против Испании, прежде чем та нанесет удар по Англии, был совершенно естественным. Он успел прославиться в качестве главы рискованных, но успешных предприятий. Он пользовался поддержкой двух самых влиятельных сторонников войны в окружении королевы — Роберта Дадли, графа Лейтера, и сэра Фрэнсиса Уолсингема, старшего секретаря королевы. В то время многие верили, что битвы решаются волей бога, и Дрейк считал себя исполнителем такой воли. Если начнется война против Испании, у Дрейка не возникнет ни малейших противоречий между благочестием и жаждой наживы. В переписке 1587 года прорывается его религиозный фанатизм".

Елизавета I. Со старинной гравюры

Из письма Дрейка: "Так как стало совершенно ясно, что король не только ускоряет приготовления в Испании, вследствие чего можно ожидать появления большого флота в Ла-Манше и других местах, чтобы взять на борт войска для вторжения в Англию, мы предлагаем отбросить все опасения и с Божьей помощью употребить все средства, каковые мы сможем найти, чтобы помешать их приходу. Поэтому я хотел бы, чтобы вы продолжали с верой поминать нас в ваших молитвах за то, что наша служба может послужить к вящей славе Божьей, помочь нашей церкви, нашей королеве и нашей стране. Пусть расточатся враги правды, и да воцарится вечный мир в детях Израиля".

Весной в Плимуте собралось до 33 вымпелов. В капитаны определили лучших из лучших. Из известных были: Ричард Хокинс, сын Джона Хокинса, брат Дрейка Джон, Томас Феннер, Фрэнсис Ноллис и другие. Как всегда, в предприятии, затеваемом Дрейком, не было недостатка в матросах. Каждый желал идти в море с удачливым и предприимчивым Дрейком.

Помимо атаки Кадиса и уничтожения там всех строящихся испанских судов, а также флотских припасов Дрейк должен был уничтожать все встреченные в море испанские суда с их

припасами. Главной же целью операции являлся срыв сосредоточения в Лиссабоне испанского флота и армии, чьей конечной целью была высадка в Англии. Как это ни покажется странным, но, планируя нападение на Кадис, Елизавета и ее окружение не желали тотальной войны между Англией и Испанией, а видели в экспедиции способ добиться какого-то перемирия между двумя государствами.

Говоря современным языком, атака по Кадису должна была стать превентивным ударом, лишавшим Мадрид возможности по-серьезному воевать с Лондоном.

Но и испанцы не дремали. Вскоре перед Филиппом Вторым уже лежала бумага о намерении англичан нанести удар по Кадису. При этом оборона главного порта Испании с моря была явно недостаточна — на старых береговых батареях почти не было пушек, и реальную силу составляла всего дюжина галер, имевших по одной носовой пушке.

2 апреля 1587 года флотилия Дрейка вытянулась на рейд Плимута, после чего взяла курс к берегам Испании. Сам Дрейк перед отплытием заявил своим матросам следующее:

— Мы идем в самую пасть врага, чтобы сокрушить его силу и чтобы постоять за нашу восхитительную королеву и страну против проклятых схизматиков! Война с Испанией — это наша борьба между добром и злом, это решающая схватка между Христом и Антихристом.

Выступление Дрейка было встречено криками восторга. В окружении своих капитанов Дрейк был более циничен.

— Морская война, — говорил он, — есть предприятие, в котором интересы Англии должны находиться в гармонии с финансовыми интересами участников этого предприятия!

Слушая эти слова, капитаны были не менее довольны, чем матросы.

Собранная под начало Дрейка флотилия насчитывала 23 судна, в том числе и 4 крупных галеона водоизмещением в полтысячи тонн — флагманский галеон Дрейка "Элизабет Бонавенчер", "Голден Лайон", "Рэйнбоу" и "Дредноут". Флотилия имела и две вспомогательные галеры — "Спай" и "Сайнет". Любопытно, что галеоны и галеры-пинасы являлись собственностью королевы, большая часть остальных судов была собственностью лорда-адмирала Говарда Эффингема. Несколько судов принадлежало и самому Дрейку, и нескольким лондонским купцам, которые рискнули вложиться в столь дерзкое мероприятие. Увы, но бедное английское королевство все еще не могло взвалить на себя полностью расходы на флот. Королева все еще зависела от помощи частных судовладельцев.

Уже в море Дрейка догнало письмо королевы, в котором Елизавета просила адмирала действовать помягче, не грабить портовые города и вообще не высаживаться на берег.

Это письмо никакого впечатления на Дрейка не произвело, он просто положил его под сукно. Думается, что на душе адмирала было неспокойно. Письмо говорило о том, что в Лондоне все еще идет драка между "партией войны" и "партией мира" и кто одержит, в конце концов, победу, было еще неясно. Это значило, что если Дрейк даже выполнит задачу, но в Лондоне победят "голуби", то по своему возвращению его ждет неминуемая опала или даже застенки Тауэра. Но флотилия была уже в море, а значит, и выбора у Дрейка теперь просто не было. Тем более что сейчас надо было решать иные, куда более насущные задачи.

С захваченного в море "голландца" стало известно, что в Кадисе собран целый флот судов снабжения, который готовится выйти в Лиссабон. Большинство испанских судов уже стояло на внешнем рейде. По этой причине Дрейк очень торопился.

— Преимущество времени и места уже является половиной победы! — заявлял он, требуя от капитанов, чтобы те даже в свежую погоду несли все возможные паруса.

* * *

19 апреля Дрейк был перед входом в гавань Кадиса. Никто не ожидал его появления, и на рейде беззаботно качались несколько десятков больших испанских судов. Не давая испанцам опомниться, Дрейк атаковал. Ответное сопротивление было поразительно слабым.

Губернатор Кадиса герцог Медина-Сидония, которому надлежало организовать оборону, почему-то покинул город под предлогом поиска резервов для обороны от десанта. Это по меньшей мере странно, так как Сидония в других случаях всегда проявлял личную храбрость. Отсутствие губернатора сразу дезорганизовало оборону Кадиса.

Около десятка галер и береговые батареи обстреливали англичан, но их огонь был неэффективен, а отчаянная атака десяти испанских галер была с легкостью отбита артиллерийским огнем. Средиземноморские галеры были просто неспособны противостоять в открытом море хорошо вооруженным парусным судам.

Дрейк знал, что не может терять время попусту, ведь вскоре могли появиться испанские подкрепления с артиллерией. К тому же, если ветер стихнет, его суда сразу потеряют все свои

преимущества перед галерами.

Впоследствии Дрейк говорил об обороне испанцев с пренебрежением:

— Доны причинили нам так мало вреда, что и упоминать об этом не стоит.

Однако именно в этот момент Дрейк получил удар с той стороны, откуда меньше всего ожидал. Младший флагман флотилии вице-адмирал Берроу, бывший приверженцем "партии мира" и навязанный Дрейку в плавание, уже с самого начала протестовал против захода в Кадис, ссылаясь на королевское запрещение. Когда же начался бой с испанскими береговыми батареями и флагман Берроу "Голден Лайон" попал под обстрел, Берроу покинул рейд Кадиса, уведя с собой еще несколько английских судов. Взбешенный Дрейк арестовал мятежного вице-адмирала, назначив вместо него капитана Маршаунта. Но Маршаунту не удалось вступить в командование, так как на "Голден Лайоне" начался открытый бунт, капитан был посажен под арест, а команда направилась домой. Разумеется, что столь вопиющее преступление не могло остаться безнаказанным, но в данный момент Дрейка волновало совсем другое.

Когда главное сопротивление было сломлено, англичане занялись погромом стоявших на рейде судов. Абордажные партии в шлюпках сновали по всему рейду. Повсюду ходили шлюпки с английскими абордажными партиями, которые захватывали испанские суда. Все самое ценное выгружалось, после чего суда поджигались.

С наступлением прилива большое количество горящих испанских судов стало дрейфовать к берегу, где они сталкивались с еще невредимыми судами, которые, в свою очередь, загорались. Над водами Кадиса стоял столб пламени и дыма.

— Это, конечно, еще не апокалипсис, — констатировал Дрейк, — но уже кое-что!

Перед тем как покинуть Кадис, Дрейк направил в город парламентера. Тот объявил:

— Сэр Фрэнсис предлагает обменять испанцев, которых он успел в избытке набрать в Кадисе, на томящихся в тюрьмах инквизиции англичан.

— У нас таковых нет! — гордо ответили испанцы.

Готовый к такому ответу парламентер заявил:

— В таком случае сэр Фрэнсис заявляет, что всех испанцев, которые попадут к нему в плен, он будет продавать маврам.

Утром 21 апреля флотилия Дрейка покинула внешний рейд Кадиса. К этому времени ветер поменялся на прижимной, и Дрейк не без оснований боялся потерять маневренность, что граничило

бы с поражением. Вся операция произошла столь стремительно, что испанские власти не успели толком отреагировать на происшедшее. На все про все у Дрейка ушли всего лишь один день и две ночи. За это время были сожжены и потоплены тридцать три испанских судна с грузом. Чтобы сжечь невооруженный галеон (водоизмещением в тысячу пятьсот тонн, что было очень много по меркам XVI века), принадлежавший маркизу Санта-Крусу, назначенному командовать вторжением в Англию, Дрейк лично возглавил дерзкую вылазку во внутреннюю гавань.

Помимо этого еще четыре судна, груженных провиантом и вином, Дрейк увел с собой.

— В Кадисе я подпалил бороду испанскому королю! — не без гордости говорил он о сделанном.

Известный военно-морской историк Альфред Штенцель в своем фундаментальном труде "История войн на море" так оценивает итоги Кадисской операции: "Налет Дрейка на Кадис, помимо того что он задержал выход Армады почти на год, укрепил боевой дух англичан и поколебал уверенность испанцев".

Впечатление от кадисского погрома было в Испании ошеломляющим. Такого страшного удара Филипп еще не испытывал. Если раньше ему приходилось сносить дерзкие нападения на далекие колонии и время от времени терять суда с золотом и серебром, то теперь ему наносили уже удары в главных портах метрополии. Для кастильской чести это было просто невыносимо. Как всегда, слухи в сто крат преумножали действительные события, и обыватель крестился уже при упоминании одного имени Дрейка.

— Этот ненасытный дракон будет терзать бедную Испанию, пока от нее останутся лишь обглоданные кости! — шептали меж собой жители городов и деревень.

Говорить вслух было небезопасно — агенты инквизиции шныряли повсюду.

Впрочем, и реальные потери испанского флота были таковы, что королю Филиппу было впору схватиться за голову.

* * *

Пока в Кадисе и Мадриде подсчитывали потери и служили панихиды по погибшим, Дрейк занимался наведением порядка на вверенной ему флотилии. Едва за кормой пропали дымы Кадиса, на флагманском корабле был назначен суд, куда Дрейк велел доставить арестованного вице-адмирала Берроу, а для

объективности дела собрал всех капитанов военных и торговых судов. "Голден Лайон" настигнуть не удалось, но надо было разобраться в том, что на нем произошло. Первым говорил сам сэр Фрэнсис:

— Я требую ответа от капитана Маршаунта, чтобы он оправдался и ответил, почему вверенный ему "Голден Лайон" покинул поле боя?

— Моя совесть и моя честь совершенно чисты, — отвечал Маршаунт. — На "Лайон" я прибыл, когда судно уже находилось в состоянии мятежа, который разгорался все более и более. Чтобы спасти ситуацию, я приказал штурману держаться как можно ближе к адмиральскому кораблю, но вскоре квартирмейстер передал мне письмо с претензиями от команды, в котором та жаловалась, что у них закончились продукты, что с ними обращаются ненадлежащим образом, и посему они объявляют, что намерены увести судно в Плимут. После этого я пытался уговорить команду, но мне это не удалось. За мной пошли лишь полтора десятка человек. Видя свое бессилие, я попросил перевезти меня на другое судно, что и было сделано.

После Маршаунта выступил капитан Клиффорд, который показал, что он также уговаривал мятежников, а они назвали его дерзким негодяем и угрожали расправой. Приговор, подписанный судьями и утвержденный Дрейком, был таков: "Это самый подлый и невыносимый мятеж, о каком я когда-либо знал. Капитан Маршаунт верно исполнил свой долг, как истый слуга Ее Величества. Все остальные с этого судна, за исключением только двенадцати или шестнадцати человек, которые подняли руки в знак готовности возвратиться к нам, заслуживают позорной смерти, так как они оставили знамя и поручение Ее Величества и покинули в несчастье королевские корабли и тем воспрепятствовали службе для чести и безопасности государства и владений Ее Величества. Потому мой окончательный и решительный приговор таков: штурман сказанного судна, боцман, и Берроу, и команда как главные виновники в этом мятеже будут преданы смерти, если я найду их и они будут в моей власти. Если нет, они все равно по закону мертвые люди. Все остальные будут переданы милосердию Ее Величества как пособники такого изменнического дезертирства. И даже если Ее Величеству будет угодно воззреть на них с милосердием, мой приговор все же таков: они все придут к дворцовым воротам с веревкой вокруг шеи ради примера всем преступникам".

Восстановив закон, Дрейк заявил:

— Может, кто-то думает, что я, разгромив в Кадисе испанцев, уже сделал свое дело, тот ошибается. Я только начал драться!

27 апреля он написал правительственному секретарю Джону Уолни: "Теперь мы получили необходимое количество провизии, и нашим намерением будет с божьей помощью истребить флот, который намеревается выйти к Ла-Маншу и другим местам, прежде чем к нему присоединятся войска короля, для того, чтобы отныне никто и помышлять не смел о чем-то подобном".

Дело в том, что в Кадисе Дрейк получил информацию от пленных испанцев, что еще одним местом сбора всей Великой Армады является Лиссабон. При этом наиболее ценным оказалось сообщение, что Бискайская эскадра Хуана Мартинеца де Рекальде в настоящий момент находится в районе мыса Сент-Винсент. Однако на самом деле последняя информация уже устарела, и к тому моменту, как Дрейк ее получил, Рекальде уже ушел в Лиссабон. Несмотря на это, Дрейк решил занять позицию возле мыса Сент-Винсент. Находясь там, он полностью перекрывал испанские судоходные пути между Средиземным морем и Атлантикой.

— Мы не знаем, будут ли испанцы пытаться восстанавливать свои коммуникации, а если будут пытаться, то когда. По этой причине мы находиться у мыса Сент-Винсент будем столько, сколько сможем! — объявил Дрейк своим командам.

Однако непрерывно в море английские суда находиться не могли. Им требовалась защищенная от ветров якорная стоянка, где суда могли пополнять запасы воды и чиниться.

В качестве такой стоянки Дрейк избрал бухту подле замка Сагреш. Некогда именно в этом замке знаменитый португальский принц Генрих Мореплаватель положил начало эпохе Великих географических открытий, проложив путь в Индию. Теперь же замок должен был послужить на благо Англии.

Дрейк решил атаковать Сагреш, высадить десант и, захватив замок, обезопасить удобную якорную стоянку.

Все понимали, что атака хорошо укрепленного Сагреша сопряжена с огромным риском, так как десант почти не имел артиллерии.

Однако на доводы оппонентов Дрейк ответил:

— Да, риск есть, но какая же война без риска? Мы атакуем Сагреш, и в этом нам поможет внезапность.

Атака Сагреша была столь внезапной, что гарнизон замка не смог оказать серьезного сопротивления. Легендарный замок был взят, и Дрейк получил прекрасную маневренную базу вблизи морских коммуникаций Мадрида.

Тем временем к Лиссабону со всех сторон шли нескончаемой вереницей груженные всевозможными припасами для испанского флота суда. Началась настоящая охота. Суда Дрейка буквально

ежедневно захватывали и сжигали по нескольку груженых "испанцев". Вскоре общее число перехваченных испанских судов превысило сотню. Особенно чувствительным для Мадрида был перехват нескольких судов с бочарной клепкой, предназначенной для изготовления бочек для провизии и воды. Забегая вперед, скажем, что именно нехватка пресной воды стала одной из самых тяжелых проблем, с которыми столкнулась Великая Армада в 1588 году. Дело в том, что изготовление бочек для воды — процесс весьма непростой. Особенно много зависит в нем от просушки дерева. Когда же Дрейк перехватил все заготовленное для бочек дерево, испанцам пришлось наскоро собирать бочки из сырого материала. Тот, разумеется, вскоре рассохся, вода вытекла, и команды остались ни с чем. Заодно англичане перетопили более шести десятков промышлявших тунца рыбачьих лодок.

"До тех пор, пока Богу будет угодно даровать нам еду и питье, ветер и благоприятную погоду нашим кораблям, вы наверняка услышите, что мы находимся возле мыса Сент-Винсент, — писал Дрейк министру Уолсингему. — Здесь мы ежедневно делаем и будем делать то, что Ее Величество и вы нам далее прикажете. Мы благодарим бога за то, что Ее Величество отправила в море эти несколько кораблей".

Пока небольшие суда перехватывали испанцев у мыса Сент-Винсент, сам Дрейк с большими и вооруженными судами подошел к Лиссабону, заняв позицию у мыса Каскаэс, что всего в двадцати морских милях от португальской столицы. Несколько дней Дрейк пребывал в раздумье: а не атаковать ли ему Лиссабон по той же схеме, как он атаковал Кадис? Эффект от такой атаки мог бы быть катастрофическим для Мадрида, ведь на рейде Лиссабона находились в состоянии приготовления главные силы испанского флота, а на берегу были сосредоточены огромные запасы боеприпасов и провианта.

Однако следовало учитывать, что испанцы, скорее всего, уже извлекли уроки из событий в Кадисе и значительно усилили оборону, а потому на повторение блестящей победы в данном случае было трудно рассчитывать. При этом в случае поражения Дрейк бы разом перечеркнул все свои успехи, а также навлек на себя гнев королевы, которая до сих пор пребывала в определенных сомнениях о начале большой войны с Испанией.

Исходя из этого, Дрейк после некоторых раздумий принял компромиссное решение: Лиссабон не атаковать, а ограничиться его морской блокадой.

— Будем надеяться, что, находясь у ворот Лиссабона, после опустошения в Кадисе и у берегов андалузских и португальских,

мы одним своим присутствием вызовем старика Санта-Круса на бой. Ну а там уж мы ему покажем, как дерутся англичане! — говорил Дрейк в кругу своих капитанов.

Но здесь он просчитался. Санта-Крус выйти в море для генерального сражения не пожелал, справедливо полагая, что испанский флот еще не готов к столь решительным действиям.

Потеряв терпение, Дрейк послал Санта-Крусу письмо, в котором высказывал желание обменяться с адмиралом десятком-другим выстрелов, намекая на трусость испанцев. На старого адмирала письмо никакого впечатления не произвело, и он ответил, что он к такому "обмену" пока не готов, к тому же не имеет на такую встречу разрешения своего короля.

— Что ж, — решил Дрейк, — если нам не суждено подраться с испанцами у Лиссабона, мы их поищем в других местах!

Историк пишет: "Действенная кампания на истощение не удовлетворила Дрейка. Как защитник Англии и протестантского дела он желал испытать свои силы в бою. Поэтому он появился перед устьем реки Тежу (Тахо), вызывая маркиза Санта-Круса на бой. Однако Санта-Крус не желал выходить, а Дрейк не мог прорваться вверх по реке к Лиссабону. В результате вылазка англичан лишь изрядно потрепала нервы испанцам. Дрейк еще раз продемонстрировал свою подвижность и предприимчивость".

* * *

От Лиссабона Дрейк неожиданно повернул к Азорским островам, мимо которых шли португальские морские коммуникации в Ост-Индию.

Относительно того, почему Дрейк оставил стратегические позиции на испанских морских коммуникациях и рванул к Азорам, многие историки не без оснований видят то, что Дрейк так и не стал настоящим адмиралом-государственником, а остался лихим корсаром, ставящим личную наживу выше общегосударственных интересов. Но и здесь не все так просто. Дрейк не был полновластным хозяином своей флотилии. Так как суда снаряжались частными компаньонами, то эти компаньоны имели право требовать с адмирала не только возмещения всех расходов, но и законной прибыли. Короче говоря, всем было нужно золото. Ну а на перехватываемых Дрейком судах у мыса Сант-Винсент, разумеется, никакого золота не было. Если они что и перевозили, то исключительно продовольствие или какие-либо предметы судового снабжения. Пайщики же были уже избалованы результатами дрейковских рейдов в Вест-Индию и в Тихий океан

и рассчитывали на гораздо большее.

Такого мнения придерживается известный английский военно-морской историк Монсон. Он пишет: "Лондонские компаньоны Дрейка начали выражать недовольство. Они не видели богатых, призов и вынудили Дрейка идти к Азорским островам, чтобы искать португальские карраки, возвращающиеся из Индийского океана. Так как поиск вражеских кораблей в Атлантике уже стоял на повестке дня, это звучит правдоподобно. В эпоху, когда войны вели частные предприниматели, Дрейк находился под постоянным давлением не только со стороны своих партнеров, но и со стороны правительства, которое тоже было вкладчиком. Он был просто обязан завершить свое плавание с прибылью. Впрочем, это полностью отвечало и натуре самого Дрейка".

Из хроники событий: "22 мая флот Дрейка ушел от мыса Сент-Винсент и направился в Атлантику, к Азорским островам. Если Дрейк и объяснил столь резкое изменение намерений, эти записи не сохранились. Единственное объяснение, которое дают современники, приводит Монсон".

Действовал Дрейк не наобум, ибо уже имел конкретные сведения от своих информаторов: в ближайшее время ожидается прибытие из Ост-Индии большой карраки с ценным грузом. Теперь Дрейку оставалось только расставить сети и ждать, пока добыча сама в нее попадет. Так все и оказалось. По пути к Азорским островам лондонские корабли во время шторма оторвались от эскадры Дрейка. Он больше не мог на них рассчитывать и все-таки не выдвинул против них никаких обвинений, понимая, что в море бывает всякое.

9 июня он перехватил карраку у острова Сан-Мигель и без особого сопротивления захватил. Когда же англичане спустились в темный трюм "португальца", то обнаруженное ими превзошло все самые смелые мечты — трюм карраки с претенциозным названием "Сан-Филиппе" (в честь испанского короля) был буквально завален золотом, восточными шелками и пряностями, китайским фарфором, жемчугом и самоцветами.

Груз захваченной карраки был оценен в 114 000 фунтов, что было очень серьезной суммой по тем временам.

Довольный столь богатой добычей, Дрейк, собрав своих матросов, объявил:

— Парни! Что бы дальше с вами ни произошло, но отныне вы можете считать свою судьбу устроенной!

Английский историк пишет: "Они (моряки Дрейка. — *В.Ш.*) прибыли в Плимут в конце лета со всем флотом и с этой богатой добычей к своей собственной выгоде и должным похвалам и к

великому восхищению всего королевства".

Хроники рассказывают, как люди в праздничных платьях стекались к рейду Дармута, чтобы посмотреть на вернувшихся героев и на их диковинный трофей — громадную карраку "Сан-Филиппе". Это была первая каррака, перехваченная на пути из Индии, и португальцы сочли дурным предзнаменованием, что именно она носила имя их короля. Взятие "Сан-Филиппе" имело и другой аспект. Оно заставило и англичан, и голландцев обратить внимание в сторону Ост-Индии, где до тех пор безраздельно царили португальцы.

Кроме этого современные английские историки считают, что не так погром в Кадисе, как потеря Филиппом II галеона с сокровищами задержала на целый год подготовку Непобедимой Армады. Именно тогда банкиры Европы объявили испанского короля банкротом!

Что и говорить, морская кампания 1587 года стала одной из самых блестящих страниц в биографии нашего героя.

Современный английский военно-морской историк Энтони Н. Райан анализирует ее, суммируя мнение ведущих английских авторитетов разных эпох: "С полным основанием историк может утверждать, что не было в анналах Англии экспедиции, сравнимой с этой". Именно так написал испанский историк Цезарео Фернандец Дуро об операциях сэра Фрэнсиса Дрейка в иберийских водах в 1587 году. Экспедиция Дрейка также останется уникальной в анналах Англии и потому, что не подвергалась ни критике современников, ни сомнениям историков. Ричард Хаклюйт, Роберт Ленг, автор единственного сохранившегося обзора, написанного участником событий, сэр Уильям Монсон, моряк и автор трактатов по морскому делу, живший в эпоху королевы Елизаветы, не сговариваясь, пишут об этой экспедиции с нескрываемым восхищением. Монсон, который никогда не был восторженным компилятором, описывает этот поход как "увенчавшийся успехом абсолютно во всем без малейшего исключения. Он принес славу и богатство, противник получил тяжелый удар, купцы остались полностью удовлетворены, а наша страна получила безопасность на много лет". Все эти работы историков в той или иной мере должны опираться на свидетельства современников, и потому они звучат в унисон с вышесказанным. Для сэра Юлиана Корбетта ни одна из войн елизаветинской Англии не может сравниться с кампанией 1587 года. Хотя Корбетт писал свой труд через 3 столетия, он восклицает: "И до нынешнего дня это хможет служить прекраснейшим примером, как маленький хорошо управляемый флот, нанося точно выверенные по времени удары, может

парализовать мобилизацию подавляющих сил противника". Гаррет Маттингли приходит к заключению, что Дрейк настолько расстроил планы испанцев, что Армада не смогла выйти к берегам Англии в 1587 году. Кеннет Эндрюс приписывает успех экспедиции блестящим качествам Дрейка, который "сочетал молниеносную интуитивную оценку возможностей с практической сметкой, пылом, большой твердостью, которые превращали возможности в почти верную реальность".

Дрейк и все заинтересованные лица, в том числе королева и ее советники, поздравляли себя с благополучным финансовым исходом кампании. К тому же и стратегически Англия добилась определенных успехов. Но так ли безупречны были действия Дрейка в 1587 году?

Сегодня ряд историков считают, что, несмотря на все свои успехи в кампании 1587 года, испанцы все же достаточно легко отделались. Наиболее серьезной считается отказ от атаки Лиссабона, которая в случае успеха могла сразу же положить конец всем честолюбивым планам короля Филиппа. Впрочем, о том, что могло или не могло быть, легко рассуждать сегодня, спустя почти полтысячелетия, сидя на диване. Тогда же с шатких палуб утлых суденышек все виделось несколько иначе.

Однако король Филипп все же оставил последнее слово в кампании 1587 года за собой. Когда Дрейк увел свою флотилию в Плимут, опытный маркиз Санта-Крус вывел из Лиссабона свой флот и в течение трех месяцев занимался отработкой команд и маневрированием, готовый вступить в бой с англичанами. Этим испанцы не только продемонстрировали свою силу, но и дали возможность приобрести необходимую морскую практику своим командам перед решающими событиями следующего года. Увы, когда галеоны Санта-Круса наконец-то были вооружены и приготовились сразиться с Дрейком, тот уже находился в Англии. Встреча двух выдающихся флотоводцев того времени так и не состоялась.

* * *

Но не все было для Дрейка на самом деле безоблачно. После попытки саботажа атаки в Кадисе командиром авангарда вице-адмиралом Берроу отношения с младшим флагманом стали просто невыносимыми. Флагман Берроу "Голден Лайон" превратился в самое настоящее гнездо оппозиции. Здесь Дрейку не помогла даже смена капитанов. При этом Дрейк не имел полномочий, чтобы отстранить Берроу от занимаемой должности,

как любого из своих капитанов. Уильям Берроу был весьма опытным моряком и занимал серьезные позиции в морской администрации Тюдоров. Кроме этого за вице-адмиралом стояли весьма влиятельные силы в Лондоне, прежде всего т. н. "партии мира". В который уже раз Дрейк получал удар не от противника, а от своих. Это было и куда более болезненно, и куда более обидно.

При этом вел себя младший флагман на редкость вызывающе, фактически провоцируя Дрейка на конфликт.

— Мой статус позволяет давать советы и иметь право голоса при выработке плана кампании! — заявил он Дрейку еще до отплытия флотилии из Плимута.

Это никак не могло понравиться сэру Фрэнсису, который имел на сей счет собственную точку зрения:

— Да, вы имеете право давать совет, но если ваш совет мне не понравится, то я имею полное право отвергнуть его.

Уже 30 апреля разобиженный Берроу отправил в Лондон официальный протест против авторитарных действий Дрейка. Он писал: "Я никогда не понимал, почему не проводятся советы и обсуждаются способы действия флота, находящегося под вашим командованием, на службе Ее Величества". В ответ на этот протест Дрейк сам обвинил Берроу в измене. Дальше, как мы уже знаем, был конфликт в Кадисе. Устроив суд по факту мятежа на "Голден Лайоне", Дрейк, как мы помним, ни минуты не поколебавшись, приказал арестовать своего вице-адмирала, а затем убедил военный трибунал приговорить Берроу к смерти.

Тот говорил о своем аресте впоследствии так:

— Я ежедневно ждал, когда Дрейк осуществит в отношении меня свое обычное кровожадное желание, как он это некогда проделал с беднягой Доути.

Однако привести приговор в действие было не в его компетенции. Поэтому после возвращения экспедиции в Англию Дрейк публично заявил, что будет добиваться приведения приговора в исполнение.

— Что касается меня, то я намерен добиться смерти или, по крайней мере, разжалования для человека, которого я считаю трусом, дезертиром и орудием тайных врагов Англии! — заявлял Дрейк во всеуслышание.

25 июля он без всякого приглашения заявился в особняк лорда Беркли, когда узнал, что там должна быть королева.

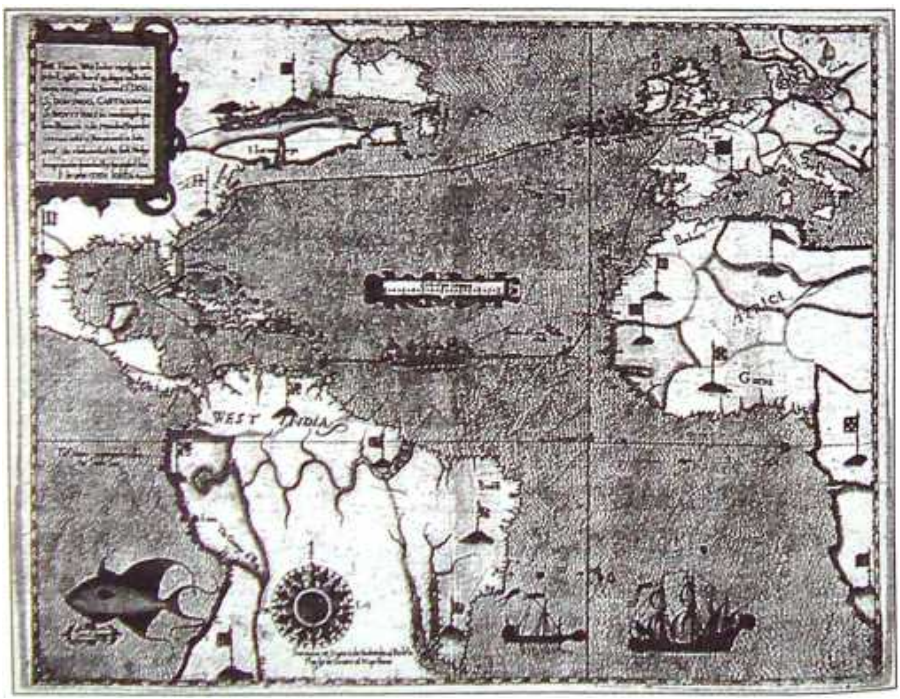
Но прибыл Дрейк не с пустыми руками, а прихватив с собой корзинку, полную бриллиантов, захваченных на "Сан-Филиппе". Галантно вручив бриллианты Елизавете, он обратился к ней с просьбой судить и казнить Берроу.

Но интрига не удалась. Королева отмолчалась.

— Согласен, что услуги, оказанные Дрейком нашему государству, просто незаменимы, но королевский совет не собирается позволить ему вести себя так, как желает его левая нога! — заявил глава "партии мира" лорд Беркли, когда Дрейк удалился несолоно хлебавши.

В результате вице-адмирал Берроу сохранил не только свою жизнь, но даже получил повышение — был назначен инспектором королевского флота.

Дрейк, разумеется, негодовал на такую оценку своих действий:



Маршрут плавания Дрейка. Иллюстрация к кише о плавании Дрейка Б. Боацио

— Несмотря на то что я принес Англии новую победу при Кадисе, несмотря на то что я вышвырнул испанцев из морей и они попрятались по своим портам, как крысы по норам, я имею все основания считать себя обиженным на правительство. Учитывая мое финансовое положение, я совершенно не беспокоюсь насчет козней моих многочисленных недругов. Единственно, чего я опасаюсь, — так это того, что противники войны с Испанией сохраняют все еще свое влияние.

Историк пишет: "Правительство, со своей стороны, имело основания для недовольства, и не столько потому, что Дрейк вышел за рамки полученных приказов, а потому, что он раздул

относительно небольшой инцидент с протестом Берроу до размеров дела об измене. Его преувеличенное чувство ответственности показалось политикам поведением такого рода, которое может привести к распаду флота XVI века. Политикам все еще требовалась его служба, однако они явно предпочитали, чтобы Дрейк подчинялся, а не командовал английскими морскими силами в 1588 году, когда Англия намеревалась помериться силами с Испанией".

* * *

Что же представлял собой накануне решающей схватки за господство над морями и океанами английский флот? Предоставим слово современному английскому историку Энтони Н. Райану: "Сотрудничество между короной и частным капиталом в подготовке флота полностью соответствовало традициям того времени. Они восходили к незапамятным временам, когда флот Англии был просто собранием имеющихся под рукой кораблей. Это означало, что корона приобретает или фрахтует наиболее крепкие купеческие корабли и приспосабливает их для военной службы. Развитие искусства кораблестроения и использование артиллерии на море, которое в конце XVII века приведет к созданию профессионального флота, уже в эпоху Тюдоров начали оказывать влияние на характер морских сил государства. Признаком этого в 1580-х годах могли служить корабли королевы. Когда это соединение было отмобилизовано в 1588 году, оно состояло из 34 кораблей самых различных размеров — от "Сайнета" до "Трайэмфа" (760 тонн). Эти корабли были королевской собственностью, их содержание оплачивало казначейство, их готовили королевские верфи, ими командовали, при всех ограничениях того времени, королевские чиновники. Расходы на флот были ограничены слабостью финансовой системы государства, и потому корона все еще зависела от помощи частных судовладельцев. Елизавета I не распоряжалась ни государственным флотом, ни средствами на его содержание.

Пока еще не было ни профессионального флота, ни профессионального офицерского корпуса. Командование кораблями поручалось случайным людям, и назначения производились в последний момент под влиянием самых разнообразных обстоятельств. Командирами кораблей могли оказаться дворяне, придворные, землевладельцы. Назначения производились потому, что их общественное положение требовало почетных и прибыльных должностей на службе короне.

Но командиром мог оказаться и боевой моряк. Такие люди, в мирное время занимавшиеся кораблевождением и морской торговлей, заработали свою репутацию, а иногда и состояние во время нападений на колонии иберийских монархий, а также во время непрекращающейся войны против испанского судоходства. Это были морские партизаны, чьи способности и опыт делали их просто незаменимыми для государства во время войны. Имена наиболее выдающихся людей и целых семейств возникают в списках флота в 1580-х и 1590-х годах. Их слишком развитые хищные аппетиты можно было удовлетворить за счет врага".

Что касается самого Дрейка, то, несмотря на его блестящие успехи в 1587 году и огромную популярность среди всех слоев английского общества, доверие со стороны высшего руководства страны к нему было в определенной степени подорвано. Причиной этого стали не только и не столько авторитарные методы руководства сэром Фрэнсисом, что вполне оправдывалось результатами, но и отчаянное противоборство партий мира и войны с Испанией. Так как Дрейк фактически являлся знаменем "партии войны", на него обрушивались главные удары и интриги "голубей". Помимо всего прочего, следует не забывать и свойственной всем людям зависти. Удачливость Дрейка в приобретении несметных богатств также порождала легионы завистников и недоброжелателей. Таким образом, к 1588 году находившийся в зените славы Дрейк одновременно находился в неофициальной опале.

Глава двенадцатая
СЧАСТЛИВЕЙШАЯ АРМАДА

…А в портах Испании все стучали топоры и визжали пилы. Дон Альваро де Басан снаряжал огромный флот всю зиму, не зная при этом ни сна, ни отдыха. В Мадриде против него постоянно отчаянно интриговали и клеветали, а мелочный Филипп Второй засыпал градом писем, инструкций и упреков. Маркизу Санта-Крусу было уже шестьдесят два, возраст по тем временам более чем почтенный. В начале февраля Санта-Крус простудился на верфях, слег и буквально спустя несколько дней умер. В Лиссабоне ходили слухи, что его свели в могилу "непомерные требования короля", поговаривали, что старый флотоводец умер "от чрезмерной работы, стыда и душевной горечи". Оплакивали умершего все — от капитанов до матросов, так как только с ним связывали свои надежды на благополучный исход похода.

Что и говорить, удар Испания получила серьезный, так как во всем огромном королевстве флотоводца более опытного и авторитетного, чем маркиз Санта-Крус, не было.

Разумеется, сразу же встал вопрос о преемнике. Дело не терпело отлагательств. И король Филипп делает свой роковой выбор. Новым генерал-капитаном Моря-Океана становится кавалер высшей рыцарской награды Испании — ожерелья ордена Золотого руна тридцативосьмилетний Дон Алонсо Перес де Гусман по прозвищу Добрый, являвшийся пятым маркизом Сан-Лукара де Баррамеда, девятым графом Ниебла и седьмым герцогом Медина-Сидония. Под последним именем новый генерал-капитан Моря-Океана и вошел в мировую историю.

Герцог Медина-Сидония был человеком весьма не бедным, ему принадлежала половина Андалузии. Современники писали о нем так: "Невысокий ростом, крепкий, он имел лицо тонкое и приятное… Человек благородный и осторожный… Это был один из лучших наездников Испании, отменный фехтовальщик и охотник, умевший закалывать копьем самых свирепых быков".

Всем Медина-Сидония был хорош: и знатностью, и богатством, и скромностью, и добрым характером, всем, кроме одного — он не был не то что флотоводцем, он не был даже моряком… Более всего на свете герцог мечтал о должности главного придворного мажордома.

Узнав о решении монарха, Медина-Сидония, разумеется, не пришел в восторг, прекрасно понимая, что неспособен справиться с возлагаемой на него задачей. Дело в том, что помимо

множества должностей Медина-Сидония являлся и генерал-капитаном Андалузского побережья. Именно он должен был защищать Кадис от нападения Дрейка, но прибыл туда, когда все уже было кончено, наглядно продемонстрировав всем свою неспособность к военному руководству.

В отчаянии герцог пишет письмо своему королю: "Было бы несправедливым принять столь высокое назначение человеку, не имеющему никакого опыта морских сражений и ведения войн… Нижайше припадаю к стопам Вашего Величества и прошу освободить меня от высокой чести, коей недостоин, ибо не наделен ни должным знанием, ни здоровьем для мореплавания, ни деньгами для экипировки…"

Но поздно, король уже подписал официальный указ. Любопытно, что если у испанских военачальников решение короля вызвало полное непонимание, то солдаты и матросы были довольны.

— Теперь у нас начальником милостивый и, главное, богатый человек. Бог даст, платить будут теперь более регулярно! — говорили они.

Впрочем, помимо герцога на флоте имелось несколько действительно хороших моряков. Так, младшим флагманом Армады являлся лучший после Санта-Круса испанский флотоводец генерал-капитан Бискайской эскадры Хуан Мартинес де Рекальде. Он много лет отслужил в Вест-Индии, командовал "Золотыми флотами" и был правой рукой Санта-Круса, а храбрость и отвага снискали ему у подчиненных прозвище Львиное Сердце.

Обязанности начальника штаба исполнял не менее известный Диего Флорес де Вальдес, за плечами которого были два десятилетия плаваний через Атлантику и репутация знатока навигации и судостроения.

Известный военно-морской историк Альфред Штенцель так оценивает корабельный состав и организацию Армады: "Главные силы флота были разделены на шесть эскадр, сообразно числу областей: Португалии (Медина-Сидония), Бискайи (Хуан Мартинес де Рекальде), Кастилии (Диего Флорес де Вальдес), Андалузии (Педро де Вальдес), Гвипуско (Мигель де Окендо) и Леванта (Мартин де Бертендона); в каждой эскадре было по 10–14 кораблей от 1250 до 166 тонн, с 52–12 орудиями на каждом и 500–110 членами экипажа: к эскадрам этим были добавлены еще несколько легких судов в качестве посыльных. В числе 75 военных кораблей было только 19, имевших менее 300 тонн, причем 56 имело 500 и более тони, а в их числе 7 имело от 1000 до 1250 тонн; это были самые большие корабли, которые вообще

существовали в те времена. Медина-Сидония командоват португальской эскадрой на флагманском корабле "Сан-Мартин", лучшем корабле во всем мире; главным советником и ментором при нем состоял опытный в морском деле кастилец Диего Вальдес, по профессии судостроитель, человек недоверчивый и осторожный. Кроме того, во флоте состояли:

1) дивизион из четырех больших тяжеловооруженных галеасов из Неаполя с 50 орудиями и около 335 членами экипажа, не считая 300 гребцов (по 5 человек на весле), под командой Гуго де Монкада;

2) дивизион из четырех галер из Португалии, на которых было только по пять орудий и около 100 человек экипажа, не считая 220 гребцов;

3) множество судов с запасами, из которых 23 больших, по 650–160 тонн, все вооруженные, имевшие до 38 орудий и 280 человек экипажа; все эти суда, в числе которых было много ганзейских, были соединены в одну эскадру (командующий — Хуан Гомес де Медина);

Седьмой герцог Медина-Сидония. Неизвестный художник

4) наконец, множество легких судов, в том числе 27 водоизмещением менее 100 тонн; они большей частью тоже были вооружены, но годились только для посылок и разведочной службы (командующий — Антонио де Мендоса).

Никогда до тех пор не собиралось такого количества крупных парусных судов, и потому флот этот производил на всех подавляющее впечатление".

Особую надежду Медина-Сидония возлагал на четыре галеаса — большие боевые галеры венецианской постройки, обеспечившие испанцам победу в сражении с турками при Лепанто в 1571 году. Галеасы имели пол сотни орудий и по двенадцать весел с каждого борта, к каждому веслу было приковано по 10 гребцов. Им предназначалось сыграть решающую роль, если во время сражения случится безветрие: галеасы могли подойти к английским галионам на веслах.

"Эти галеасы, — пишет современник, — радовали взор. На них были башни и бойницы. Палубные надстройки украшены резными фигурами. Для офицеров на корме имелись роскошные каюты с коврами, их стеньг были обиты бархатом, свет проходил сквозь цветные стекла. Фонари и флаги украшали борта кораблей. Ужинали в порту под пение менестрелей. Посуда, подсвечники и столовые приборы были из золоченого серебра. Офицеры носили шелковые штаны и бархатные камзолы с золотыми цепями. Гребцы и солдаты одевались за свой счет, если им выплачивали жалованье".

Хуже всего на Армаде обстояло дело с артиллерией. Чего только не ставили на палубы судов: базилики и полукулеврины, мортиры и фалькоины, пасволанты и фальконеты, мойяки и эсмерилии — весь хлам, который только можно было наскрести в испанских арсеналах. Новых и действительно годных для артиллерийского боя на большой дистанции пушек-кулеврин набралось всего шесть десятков. Для такого количества судов — капля в море!

Уже перед самым выходом в море по личному приказу короля привезли еще шестьдесят шесть новых пушек. А требовалось вдесятеро больше…

Заготовленные для Армады припасы включали миллионы фунтов галет, по 600 000 фунтов солонины и соленой рыбы, 300 000 фунтов сыра, 400 000 фунтов риса, 6000 мешков бобов, 40 000 галлонов оливкового масла, 14 000 бочек вина, 124 000 ядер и пороха на 500 000 зарядов. Но, как оказалось, что и этого было недостаточно.

19 марта герцог устроил своему флоту смотр. По окончании его он сообщил королю Филиппу, что флот готов к отплытию, за

исключением мелких плотничьих и столярных доделок.

Герцог писал: "Согласно воле Вашего Величества, все моряки и солдаты этой Армады исповедались и причастились перед посадкой на борт, а все сертификаты об исповеди переданы мне в собственные руки. Я отдал распоряжение адмиралам и боцманам запретить богохульства и ругательства на борту, не пускать солдат посещать падших женщин, а ежели таковые обнаружатся на борту, немедленно гнать их прочь".

В ответ герцог получил весьма любопытное королевское наставление: "Поскольку победы являются Даром Божьим, коим он милует по своему разумению, а ваш поход, несомненно, угоден ему и вы можете рассчитывать на его вспоможение, если только прегрешения наши не окажутся слишком тяжкими, надлежит проследить, чтобы никаких грехопадений не совершалось на этой Армаде, а если такие совершаются, надлежит их наказывать примерно и наглядно, иначе кара за попустительство падет на всех…"

Впрочем, думая о Боге, Филипп Второй не забыл и о своем личном враге — Фрэнсисе Дрейке. Понимая, что Медина-Сидония может стать легкой добычей "английского дракона", он составил по этому поводу отдельную инструкцию, которая гласила: "В Ла-Манше надлежит избегать баталий с Дрейком, если только его силы не окажутся в меньшинстве, а ветер будет вам благоприятствовать… Армада должна дойти в полном составе к месту встречи… Если же не будет иного исхода, как вступить в сражение с армадами английского адмирала и Дрейка, знайте, что ваши силы значительнее и вы можете, встав по ветру и произведя иные маневры, дать им бой, ожидая, что Господь ниспошлет вам победу. Не премините сообщить всем, что враг, пользуясь артиллерией и огневым боем, не станет приближаться к нашим судам, в то время как в наших интересах сблизиться и взять их на абордаж… Кроме того, озаботьтесь, чтобы после победы наша Армада не рассеялась для грабежа захваченных судов. Всемерно экономьте деньги, отпущенные на Армаду…"

Король Филипп, как ему казалось, предусмотрел все. Но это только ему казалось…

25 апреля, в День святого Марка, генерал-капитан Счастливейшей Армады при полном параде явился в Лиссабонский собор, чтобы принять в свои руки священное знамя нового крестового похода против еретиков.

Мессу служил епископ Лиссабонский. Он благословил участников похода, взял за край штандарт и протянул его герцогу.

На знамени рядом с изображением Христа был герб Испании

и девиз: "Восстань, Господь, и защити". На другой стороне — образ Богоматери со следующими словами: "Покажи, что ты мать".

— Пусть заблещут вместе испанская доблесть и толедская сталь! — выкрикнул герцог, принимая священное знамя, и уже вполголоса добавил: — Я же вручаю себя милосердию Всевышнего, дабы Он повел нас к победе.

Многие плакали…

Заметим, что из современников никто никогда не именовал испанскую Армаду Непобедимой. Первый командующий Армадой маркиз Санта-Крус окрестил ее лишь Счастливейшей, а его преемник маркиз Сидония вообще именовал свой флот просто Армадой. Что же касается английских документов, то в них испанский флот значится как Испанская Армада или просто — испанский флот. Скорее всего, термин "Непобедимая Армада" появился позднее, когда сама Армада уже перестала существовать и имела уничижительный смысл.

В общих чертах план похода был таков: главные силы Армады должны были совершить переход от Лиссабона к Дюнкерку, где их ждали транспортный флот и десантный корпус герцога Пармы.

Что касается герцога, то Парма уже давно готовил войска для вторжения в Англию и только ждал появления Армады, чтобы начать операцию. Парма собрал более 17 тысяч опытных ветеранов, подготовил триста транспортных судов для переброски солдат и семьдесят судов для перевозки лошадей. Он приказал доставить 20 тысяч пустых бочек для изготовления плотов, разослал своих агентов на север Германии для вербовки опытных команд транспортных судов и наемников-ландскнехтов.

Погрузив войска Пармы и вступив в охранение транспортов, Армада должна была отразить все атаки английского флота и обеспечить доставку десанта к английским берегам, а после этого обеспечивать боевую устойчивость десанта со стороны моря и его бесперебойное снабжение. Высадившись на берег, герцог Парма должен был начать наступление на Лондон, привлекая в свои ряды мятежных шотландцев и ирландцев, а также английских католиков. Английская армия всерьез не принималась, так как и по боевому опыту, и по количеству испанцы ее значительно превосходили. После взятия Лондона должно было последовать низложение Елизаветы и возведение на английский престол ставленника короля Филиппа. После этого за дело в Англии должна была взяться инквизиция и навести строгий католический порядок в погрязшей в ереси Англии.

* * *

Итак, утром 9 мая 1588 года Счастливейшая Армада начала вытягиваться из устья реки Тежу в открытое море. Но выйти сразу не удалось из-за сильного противного ветра. Только спустя семнадцать дней испанский флот смог начать движение.

Тогда многие посчитали столь долгую задержку в начале пути нехорошим предзнаменованием.

Армада насчитывала 130 судов, в том числе 65 галионов и вооруженных пушками купеческих кораблей, 25 гукоров с провиантом и лошадьми, 22 небольших паташей и сабров (судов береговой охраны), четыре галеры и четыре галеаса.

Сам генерал-капитан Моря-Океана возложил на себя личное командование десятью галеонами и двумя сабрами Португальской эскадры.

Всего на судах располагалось более тридцати тысяч человек. Из них восемь тысяч матросов и артиллеристов, две с лишним тысячи галерных гребцов — каторжан и пленников, почти две тысячи мушкетеров, аркебузиров и алебардистов. Помимо этого на борту Армады находились полторы тысячи всевозможных искателей приключений со всей Европы, среди которых выделялись испанские идальго и кабальеро. Помимо этого полным-полно было всякой иной публики: костоправов и лекарей, цирюльников и брадобреев, а также около двух сотен священников и монахов, которые дали обет отправиться в Англию босиком…

Провизия, боеприпасы, полевая артиллерия, походное снаряжение, осадные орудия, телеги и мулы, лошади и конюхи были погружены на двадцать пять гукоров — небольших, наспех и кое-как вооруженных купеческих судов.

Любопытно, что строгий нрав герцога вынудил испанских жриц любви зафрахтовать на собственный счет особое судно, на котором они и следовали за Армадой.

А испанцам отчаянно не везло с погодой. Ветер дул точно с норд-норд-оста, и флот неумолимо сносило к югу. 1 июня показалась южная оконечность Португалии — мыс Сан-Висенти. Если так пойдет и дальше, скоро Армада окажется в Африке.

Историк пишет: "Его Величество принял немедленные меры: во всех частях королевства были назначены торжественные молебны и шествия монахов с проповедями, постами, епитимьями и раздачей милостыни. Его Величество тоже каждодневно проводил несколько часов в молитве. В Мадриде три дня кряду носили по улицам образ Аточской Богоматери. И Господь решил больше не настаивать".

Герцог отчаянно страдал от качки. Серьезно заболел опытный генерал-капитан Рекальде, которому постоянно ставили

клистиры.

Ветер между тем переменился, и подул попутный вест-зюйд-вест. Армада наконец-то двинулась заданным курсом.

14 июня показался мыс Финистерре — северо-западная оконечность Испании. Здесь было назначено рандеву с судами снабжения. Но те в назначенное время так и не появились.

Испанские суда прятались от шторма у Ла-Коруньи, уже испытывая нужду в продовольствии, а ведь плавание еще только началось. На многих судах капитаны жаловались на одно и то же: вода протухла и зацвела в бочках, сбитых из невысохшего дерева (это Дрейк сжег все пригодные сухие доски и клепку). Те, кто пил эту воду, мучились сейчас "от желудочной лихорадки".

В отчаянии Медина-Сидония пишет письмо королю с просьбой отложить экспедицию на год, чтобы лучше и основательнее к ней приготовиться. Ответом на письмо было многозначительное молчание.

19 июня разразился сильнейший шторм, после которого Медина-Сидония не обнаружил половины своего флота, унесенного в разные стороны волнами и ветром. Затем суда снова начали собираться воедино со сломанными мачтами, с сильными течами, с порванным такелажем и с потерянными парусами. А время все шло…

Только 22 июня наконец задул устойчивый бриз, позволивший Армаде возобновить движение.

* * *

В Англии тоже не сидели сложа руки. Старый компаньон и соплаватель Дрейка Джонсон Хокинс, ставший к этому времени лордом адмиралтейства и ответственным за судостроение, спускал на воду суда невиданной доселе прочности, которым были не страшны ни шторма, ни посадки на мель.

— Клянусь Богом, — хвастался Хокинс Дрейку, — корпуса моих судов не пропускают и капли воды. Я готов отдать в заклад душу, что мир еще не видывал лучших судов!

Наряду с отличными ходовыми и маневренными качествами английских судов они были и лучше вооружены. Корабельные пушки англичан превосходили испанские и в дальнобойности, и в скорострельности.

Дрейк между тем жаждал повторить нападение, которое он так удачно провел в апреле 1587 года.

— Трусливые доны никак не идут, — говорил он в раздражении. — Поэтому не стоит дожидаться их нападения, а

нападать самим. С пятью десятками вымпелов я готов нанести испанцам у его собственных берегов куда больший урон, чем с двойным числом возле наших.

Я практик и понимаю, что не смогу открыто атаковать и сжечь весь испанский флот в Лиссабоне.

Королева спросила:

— А есть ли у вас подробный план битвы?

— Такого плана у меня нет, — развел руками Дрейк, — впрочем, я рассчитываю посеять панику одним своим появлением возле Лиссабона и тем самым помешать герцогу выйти в море.

Дрейку так и не удалось убедить Елизавету. Многочисленные интриги, плетущиеся вокруг Дрейка после его прошлогоднего похода к Кадису, сделали свое дело. Пытаясь спасти ситуацию, Дрейк взял в союзники седобородого лорда-адмирала Говарда Эффингема. Но и вместе они не смогли переубедить упрямую королеву.

Когда же стало известно, что испанский флот в бессилии торчит у Ла-Коруньи, Эффингем с Дрейком предприняли последнюю попытку повлиять на Елизавету, заявив ей, что коль испанское вторжение уже вопрос решенный, то и любое промедление с отпором этому вторжению подобно смерти. И на этот раз королева сдалась.

Однако сразу возникла еще одна сложность. Дело в том, что, когда в Лондоне стало известно о готовящемся походе Армады, суда стали держать в готовности к выходу в море. Однако в целях экономии Елизавета распорядилась, чтобы провиант доставлялся на суда ежедневно, а общие запасы не превышали недельной потребности. В апреле лорд-адмирал Говард Эффингемский писал главному казначею лорду Бэргли: "По последним данным, провизии хватит до 18 мая. Испанские силы следует ожидать к середине мая, то есть 15-го дня. Нам придется выйти в море с трехдневным запасом провианта. Если это правильно, то сие превосходит мое разумение". Главный интендант адмиралтейства сэр Даррелл "ездил по деревням, скупая всякую всячину, словно слуга из господского дома, а не офицер флота Ее Величества".

В сложившейся ситуации Дрейк смог сэкономить некоторое количество провианта для недолгого рейда к испанским берегам. Кто-то надеялся, что Дрейк не выйдет в море с голодными командами. Но они плохо знали Дрейка! С пустыми трюмами, в которых катались лишь бочки с прокисшим пивом, Дрейк покинул английские берега, взяв курс на Ла-Корунью. Из критической ситуации он секрета перед матросами не делал.

— Запомните, ребята, у нас времени ровно столько, чтобы дойти до Ла-Коруньи, нанести удар и вернуться, прежде чем все

мы сдохнем с голоду!

Матросы отнеслись к словам Дрейка с пониманием.

— Наш Дрейк — счастливчик и всегда выкручивался из самых тяжелых передряг, выкрутится и сейчас! — говорили они между собой.

Свежий северо-восточный ветер быстро гнал английские суда к Бискайскому заливу. Спустя двое суток суда дрейковского авангарда приблизились к испанскому берегу. И именно в этот момент ветер внезапно переменился на зюйд-вестовый. Ждать попутного ветра теперь можно было и неделю, и две. А этого Дрейк позволить себе не мог, так как продовольствия даже при строжайшей экономии едва хватало на обратный путь.

Делать нечего, и Дрейк в ярости приказал разворачивать форштевни на Плимут, куда и прибыл 22 июня. Именно в этот день Армада покинула рейд Ла-Коруньи. Теперь инициатива перешла к испанцам.

* * *

В начале 1588 года королева неожиданно решила уменьшить расходы на армию и распустить большую ее часть. Одновременно в целях экономии средств она решила сократить и часть матросов.

Сразу же пошли разговоры, что королева предала свой флот. Взоры всех обратились к Дрейку. Только он с его авторитетом мог повлиять на ситуацию.

Что касается Дрейка, то в начале 1588 года он в Плимуте набирал команды для своих судов. Когда распространится стух, что Дрейк собирается в новое плавание, от желающих не было отбоя. Но плавания не случилось. Елизавета все еще пребывала в сомнениях относительно большой войны с испанской короной. Дрейка тяготило вынужденное бездействие.

— Так мы проспим все на свете! — горячился он. — Чего сидим, чего ждем?

Его нетерпение еще более усилилось, когда он узнал, что вооружение испанского флота уже заканчивается. На свой страх и риск Дрейк отправляет два небольших судна к Лиссабону, к испанским берегам. Под видом рыбаков им удалось войти в Тахо и захватить испанских рыбаков, от которых и стало известно о состоянии Армады. Помимо этого Дрейк перехватил недалеко от Плимута два возвращавшихся из Лиссабона шведских судна, капитаны которых рассказали, что в Лиссабоне сосредоточено огромное число боевых судов и они спешно вооружаются.

После этого Дрейк решает использовать своего знакомого графа Роберта Эссекса. Молодой граф на тот момент числился в фаворитах Елизаветы. Дрейк попросил фаворита повлиять на королеву, чтобы та не препятствовала оснащению его эскадры. Но все было тщетно. Елизавета все еще надеялась на мирный исход переговоров с испанцами.

Не раз и не два сэр Фрэнсис напрашивался на аудиенции к Елизавете. Королева капризничала и упиралась. Дрейк был убедителен и красноречив. Разложив перед Елизаветой морскую карту, он разъяснял:

— Вы только посмотрите, Ваше Величество! В Ла-Манше, как правило, доминируют западные ветры, которые будут попутными Армаде в ее движении. Поэтому, чтобы прикрыть Англию, нашему флоту следует оказаться западнее противника. Но большая часть нашего флота сейчас сторожит в Дувре десантные транспорты герцога Пармского. Это явный просчет!

— И что же вы предлагаете, сэр Фрэнсис? — близоруко щурила глаза королева.

— Следует договориться с голландцами, чтобы они согласились посторожить испанские транспорты, наш же флот следует немедленно перекинуть к западной оконечности страны, в Плимут.

— Я что-то не очень понимаю… — пожала плечами Елизавета.

— Все очень просто, Ваше Величество. Иначе Армада, дойдя до мыса Лизард, станет хозяином Ла-Манша, и нам придется лавировать навстречу ей против сильного ветра. Испанцы же тем временем смогут высадиться в любом месте между Плимутом и Раем.

— Ну, не знаю, — вздыхала королева, обмахиваясь веером. — Пусть будет по-вашему, заберите от Дувра одну из вспомогательных эскадр.

— Ваше Величество! Клянусь всеми святыми, этого мало! — буквально умолял Дрейк. — Дайте мне полсотни вымпелов, и я нанесу испанцам куда больший урон у их берегов, чем с куда большими силами у берегов Англии. Поверьте мне, чем скорее мы это сделаем, тем будет лучше! И велите дать мне порох, так как моего хватит лишь на день жаркого боя!

На все просьбы Дрейка королева ответила отказом. Единственно, что удалось ему тогда добиться, — это разрешения взять порох на складе в Тауэре.

Только в мае лорду-адмиралу Говарду наконец-то было разрешено перейти с главными силами флота в Плимут. Дрейк был удовлетворен.

— Лучше поздно, чем никогда, — говорил он. — Главное, что мы все-таки успели произвести рокировку, прежде чем противник сделал свой первый ход.

Расклад сил английского флота был таков: в Плимуте были сосредоточены главные силы — две эскадры, еще одна эскадра контролировала подходы к Дувру. Первой из плимутских эскадр командовал Дрейк, перед началом боевых действий она насчитывала четыре десятка вымпелов. Второй эскадрой, состоящей из 34 судов и 8 галер-пинас, командовал лорд-адмирал Говард. При этом обе эскадры продолжали пополняться новыми судами. Помимо командования своей эскадрой лорд-адмирал был назначен королевой главнокомандующим объединенным флотом, а Дрейк — его заместителем. Говард был весьма доволен своим младшим флагманом. "Я не могу не сказать Вам, — писал он Уолсингему, — как сердечно и приятно сэр Фрэнсис Дрейк держит себя, а также с какой преданностью он служит Ее Величеству и мне, имея в виду пост, который я занимаю; поэтому я умоляю Вас написать несколько слов благодарности в частном письме к нему".

Всего под началом Говарда был собран крепкий кулак, в том числе 16 новых боевых кораблей, несколько фрегатов и до девяти десятков различных судов. Что касается Дрейка, то он, имевший все права на главнокомандование всем английским флотом (что, кстати, и предполагал испанский король), вынужден был довольствоваться должностью младшего флагмана в ранге вице-адмирала и эскадрой в три десятка вымпелов. Командирами отрядов в эскадре Дрейка значились старик Джон Хокинс в ранге контр-адмирала, державший свой флаг на "Виктори", и старший из капитанов известный корсар Фробишер на "Триумфе".

В самый последний момент из-за отсутствия денег на флоте снова встала проблема снабжения и питания. Поэтому провиант было велено закупать только до конца июля.

— Теперь нам остается только молиться, чтобы испанцы напали на нас как можно раньше, в противном случае нам придется питаться святым духом! — бурчали между собой английские капитаны.

Наплевав на все приказы свыше, главный интендант флота Даррелл велел выгребать из портовых складов последние запасы провианта и грузить его на суда. Из Лондона в Плимут полетели угрозы. Трудно сказать, чем бы все закончилось и лично для своевольного Даррелла, и для всего английского флота, если бы именно в этот момент, 29 июля, в Плимут не пришло сообщение: Армада движется на север и вот-вот покажется на горизонте. Тут уж стало не до писем о солонине и сухарях, дело запахло порохом

и кровью.

— Если это произошло несколько дней назад, — забеспокоился лорд-адмирал Говард, — мы увидим их стучащимися в нашу дверь!

Дрейк же, наоборот, был доволен и объявил своим капитанам:

— Кормите теперь наших парней от пуза! В бою мне нужны здоровые и сильные матросы, а не голодные доходяги.

Каждому немедленно выдали полтора фунта сухарей, чашку бобовой похлебки, кусок сала, пару хвостов сушеной трески и кружку вина. Боевой дух сразу поднялся. Теперь матросы уже весело стучали по палубе сухарями, выбивая червей:

— Вот так мы выбьем дух из треклятых испанцев, когда дело дойдет до настоящей драки!

* * *

Между тем в Эскориал поступала самая противоречивая информация. Вначале пришло сообщение, что в Ла-Манше слышали сильную канонаду, затем, что герцог Сидония высадился в Англии и даже пленил самого Дрейка. Затем новости стали более печальными: Армада разбита и отходит в Немецкое море, а Дрейк ее преследует.

По всей Испании в монастырях и церквах с двойным усердием возносили молитвы. Венецианский посол в Мадриде сообщал, что после выхода Армады в море король Филипп молился по три раза в день.

Наконец 7 августа Филиппу пришло письмо из Руана: "Капитаны нескольких рыболовных баркасов, встретившие флоты, рассказали, что Дрейк и Медина-Сидония сошлись в бою у острова Уайт. Испанцы шли с попутным ветром и после адской баталии потопили пятнадцать английских галеонов, захватили несколько других и взяли множество пленных. Галеасы творили чудеса. Те же сведения подтвердили в Дьеппе другие хозяева, возвращавшиеся с Ньюфаундленда через Ла-Манш… Один рыбак-бретонец видел собственными глазами, как галеас снес мачту на корабле Дрейка при первом таране и потопил его при втором".

Следующее сообщение было о том, что Дрейк, раненный в щеку, прыгнул в лодку с намерением удрать, оставив сражение, сама же Армада вошла в Кале, где соединилась с войсками герцога Пармы.

А новости все множились: "Армада потопила семнадцать кораблей… Дрейк ранен в ногу ядром… В битве при Ньюкасле

захвачено и потоплено тридцать вражеских судов… Только 20 августа на дно пущено сорок британских кораблей, в том числе адмиральский галеон и корабль Дрейка, который, снова раненный в щеку, спасся на шлюпке…

— Если хотя бы половина новостей соответствует истине, то английского флота более не существует и нам осталось лишь добить Лондон железными терциями герцога Пармы! — радовался Филипп.

Между тем по всей Европе уже растекались новые тревожные новости: "Дрейк одержал победу, Армада рассеяна и бежит".

А затем наступило горькое отрезвление…

* * *

Ночью, пока Армада втягивалась в Ла-Манш, Медина-Сидония собрал совет флагманов.

Храбрецы де Лейва и Педро Вальдес умоляли генерал-капитана Моря-Океана атаковать Плимут.

— Только так, — уверяли они, — можно запереть проклятого Дракона в ловушке.

Герцог колебался:

— Воля короля обязывает нас не искать сражения, а соединиться с Пармой!

В конце концов было решено атаковать Плимут, если обстоятельства будут тому благоприятствовать, а если нет, то продолжать свой путь.

Авангард Армады составляла Левантийская эскадра Бертендона с галеасами. Затем главные силы — португальские талеоны и Кастильская эскадра под началом самого герцога Медины-Сидонии. Суда снабжения, прикрытые со всех сторон эскадрами Андалузии и Гипускоа. Замыкал же величавое шествие Армады арьергард в составе Бискайской эскадры и эскадры Рекальде. Несение дозоров и передачу сигналов обеспечивали юркие посыльные суда — паташи и сабры.

Казалось, что все идет к тому, что испанцы обрушатся всей своей силой на Плимут. Трудно сказать, чем бы закончилась эта атака. Но в самый последний момент герцог передумал, и Армада проследовала мимо Плимута курсом на остров Уайт. Как знать, возможно, Медина-Сидония упустил реальный шанс взять верх над англичанами. Вот мнение по этому вопросу историка К. Малаховского: "Если бы он (Медина-Сидония. — *В.Ш.*) сразу же при подходе к Лизарду приказал наиболее быстроходным судам Армады идти к Плимуту, то испанцы захватили бы там англичан,

которым неблагоприятный ветер не давал возможности сдвинуться с места. Испанские суда были вооружены артиллерией, которая наиболее эффективно действовала в ближнем бою и в спокойной воде, как раз в условиях Плимутской бухты. Испанские матросы и солдаты наилучшим образом проявляли себя как раз в абордажных схватках, а Армада имела более чем десятикратное превосходство в людской силе над англичанами. Преимущества же английских кораблей заключались, наоборот, в их маневренности, большей дальности действия и точности артиллерийской стрельбы".

Пока же с берега сквозь легкую дымку лорд-адмирал Говард Эффингемский с тревогой наблюдал заполнивший весь горизонт огромный флот.

Легенда гласит, что посланец из Плимута застал Дрейка на берегу моря за игрой в боулз — английские шары. Оглядев показавшиеся на горизонте испанские паруса, Дрейк якобы демонстративно взял в руки деревянный шар:

— Пусть они подождут. Времени хватит и на игру, и на то, чтобы разбить испанцев!

По другой версии, 19 июля Дрейк и лорд-адмирал играли после обеда в шары на борту флагманского корабля Говарда. Томас Флеминг, капитан пинасы "Золотая лань", посланной для наблюдения, неожиданно прибыл на флагмане и сообщил, что видел испанский флот у мыса Лизард, находившегося в 60 милях к западу от Плимута. Все игравшие обратили взоры на Дрейка, а тот спокойно заметил: "У нас достаточно времени, чтобы закончить игру и после этого разбить испанцев".

На самом деле слова Дрейка объяснялись вовсе не его бравадой, а противным ветром, который не давал английским эскадрам покинуть Плимут. Именно поэтому Дрейку только и оставалось, что кидать шары.

Из хроники событий: "Когда ветер переменился, Говард поспешил вывести свою эскадру из Плимута. На рассвете 20 июля более пятидесяти английских кораблей вышли в западном направлении. Вечером, на заходе солнца, англичане увидели первые корабли Армады. Весть о приближении испанского флота была немедленно передана во все концы страны через установленную систему сигнализации: днем — дым, ночью — огонь костров, сигнальные огни на холмах и колокольнях церквей. Получив сигнал тревоги, жители городов и селений вооружались, соединялись в отряды и шли к побережью. Ни англичане, ни испанцы не знали о численности кораблей друг друга. Английские адмиралы понимали, что против них стоит невиданный по размерам флот. Действительно, Армада состояла

из 134 судов, в число которых входило 33 громадных боевых талиона. На судах находились 8 тысяч матросов и 18 тысяч солдат. В распоряжении Говарда было 90 судов, из которых только 19 были кораблями королевского военного флота, остальные же принадлежали частным лицам, главным образом купцам. Дрейк с восемью судами занял позицию для неожиданного нападения на испанский арьергард. Поздним вечером он увидел испанский флот, который шел в необычном порядке: крупные галеоны — впереди, сзади и по флангам, а более слабые суда — в середине. Галеоны сверкали яркими красками и позолотой, на мачтах развевались флаги и вымпелы".

К следующему утру ситуация кардинально переменилась. Теперь уже испанцы, к своему удивлению, обнаружили у себя за кормой восемь десятков английских вымпелов. Это были основные силы британского флота под началом Говарда и его вице-адмирала Дрейка. Флаг Дрейка развевался на новейшем боевом корабле "Ревендж", что значит в переводе с английского — мститель. Что сказать, умел сэр Фрэнсис давать названия своим судам в соответствии с политической конъюнктурой! Еще одиннадцать судов, не успевшие вовремя покинуть Плимут, на глазах испанцев демонстративно обошли их со стороны берега и соединились со своими главными силами. Ситуация для испанцев была не лучшая. Вестовый ветер был наветренным для англичан, давая им в руки всю инициативу для атаки. Испанцы же, наоборот, будучи под ветром, могли в данном случае лишь обороняться. Разумеется, теоретически можно было бы, лавируя, попытаться выиграть наветренное положение, но, учитывая огромное количество судов, такое маневрирование для Сидонии было просто нереальным.

Дрейк со своим конкурентом Фробишером и стариком Хокинсом начали спускаться на испанский арьергард, избрав объектом атаки галеон "Сан-Хуан" вице-адмирала Армады Хуана де Рекальда.

Уклоняясь от атаки и неудачно сманеврировав, "Сан-Хуан" таранил в борт ближайший галеон "Росарио", которым командовал Педро де Вальдес. При столкновении на "Росарио" были сломаны бушприт и фок-мачта. Он сразу же потерял ход и начал быстро отставать от уходившей вперед Армады. Между тем спускалась ночь.

* * *

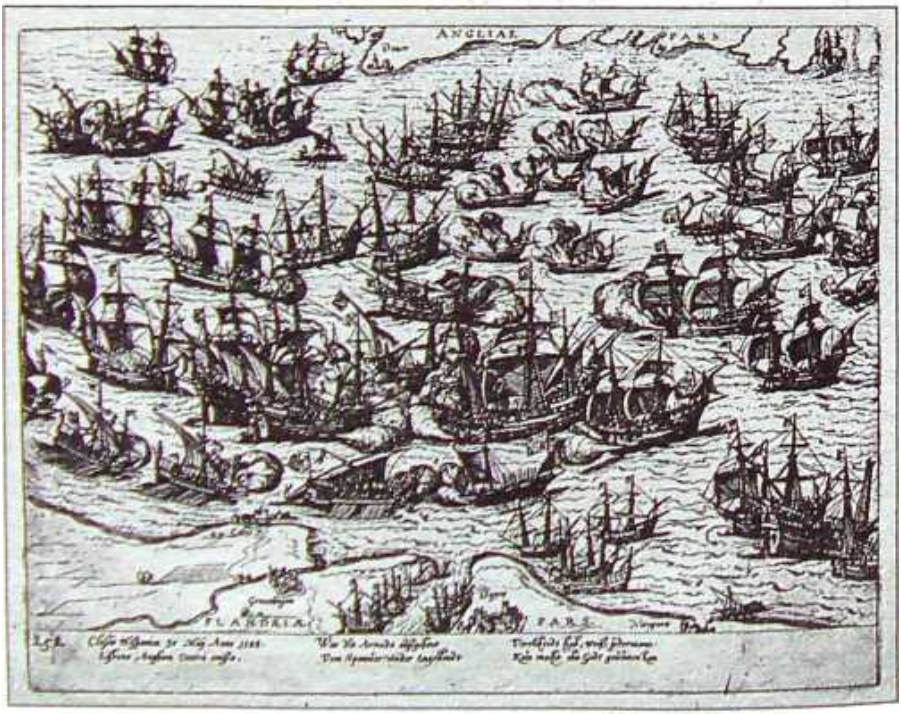
23 июля англичане снова нагнали Армаду и произвели серию

атак в районе Портленда, продолжавшихся на следующий день к зюйд-осту от острова Уайт. Фактически это был один непрерывный бой.

Говард тем временем разделил свой флот на четыре отряда, которые поочередно атаковали испанские суда. Испанцы же, как могли, сохраняли предписанный им королевской инструкцией боевой порядок в форме полумесяца, с транспортами посередине, поэтому англичане старались слишком не сближаться.

Любопытно, что, когда англичане вышли в корму Армаде, перед теми и другими сразу же встал закономерный вопрос: а что делать дальше? Согласно привычной для испанцев тактике гребного флота, надлежало немедленно сближаться с противником, таранить его суда, а затем решать исход боя в абордажной схватке. Что касается англичан, то у них вообще не было никакого опыта эскадренных боев. Одно дело — перехватить и ограбить одинокое судно и совсем другое — противостоять целому флоту.

Но сейчас им противостояли привычные турецкие галеры, а не многопалубные парусные корабли, оснащенные артиллерией. Ни Говард, ни Сидония, ни их подчиненные не имели опыта подобных сражений. Обоим предстояло воевать, что называется, "с чистого листа" и прямо сейчас экспромтом вырабатывать тактику боя с парусным флотом в условиях открытого моря, когда и таран, и абордаж уже не являлись аксиомой.



Поражение Непобедимой Армады. Гравюра XVI в.

Надо отдать должное: герцог и его адмиралы нашли в данной ситуации единственно правильное решение. На виду англичан Армада начала перестроение: авангард стал правым флангом (относительно востока), а арьергард — левым (относительно запада). Оборонительный походный ордер теперь выглядел как гигантский семимильный полумесяц. Для боевой устойчивости на концах огромной дуги было размещено по два больших галеаса. Англичане признают, что быстрота, слаженность и четкость маневра произвели на них большое впечатление.

Дело в том, что в то время еще не было изобретено и опробовано на практике такое на первый взгляд простое, но эффективное и универсальное построение, как боевая кильватерная колонна, когда каждый мателот удерживает свое место в строю, держась за кормой впередиидущего корабля.

В "полумесячном" построении Армады имелись серьезные достоинства. Во-первых, теперь англичанам, реши они атаковать Армаду, нужно было атаковать концы полумесяца, где находились мощнейшие испанские галеасы, как раз и предназначенные для такого боя. Во-вторых, в случае прорыва в центр полумесяца англичане бы сразу же оказались под кинжальным перекрестным огнем всего испанского флота. И, наконец, в-третьих, если бы весь английский флот бросился на выручку попавших под

перекрестный огонь, то весь бой немедленно бы превратился в общую свалку, где неминуемо суда бы сблизились вплотную и испанцы могли бы решить исход боя в абордажном бою, в котором они были большие специалисты.

Но и Говард с Дрейком свое дело знали, а потому, разумеется, не дерзнули атаковать грозный испанский полумесяц. Разделившись на две эскадры, они держались в отдалении, периодически постреливая и ожидая, когда их противник допустит какую-нибудь ошибку.

Между тем время шло, и надо было что-то предпринимать.

И тогда произошел эпизод, отдававший атавизмом античной эпохи. Лорд-адмирал Говард решил вызвать Мединy-Сидонию на… "рыцарский поединок". Для этого английское дозорное суденышко "Дисдейн" подскочило к большой карраке "Рата Санта-Мария Энкоронада", которую англичане ошибочно приняли за испанский флагман и произвели по ней единственный выстрел, т. е. вызвали на поединок, после чего на всех парусах бросились прочь.

Однако "испанский флагман", вопреки ожиданиям лорда-адмирала, не пожелал сразиться с его "Ройял Арком" в "рыцарском поединке", а остался в общем строю.

— Поднять все флаги и вымпелы, открыть пушечные порты, запалить фитили! — распорядился оскорбленный в лучших чувствах Говард Эффингемский и сократил дистанцию с левым флангом испанского полумесяца. Левантийская эскадра ответила огнем.

Что касается Дрейка на "Ревендже", то он направил свою эскадру на левый фланг (рог) испанского полумесяца. Первые залпы англичан расстроили походный ордер бискайских торговых судов, капитаны которых ранее никогда не участвовали в боях.

От атаковавших отбивался лишь храбрый Дон Хуан Мартинес де Рекальде, по которому вели огонь сразу семь англичан.

Понимая, что долго так де Рекальде не продержаться, на помощь к нему поспешил Дон Диего Пименталь на "Гран-Грине". Более двух часов они сообща сдерживали наскоки Дрейка, который, впрочем, особо к противнику не приближался. Храбрость испанцев произвела на него должное впечатление.

— Вне всякого сомнения, они намерены дорого продать свою жизнь! — констатировал он.

Затем инициативу проявил сам герцог. Галеасы "Сан-Мартин" и "Сан-Матео" совместно с португальскими талионами начали обходить англичан с веста.

Заметив этот маневр, Говард приказал прекратить преследование: "Я счел разумным дождаться подхода сорока

судов, оставшихся в Плимуте, прежде чем навязать генеральное сражение", — писал он государственному секретарю.

Маневр герцога Сидонии поднял дух испанцев. Выручив два своих галеона, герцог пытался до вечера преследовать англичан, но "противник чудесным образом ускользал". Успех этого дня был за испанцами.

Испанский флот ушел от острова Уайт, но при этом англичане израсходовали почти все боеприпасы, которых у них и без того было мало. Однако эффективность артиллерийского огня была крайне низкой. Так, галеас "Сан-Мартин" подвергался обстрелу в течение часа, но все его повреждения свелись к потере флагштока.

Несмотря на превосходство в артиллерии, англичанам так и не удалось нанести Армаде существенного ущерба. К этому времени испанцы помимо захваченного под Плимутом несчастного "Росарио" потеряли только галеон "Сан-Сальвадор", на котором находилась казна флота. Но здесь англичане были ни при чем. По неизвестной причине на "Сан-Сальвадоре" произошел пожар, и взорвались бочки с порохом.

Глава тринадцатая
ПРОКЛЯТОЕ ЗОЛОТО АРМАДЫ

Итак, в Ла-Манше идет одно из самых грандиозных сражений в истории человечества. Гибнут корабли и люди, гремят пушки, льется кровь. Но, несмотря на все это, многие из сражающихся думали не о том, как победить. Они думали о золоте. При этом одни стремились это золото спасти, другие, наоборот, захватить. Разумеется, что в данном случае не обошлось без Дрейка. Уж он-то чувствовал запах желтого металла за много-много миль и всегда шел за ним, как идет по следу охотничья собака.

Первым вспомнить о золоте пришлось герцогу Медина-Седонии. Когда над галеоном "Сан-Сальвадор" поднялся столб огня и дыма, герцог схватился за сердце. Еще бы, ведь в трюме этого галеона хранилась его золотая казна!

Английский историк Роберт Стенюи пишет: "Когда герцог подошел к "Сан-Сальвадору", ему открылось жуткое зрелище. Взрывом разнесло две палубы и кормовую надстройку. Сквозь рев пламени слышались пронзительные крики горевших заживо людей, а ветер доносил чудовищный запах паленой плоти — результат взрыва порохового погреба. Произошел он, по всей видимости, случайно, хотя в дальнейшем с полдюжины романтических версий приписывали взрыв акту мести некоего немецкого, или голландского, или фламандского пушкаря, избитого капитаном Прнего. Присутствие на борту немецкого артиллериста, которого сопровождала жена (факт, подтвержденный официальными английскими документами), послужило поводом для самых водевильных россказней — обманутый муж мстит капитану-обольстителю и т. п. Организовали спасательные работы. Два паташа подцепили галеон за корму и развернули его по ветру, чтобы огонь не перекинулся на нос. Матросы пытались сбить пламя и эвакуировать раненых. Это было нелегко: ветер разводил крутую волну. Палуба стала скользкой от крови, на ней невозможно было устоять, на такелаже висели оторванные конечности людей. Спасательная партия насчитала более двухсот убитых и раненых; еще около полусотни людей утонуло, пытаясь найти убежище от пожара в море.

Когда справились с огнем, генерал-капитан отдал приказ двум галеасам отбуксировать аварийное судно к эскадре гукоров (так он записал в своем дневнике) и добавил: "Тщательно проследите, чтобы казна была переправлена на годное судно".

После чего, опять-таки по его собственным словам, направился к "Росарио".

Корабль Вальдеса тем временем дотащился до арьергарда Армады, но тут очередным порывом ветра у него снесло грот-мачту. Больше уже он не двигался.

Версия одного из пассажиров "Росарио": "Герцог ушел, бросив нас на произвол врага, маячившего в трех милях сзади" (отец Бернардо Гонгора). Версия самого дона Педро де Вальдеса: "Я дал четыре выстрела из орудия, предупредив Армаду о своем бедственном положении. Герцог находился достаточно близко, чтобы увидеть все самому и оказать мне помощь… Но он этого не сделал! Словно мы не были подданными Вашего Величества и не служили под его началом. Он оставил нас добычей противника" (письмо королю).

Похоже по всему, первым намерением герцога было действительно оказать помощь потерявшему управление кораблю. Но начальник штаба и первый советник Диего Флорес категорически заявил, что наступает темнота и Армада может рассеяться, если генерал-капитан задержится: "Нельзя подвергать опасности весь флот из-за одного корабля". Медина-Сидония уступил, но прежде выслал к "Росарио" свой личный паташ с приказом снять казну и перевезти ее на свой галеон. Вальдес в ярости передал командующему: "Там, где я рискую своей жизнью и жизнью стольких рыцарей, можно рискнуть и пригоршней золота!" Посыльный вернулся назад с пустыми руками.

К девяти вечера дон Педро остался в море один… Генерал-капитан прислушался к голосу разума. И напрасно. Кастильская традиция не прощает подобных поступков. Бросив в беде своего капитана, командующий навсегда потерял честь и достоинство в глазах флота. Отныне никто больше не разговаривал с Диего Флоресом. На солдат это тоже произвело гнетущее впечатление: если он так легко оставляет знатного кабальеро, на какую помощь вправе рассчитывать мы?"

Ненависть Диего Флореса к своему кузену дону Педро была общеизвестна. Совсем недавно они осыпали друг друга резкими попреками на совете. Теперь офицеры громко говорили, что все это — низкая месть Диего Флореса.

Слухи быстро достигли ушей герцога. Поэтому той же ночью, заполняя дневник, он особо подчеркнул: "Диего Флорес сказал мне тогда…" и дальше: "Следуя его настоятельному совету, я…", "Враг оказался милосерднее".

* * *

Вечером того же дня английские флагманы собрались на совет, чтобы уточнить диспозицию. Надо было предусмотреть варианты действий противника. Испанцы могли попытаться укрыться в бухте Сор или высадиться на острове Уайт, а то и вовсе в Уэймуте.

В конце совета Говард неожиданно заявил:

— Сэр Фрэнсис, я поручаю вам лично не спускать глаз с Армады и возглавить весь английский флот на "Ревендже".

Присутствующие в недоумении переглянулись. Слова лорда-адмирала значили, что в самый решающий момент столкновения с Армадой он по собственному желанию передал роль командующего Дрейку.

Одни увидели в этом признание флотоводческих талантов Дрейка, другие — просто неуверенность Говарда в своих силах. Но наступающая ночь готовила английским капитанам новые неожиданности.

Итак, над "Ревенджером" взвился флаг командующего, а с наступлением ночи на мачтах вывесили три фонаря. Однако спустя какой-то час все фонари внезапно погасли. На окружавших судах все были в полном недоумении: почему погасли адмиральские фонари, не случилась ли с Дрейком какая-либо беда? Еще большее недоумение вызвало увиденное потом — "Ревендж" с затушенными фонарями тенью проскользнул мимо стоявшего флота и растворился в ночной темноте. Следом за ним исчезли с якорной стоянки еще два судна — "Уайт Бэра" и "Мэри-Роз".

Говарда разбудили тревожной новостью, что сигнальный огонь Дрейка исчез. Обеспокоенный, он велел послать на "Ревендж" шлюпку, но та корабль Дрейка уже не застала. Тогда лорд-адмирал приказал всем выбирать якоря и лежать до рассвета в дрейфе, будучи готовыми к любым неожиданностям, пребывали в недоумении: неужели Дрейк дезертировал, а может, он уплыл исполнять какой-то личный приказ королевы? Офицеры и матросы терялись в догадках. Более же иных был потрясен происшедшим лорд-адмирал.

Когда же настало утро, все убедились, что Дрейка нет не только во флотском ордере, но и на горизонте. Оставалось только гадать, куда, зачем и, главное, почему сэр Фрэнсис ушел, бросив флот. Кто-то говорил даже о дезертирстве, но большинство в это не верили (не таков сэр Фрэнсис!), а утверждали, что у Дрейка, видимо, имеется некое секретное поручение королевы и он отправился его выполнять.

На самом деле все обстояло куда проще. Узнав, что один из испанских галеонов, "Росарио", поврежден и безнадежно отстал от

ушедшей вперед Армады, Дрейк не устоял перед соблазном его захвата и последующего грабежа. Увы, но пират победил в нем флотоводца…

Утро 1 августа застало суда Дрейка возле "Росарио". Затем последовала молниеносная атака, и беспомощный "Росарио" был взят без единого выстрела. Его капитан дон Педро, видя безнадежность положения, согласился сдать галеон на почетных условиях. В Испании, разумеется, впоследствии этот эпизод обрел иные краски: "Дон Педро сражался до последнего и был взят в плен с тринадцатью уцелевшими матросами". Были и более эпические варианты: "Окруженный четырнадцатью вражескими талионами, он потопил семь кораблей неприятеля, прежде чем был пленен с горсткой оставшихся в живых".

К радости Дрейка, на "Росарио" нашлось немало золота, а кроме того, ящик со шпагами, украшенными драгоценными камнями. Шпаги предназначались для подарков английским дворянам-католикам после вторжения испанцев в Англию.

При этом Дрейк не забыл и о своих матросах.

— Парни! — сказал он им, когда все самое ценное перекочевало в его каюту. — Этот "испанец" ваш, выверните его навыворот, поверьте, там еще есть чем поживиться!

Надо ли говорить, что дважды матросам повторять приказ не понадобилось, и вскоре бедный "Росарио" был вывернут так, что после этого даже корабельные крысы считали себя обобранными.

Табу было наложено только на каюту адмирала дона Педро. По своему обыкновению, Дрейк был предельно вежлив и учтив с пленником. Он пригласил дона Педро разделить с ним трапезу и угощал как своего самого дорогого гостя. Впрочем, гость действительно был весьма "дорогим", так как только что весьма неплохо обогатил хозяина. Более того, пока дон Педро находился на "Ревендже" и пользовался полной свободой передвижения, включая наблюдение за продолжением баталии. Когда об этом узнали в окружении Медины-Сидонии, то не без ехидства говорили за спиной герцога:

— Враг оказался куда как милосерднее нас к дону Педро.

Но на этом история с золотом многострадального "Сан-Сальвадора" не закончилась. Утром следующего дня герцогу доложили, что взорвавшийся и считавшийся уже потерянным "Сан-Сальвадор" все еще держится на плаву.

— Немедленно выгрузить королевскую казну, эвакуировать команду, а корабль затопить! — распорядился Медина-Сидония.

Отдав данное приказание, герцог записал в своем дневнике: "Что и было исполнено". Но с записью он явно поторопился…

Капитан "Сан-Сальвадора" был тяжело ранен, а уцелевшие

слишком спешили покинуть горящий и тонущий корабль. С собой они захватили часть казны. После этого дрейфующий корабль был брошен на произвол судьбы. Испанский историк Луис Миранда писал: "На борту находилось около 60 000 дукатов, из которых удалось спасти небольшую толику".

Когда Джон Хокинс и лорд Говард поднялись на борт брошенного всеми несчастного корабля, они увидели на палубе "около полусотни обожженных людей в плачевном состоянии.

Нестерпимая вонь и ужас представшего взору зрелища вынудили их поспешно ретироваться".

Отбуксированный в ближайший английский порт "Сан-Сальвадор" сразу же по своему обычаю очистили местные рыбаки. Какова была судьба остававшегося на борту "Сан-Сальвадора" золота, так и осталось неясным. Возможно, что на самом деле его по-тихому унесли с собой покинувшие корабль испанские офицеры и матросы, возможно, что часть перепала Говарду и Хокинсу, возможно, что-то досталось рыбакам и даже портовым чиновникам. В докладе английских таможенников осталась лишь туманная констатация: "Нам сообщили, что в носовой надстройке находился тяжелый кованый сундук".

* * *

Когда ближе к вечеру Дрейк привел свои суда и захваченный приз к главным силам флота, взбешенный лорд-адмирал потребовал исчерпывающих объяснений:

— Почему вы погасили сигнальный огонь, по которому должен был ориентироваться весь флот? Почему вы не исполнили мой приказ? Почему вы своевольно бросили флот?

— Все вышло так, ваша милость, — объяснил Дрейк, невозмутимо глядя глаза в глаза. — В темноте мне показалось, что по левому борту движутся паруса. Я сразу решил, что испанцы пытаются нас окружить. Поэтому я двинулся за ними следом, чтобы проследить, как и что. Почему один? Ну, я не хотел нарушать строй и беспокоить остальных. Сигнальный огонь? Ах, да, сигнальный огонь… Но он выдал бы наш маневр противнику! Паруса? Это оказались… немецкие баркасы, ну да, ганзейские купцы, они просто шли мимо, простая ошибка… Вы говорите, что никто их больше не заметил? Странно… Впрочем, было уже совсем темно… Как я оказался возле "Росарио"? Вы можете мне не поверить, но по чистой случайности…

Конечно, Говард мог бы арестовать Дрейка, но, во-первых, лишиться опытнейшего флотоводца в преддверии решительной

схватки с Армадой было смерти подобно, а во-вторых, ведь он сам в присутствии всех флагманов вчера вечером передал Дрейку главное командование флотом, так что с формальной точки зрения Дрейк и не должен был спрашивать у него разрешения за свои действия. Тем более о них отчитываться. Факт передачи командования Дрейку на первом же заседании суда подтвердили бы все свидетели, и Говард остался бы в дураках. Кроме этого Дрейк мог прекрасно знать о том, как неплохо лорд-адмирал поживился испанским золотом с его другом Хокинсом на борту несчастного "Сан-Сальвадора", не заявив о захваченном золоте официально. При этом Дрейк деликатно промолчал. Так что, взвесив все "за" и "против", лорд-адмирал ограничился в отношении Дрейка лишь устным внушением, закрыв на остальное глаза.

А на флоте только и было разговоров, что о счастливчике Дрейке и о том, как повезло в службе тем, кому удалось попасть к нему на "Ревендж". Это же надо, война только началась, а они уже набили золотом все свои карманы. Хватало и завистников. Так, сэр Мартин Фробишер, командир одного из дрейковских отрядов и один из самых отчаянных английских корсаров, сразу понял, в чем дело, и, не стесняясь, кричал на шканцах своего "Триумфа":

— Дрейк хотел лишить нас законной части добычи. Но я бы скорее проткнул ему брюхо, чем отказался от дукатов!

По подсчетам историков, в тот день Дрейк захватил 55 000 испанских золотых дукатов, 46-пушечный корабль и охапку позолоченных шпаг с богато инкрустированными эфесами, предназначавшихся в подарок английским джентльменам-католикам. Кроме того, ему причитался выкуп за плененного испанского адмирала и нескольких знатных сеньоров.

Что касается несчастного "Росарио", то, притащенный на буксире в Дортмут, он был немедленно окончательно ограблен местными рыбаками. Когда местные портовые чиновники прибыли для наложения печатей, это уже не имело никакого смысла, ибо взору их предстал полностью ободранный остов корабля.

Разгром Непобедимой Армады. Художник Ф.-Ж. де Лутербург

Английский историк Роберт Стенюи пишет: "Самое пикантное, что уход вице-адмирала на "промысел" едва не стоил головы лорду Говарду. В предрассветных сумерках, рыская в поисках сигнального огня, он оказался возле мыса Берри-Хед, в опасной близости от испанского арьергарда. Только тут лорд понял свою ошибку: он принял за сигнал Дрейка кормовой фонарь галеона Медины-Сидонии! Говард решил уже, что участь его решена. Если испанцы нападут, он окажется в окружении ста тридцати судов, и с адмиралом Англии будет покончено раньше, чем остальной его флот сумеет прийти на подмогу. Тем более что в отсутствие Дрейка некому командовать маневром. Дон Уго де Монкада тотчас оценил ситуацию. При таком ветре галеасы смогут догнать противника и связать его огнем, пока подоспеет остальная Армада. Дон Уго "почтительно испросил у герцога Медины-Сидонии дозволения встретить адмирала Англии, но герцог не счел возможным предоставить ему такую вольность". Монкада, уязвленный в самое сердце, безмолвно удалился. Вторично упустив шанс вырвать победу, герцог распорядился идти дальше, не нарушая "общего плана". А адмирал флота спокойно выскользнул из ловушки, куда его завело своекорыстие вице-адмирала. Так передает этот эпизод голландский историк начала XVII века Ван-Метераен. Герцог умалчивает в дневнике о случившемся, а дон Уго нигде не излагает своей версии".

Уже после разгрома Армады скандал относительно захвата

"Росарио" Дрейком все же разразился. Особенно интриговал Фробишер, обвинивший своего коллегу чуть ли не в измене. По данному вопросу был даже назначен суд, но Говард по вполне понятным причинам удовлетворился объяснениями Дрейка, после чего ему и его команде были присуждены все захваченные на галеоне ценности.

Впрочем, захват "Росарио" оказался полезным не только для Дрейка, но и для всего английского флота. Один из офицеров галеона, оскорбленный тем, что герцог бросил их галеон на произвол судьбы, рассказал Дрейку о планах Медины-Сидонии. Откровения обиженного испанца стали для англичан настоящим подарком. Теперь они знали, что им следует делать. По распоряжению Говарда Дрейк в тот же вечер отписал письмо командующему Дуврской эскадрой лорду Генри Сеймуру, где предупреждал о скором появлении Армады.

Глава четырнадцатая
БИТВА ТИТАНОВ

Ожесточенное сражение продолжалось еще три дня, пока у обоих противников не истощились запасы пороха. При этом Медина-Сидония так и не догадался, что англичане испытывают затруднения с порохом. Их беглый огонь убеждал в обратном. Поэтому герцог принял решение идти к берегам Фландрии, навстречу Парме, о котором он не имел никаких сведений.

Парма в это время находился в своей ставке в Брюгге и был не в состоянии ни помочь испанскому флоту, ни связаться с ним. Его транспорты текли, команды разбегались, а посыльные суда перехватывались голландцами.

27 июля Армада укрылась во французском порту Кале. По пути к Кале испанцы потеряли еще одно судно — "Санта-Анну", поврежденное и едва не захваченное англичанами в бою у острова Уайт. Его снесло ветром и выбросило на французский берег недалеко от Гавра.

Там Армада пополнила запасы воды, продовольствия и боеприпасов. В Кале Медина решил дождаться вестей из Нидерландов. В ночь по прибытии в порт он послал письмо герцогу Парме с просьбой срочно прислать порох и ядра. От Кале до Дюнкерка было всего 23 мили. Казалось, вопрос соединения Армады с десантными войсками — вопрос уже решенный и ничего не может этому помешать. Но испанцев снова подвели поспешность и непродуманность организации операции. Прибрежные воды Дюнкерка, как известно, изобилуют песчаными мелями, а потому заходить в порт могли лишь небольшие суда, а не грузные галеоны с большой осадкой. Да и голландцы предусмотрительно сняли все бакены и вехи, обозначавшие эти мели.

В свою очередь, транспортные суда Пармы не могли выйти из Дюнкерка в море, так как сразу попадали под удар голландского флота, который сторожил Дюнкерк. Теперь Медина-Сидония ждал Парму, а Парма ждал Мединy. Не помог Мединe Парма и с порохом, заявив, что его суда не выйдут в море, пока Медина не отгонит от берегов голландцев.

* * *

Тем временем и англичане пребывали в полном неведении,

что предпримут испанцы. Лорд-адмирал Говард собрал совет флагманов. Выступавшие высказывали свои мнения относительно дальнейших действий. Что касается Дрейка, то он сказал так:

— Джентльмены, думаю, что всем нам ясно: откладывать атаку нельзя. Если Медина соединится с Пармой, над Англией нависнет смертельная опасность. Выход один — как можно быстрее уничтожить проклятую Армаду!

Для начала было решено направить в порт Кале брандеры, которые при большой скученности испанских судов могли вызвать серьезные пожары. Дрейк первым предложил для этого свое судно "Томас", Хокинс передал свой барк "Бонд". Всего для атаки было подготовлено восемь брандеров, на которые погрузили хворост, солому и бочки со смолой.

В ночь на 28 июля при попутном ветре брандеры устремились вперед. Когда же команды направили свои суда в гущу Армады и подожгли их, испанцев охватила паника. Никто даже не пытался организовать оборону. Капитаны самостоятельно рубили якорные канаты и поднимали паруса, чтобы увернуться от горящих брандеров. Наконец, опомнившийся Медина-Сидония приказал капитану своего флагмана "Сан-Мартин" стать на якорь и дал сигнал остальным судам следовать его примеру.

Большинство испанских судов не исполнили приказа командующего и, спасаясь от опасности, начали своевольно выходить в море. При этом флагманский галеас "Сан-Лоренцо", столкнувшись в суматохе с другим судном, был выброшен на берег. Любопытно, что вызвавшие столь сильную панику брандеры реального ущерба испанцам не нанесли и благополучно сгорели в песчаных дюнах.

Следующим утром англичане могли наблюдать результаты своих ночных трудов: выброшенный на берег "Сан-Лоренцо" и стоявший на якоре флагман Медины-Сидонии "Сан-Мартин" в окружении еще четырех галеонов. Остальные суда беспорядочно плыли на норд-ост от Кале.

Ситуация складывалась самая благоприятная для англичан, и теперь надо было развивать начальный успех.

В четыре часа утра ветер поменялся, и Говард дал сигнал к общей атаке. Сам лорд-адмирал возглавил преследование бежавшей массы судов. Корабли Дрейка, Хокинса и Фробишера атаковали стоявшие на якоре галеоны. Что касается Медины-Сидония, то он был готов принять бой с Дрейком, рассчитывая задержать англичан и дать остальным кораблям Армады время построиться в боевой порядок.

Из хроники сражения: "Поднялась страшная канонада, густой дым окутал сражающиеся корабли. Небольшие в сравнении с

испанскими, но быстрые и маневренные английские суда окружали галеоны, обстреливая их из орудий. Пушки с низких английских судов били в наиболее опасные места, поражая галеоны ниже ватерлинии. В то же время орудия с высоких бортов испанских кораблей стреляли гораздо выше цели, не нанося ущерба противнику. Кроме того, английские пушки были значительно скорострельнее испанских. На один выстрел врага английская артиллерия отвечала тремя. Трюмы испанских судов заливала вода, входящая через пробоины в корпусе. Палубы окрасились кровью убитых и раненых матросов и солдат. Мачты многих судов были сломаны, паруса висели клочьями".

После семи часов сражения орудийные залпы становились реже. Сражение постепенно стихало. У англичан опять кончался порох, и они никак не могли развить свой успех, уничтожить или захватить хотя бы одного "испанца". Испанцы же, наоборот, не только преодолели начальную панику, но сумели выстроиться в боевой порядок и отбить все атаки противника. К концу сражения Медине удалось собрать вокруг себя до 50 судов. Только два сильно поврежденных галеона — "Сан-Матео" и "Сан-Филиппе" — и потому отставших от главных сил день спустя были захвачены голландцами у Остенде.

Вечером того же дня Дрейк писал лорду Уолсингему: "Бог дал нам славный день, и мы нанесли такие удары врагу, что, надеюсь, герцог Парма и герцог Медина-Сидония не пожмут друг другу руки на этих днях… Пришлите боеприпасы и продовольствие, и мы выбросим врага вон". Письмо заканчивалось фразой: "Всегда готовый выполнить поручение Вашей милости, но теперь полуспящий Фрэнсис Дрейк".

Из хроники сражения: "8 августа англичане получили подкрепления и боеприпасы — к Говарду присоединилась эскадра лорда Сеймура. Они решились наконец помериться силами с Армадой в открытом бою, тем более что численное преимущество теперь было на их стороне. Атаку возглавил Дрейк. Его суда открыли огонь с дистанции 100 метров. За ним последовал отряд Форбишера. В этом сражении, произошедшем между Грейвлинем и Остенде, сказалось преимущество английской артиллерии. Англичане по-прежнему избегали абордажных схваток, обстреливая противника, но теперь уже на близкой дистанции, где их пушки причиняли испанским судам значительные разрушения, и сосредоточив огонь на отдельных, оторвавшихся от строя судах. Испанская артиллерия была не столь эффективна. Выяснилось, что испанские чугунные ядра, в силу какого-то технологического дефекта, разлетаются на куски при ударе об обшивку, не пробивая ее, что пушки, установленные на

переоборудованных торговых судах, при полном бортовом залпе причиняют за счет отдачи больше вреда им самим, нежели противнику. Канонада продолжалась около девяти часов. Испанские суда, менее маневренные, из-за противного ветра не могли оказать помощи друг другу. Матросы едва успевали откачивать воду с пробитого в нескольких местах испанского флагмана. Англичане не потеряли ни одного судна, потери личного состава за несколько дней непрерывных сражений составили около 100 человек. Испанцы в этом бою потеряли 600 человек убитыми и около 800 ранеными. Сражение не принесло англичанам полной победы, к тому же у них опять кончились боеприпасы, которые на этот раз они в ближайшее время восполнить не могли. Медина-Сидония опять-таки не подозревал об этом и не решился атаковать противника, тем более что его собственный, огромный, как казалось, запас пороха и ядер подходил к концу — ни одна из сторон не ожидала, что при новой тактике морского боя в одном сражении можно израсходовать столько боеприпасов".

Несмотря на то что все атаки англичан были отбиты, положение Армады значительно ухудшилось, многие суда потеряли мачты, часть такелажа и якоря, серьезны были потери в людях, да и пороха осталось на один-два боя.

Но самое опасное, что сильный норд-вест вот-вот грозил выбросить неуклюжие галеоны на песчаные отмели Зеландии. Суда все больше сносило к береговым мелям. Когда флагманский "Сан-Мартин" прибило к мелководью, его офицеры предложили Медине высадиться на берег, захватив освященный лиссабонским епископом королевский штандарт.

Нервы герцога сдали. Утром 30 июля он попросил совета у адмирала Окендо:

— Сеньор Окендо, что нам делать? Мы все потеряли!

Окендо, находившийся в ссоре с начальником штаба Армады Диего Вальдесом, ответил весьма резко:

— Спросите об этом Диего Вальдеса! Я же иду сражаться!

В этот момент небеса наконец-то вняли молитвам испанцев. Внезапно прижимной норд-вест поменялся на отжимной зюйд-ост.

Галеоны один за другим начали отклоняться к северу, уходя все дальше от берега в море. Англичане пытались, но задержать движение Армады так и не смогли. На большинстве судов у них не было и горсти пороха.

При этом противники осторожничали. Англичане полагали, что испанцы еще могут вернуться в Ла-Манш, ведь большая часть Армады еще вообще не принимала участия в бою. Испанцы же, в

свою очередь, опасались, что англичане их снова атакуют. Из английских флагманов только один Дрейк сохранял оптимизм.

— Главное дело уже нами сделано! — утверждал он. — Армада потеряла свою ударную силу и уже никогда не вернется назад, а будет искать пути возвращения на родину, выйдя в Северное море.

"Герцог Сидония, — не без ехидства писал Дрейк Уолсингему, — желает лишь попасть в порт Святой Марии под свои апельсиновые деревья".

Что касается главного оппонента Дрейка Медины-Сидонии, то он был подавлен. Для него было уже совершенно очевидно, что с имеющимися силами установить контроль над Ла-Маншем невозможно, а о том, чтобы двигаться к Маргейту и к устью Темзы, не могло быть и речи.

9 августа, не предупредив Парму, он принимает окончательное решение — направиться на север с тем, чтобы, обогнув Шотландию, спуститься на юг вдоль западного берега Ирландии. Свое решение он объяснил на совете капитанов так:

— Согласитесь, сеньоры, что дрейфовать к востоку от Англии не имеет никакого смысла. Армаду просто снесет на фламандские банки, и мы погибнем на песчаных отмелях. Возвращаться назад через Дуврский пролив мы тоже не можем, англичане только этого и ждут, чтобы нас добить. Посему нам остается лишь одно — возвращаться в Испанию окружным путем, мимо Шотландии и Ирландии. Надеюсь, что мы успеем проскочить до начала осенних штормов.

Измученные боями синьоры дружно кивали головами, соглашаясь. Снова прорываться мимо Англии они явно не желали.

Не зная о решении Медины-Сидонии, герцог Парма ждал его в полной готовности к началу десантной операции, но так и не дождался. Зная о готовности Пармы к броску через пролив, к Дюнкерку вернулась эскадра лорда Сеймура, чтобы сторожить транспортный флот испанцев.

Тем временем эскадры Говарда и Дрейка продолжали преследование Армады. Англичане не без оснований опасались поддержки шотландскими католиками испанских войск, если те вздумают высадиться на берег. Но, как только Армада миновала берега Шотландии, Говард и Дрейк утратили к ней интерес. Тем более что настал момент, когда надо было принимать решение, поскольку англичане не имели на борту ни воды, ни продовольствия, ни пороха. Намерения испанцев англичанам были неизвестны, и Говард терзался сомнениями. Дрейк же предполагал, что Армада может пополнить запасы у берегов Дании или Норвегии и вернуться назад, хотя и склонялся к тому,

что возвращаться она будет окружным северным путем.

Английский историк Роберт Стенюи пишет: "11 августа испанцы прошли Доггер-банку. Англичане два раза подходили к арьергарду, но поворачивали, как только герцог подавал сигнал к бою. Говард опасался, что "Медина-Сидония пристанет к берегу, починит повреждения и двинется на соединение с Пармой. Когда же Армада обогнула восточную оконечность Англии Ферт-оф-Форт, стало ясно, что герцог уводит свой флот в Испанию. К полудню адмирал флота Англии остановился, послав вдогонку уходящим испанцам одну каравеллу и несколько пинасов "с наказом не спускать глаз с противника до Оркнейских островов".

Встреча Медины-Сидонии с Пармой не состоялась. Мечта Филиппа рухнула. Говард не выиграл сражения, но Медина-Сидония проиграл его".

18 сентября Елизавета получила донесение от Дрейка: "Мы оставили испанскую Армаду столь далеко на севере, что она не сможет добраться ни до Шотландии, ни до Англии… Жестокая буря должна была причинить им немалый ущерб".

Как бы то ни было, но Говард с Дрейком свое дело сделали и не дали испанцам высадиться на берега Англии, остальное их уже не касалось. Отныне Армада была предоставлена исключительно самой себе и воле волн…

* * *

Если для англичан война была уже, по существу, закончена, то для испанцев настоящие испытания только начинались. История дальнейших событий вокруг Счастливейшей Армады не связана с историей жизни героя этой книги, поэтому расскажем о ней лишь в общих чертах.

На траверзе Ирландии 13 августа были урезаны порции питания "без различия чинов и званий". Из письма герцога Медины-Сидонии: "Выдавалось по пол фунта сухарей на человека, кварта воды и пол-литра вина. Ваше Величество может заключить из этого, сколь велики наши страдания". На судах не было больше ни солонины, ни сушеной рыбы. В невысохших бочках протухла вода (Дрейк, опять Дрейк!), вино превращалось в уксус, клепки бочек протекали.

Герцог распорядился побросать в море всех лошадей и мулов, "дабы не тратить на них питьевую воду". Оголодавшие люди предпочли бы съесть животных, но приказ есть приказ…

Первыми дезертировали матросы-голландцы: силой посаженные на борт, они переметнулись к врагу. Когда

английский флот исчез из поля зрения, капитаны зафрахтованных ганзейских судов под покровом ночи взяли курс к родным берегам. Их даже не пытались вернуть.

Предоставленная самой себе, Армада обогнула Шотландию и 21 августа вышла в Атлантический океан. Испанские моряки плохо знали этот район, никаких навигационных карт у них не было и в помине. К тому же успеть проскочить Северную Атлантику до начала осенних штормов испанцам не удалось. Путь на родину оказался для испанцев ужасным. Люди были истощены до предела. Запасы продовольствия и воды кончались. Штормы и туманы разбросали суда. Отныне каждый был предоставлен сам себе.

Из письма капитана "Сан-Мартина" Диего Флореса: "Невозможно поведать обо всех страданиях и лишениях, перенесенных нами… На одном судне экипаж крепился четырнадцать дней без воды, собирая лишь то, что приносил дождь. На флагмане 180 человек умерли от болезни, а иные заражены хворью, главным образом тифом. Из шестидесяти моих слуг умерли все, кроме двоих. Неисповедимы пути господни… У нас нет ни единого сухаря, ни глотка вина…"

Из хроники возвращения Армады: "На судах, где вповалку лежали цинготные и тифозные больные, положение было тяжкое. "Матросы умирали от голода и заразы, а те, что сваливались, поднимались лишь чудом" (один кастильский капитан). Мест в лазаретах не хватало, больные валялись прямо на палубах с пересохшим горлом и пустым желудком на промокших соломенных матрасах. Дождь и ветер свободно гуляли по нижним палубам сквозь дыры и трещины. В полузатопленных трюмах плавали дохлые крысы…"

Десятки судов, сбившись с курса, терпели крушения у берегов Ирландии и Голландии, а те немногие, кому удавалось выбраться на берег, были или тут же на месте убиты местными жителями, или же захвачены в плен для последующего выкупа.

Когда в сентябре суда бывшей Армады начали понемногу прибывать в испанские порты, стали известны размеры потерь. Вернулось не более пятидесяти судов, шестьдесят были потеряны навсегда. Погибло не менее 20 тысяч матросов и солдат.

Адмирал Грегорио де лас Алас умер на борту своего галеона, до последней минуты пытаясь поддерживать раненых, покупая им на свои деньги лекарства и пищу. Мужественный адмирал Хуан Мартинес де Рекальде агонизировал и умер среди своих тифозных матросов, которых он отказался покинуть. Также среди своих матросов умер и адмирал Окендо. Испанская хроника гласит, что он умер "от позора, тоски и печали, не сказав ни

слова, отказавшись принять на смертном одре даже жену и исповедника".

Фантастическая по тем временам сумма в 1400 миллионов реалов, затраченная на снаряжение и вооружение Армады, пошла прахом. Вся Испания погрузилась в траур. Чтобы прекратить охватившую страну истерию, король был вынужден особым эдиктом ограничить время траура тридцатью днями и служить молебен исключительно по ближайшим родственникам.

Медина-Сидония "возвратился совсем седым, хотя отправлялся в поход черноволосым". Приступы лихорадки повторялись ежедневно, он бредил и метался на постели. Когда на берегу Мединy-Сидонию спросили, где же его флот, герцог был предельно кратким:

— Армада перестала существовать!

Из итогового письма Медины-Сидонии королю Филиппу: "Господь всеведущ, и, ежели поход кончился так, а не иначе, значит, на то была Его воля… Армада была расстроена до крайности, и главной заботой оставалось уберечь ее от еще больших потерь, даже рискуя столь дальним путем по неведомым широтам… Армада королевы оказалась лучше нашей в тактике баталии, дальности стрельбы и маневре, в то время как Армада Вашего Величества превосходила ее в густоте аркебузного и мушкетного огня. Однако до рукопашного боя дело не дошло ни разу, и достоинства сии пребывали втуне".

Король отстранил герцога от командования флотом, и тот вернулся в свой замок в порту Святой Марии. В дороге он боялся выглянуть из кареты, так как толпы людей осыпали его проклятиями, а мальчишки бросали камни.

Потери английского флота были незначительны. Не был потоплен ни один корабль, число убитых не превышало 100 человек. Но распространившаяся на кораблях страшная болезнь уносила сотни жизней. Причина ее осталась неизвестной. Матросы считали, что болезнь была вызвана прокисшим пивом. Так или иначе, но четыре-пять тысяч матросов и солдат погибли от нее после того, как война закончилась.

Трагедия Счастливейшей Армады была увековечена В. Шекспиром в его пьесе "Ричард Третий":

Я видел сотни кораблей погибших!
И потонувших тысячи людей,
Которых жадно пожирали рыбы;
И будто по всему морскому дну
Разбросаны и золотые слитки,
И груды жемчуга, и якоря.

Бесценные каменья и брильянты.
Засели камни в черепах, глазницах —
Сверкают, издеваясь над глазами,
Что некогда здесь жили, обольщают
Морское тинистое дно, смеются
Над развалившимися костяками…

Кроме того, в Англии отчеканили памятную медаль с издевательской надписью: "Господь дунул, и их не стало!" Со стороны Испании великий Сервантес ограничился язвительным сонетом в честь главного виновника поражения — герцога Медины-Сидонии.

* * *

Англия праздновала избавление от угрозы испанского нашествия. Елизавета была горда и собой, и своими подданными.

Из хроники событий: "Англия избавилась от угрозы разорения и поругания. По сему славному случаю в четырнадцатый день октября месяца королева Елизавета устроила в Лондоне торжество. По примеру римлян она проехала в триумфальной колеснице от своего дворца до главной церкви города, собора Святого Павла, куда поместили флаги, знамена и вымпелы, взятые у побежденных испанцев. Она ехала под крики ликующей толпы горожан, выстроившихся по обе стороны улицы со штандартами своих господ. Высшие офицеры короны сопровождали Ее Величество, а следом шли придворные и прочие знатные вельможи. В соборе королева публично воздала хвалу господу и повелела, чтобы в знак победы по всему королевству был объявлен пост в девятнадцатый день того же месяца".

За торжествами как-то всеми забылось, в каком положении находятся непосредственные герои нескончаемых празднеств. Как оказалось, им было не до триумфальных колесниц.

Из письма лорда-адмирала Говарда: "Большинство экипажей страдает от хворей и недугов, по нескольку человек умирает каждые сутки… Люди, пришедшие на корабль, заболевают на второй день и умирают на третий… Некому выбирать якоря".

Людей косили тиф и цинга, фурункулез и чесотка, вши и дизентерия… Но королеве уже не было дела до завшивленных и цинготных матросов. Дело они свое сделали, теперь же, по ее мнению, должны были сами заботиться о себе.

А потому реакция Елизаветы на стенания лорда-адмирала

была молниеносной: "Приказываю уволить всех, отказаться от зафрахтованных судов и в кратчайший срок представить расходные книги со всеми ведомостями и расписками". Увы, но королеву куда больше интересовали бухгалтерские отчеты, чем судьбы тех, кто добыл мир Англии в тяжелейших боях.

К чести английского адмиралитета, он дружно встал на защиту прав своих подчиненных. К примеру, когда лорд-казначей цинично заявил: "В интересах королевства вполне можно сэкономить на жалованье убитых в бою или находящихся в лазарете и из этих денег платить оставшимся!", хорошо известный нам Джон Хокинс твердо ответил: "По всем законам и по справедливости жалованье погибших принадлежит их вдовам и детям!"

Армада еще только миновала Оркнейские острова, как уже вовсю началась демобилизация флота. Матросы не могли вернуться домой без жалованья, а у королевы не было денег расплатиться с ними… Спустя какую-то неделю английские города заполнили оборванные, исхудавшие матросы, просившие милостыню.

— Мое сердце разрывается от печали при виде того, как бедствуют люди, столь храбро послужившие отечеству! Клянусь Иисусом, я отплачу своим морякам или же исчезну из этого мира! — говорил лорд-адмирал, но реально помочь мог мало в чем.

К чести Говарда, он раздал матросам из адмиралтейской казны все до последнего фартинга и даже заложил собственную серебряную посуду из собственного дома. Когда же и этого оказалось мало, то лорд-адмирал продал свое родовое имение.

То, что Дрейк печалился относительно участи своих матросов, у автора не вызывает сомнения. Человек он, как мы знаем, был не злой и даже сострадательный. Однако нигде в исторических источниках не указывается, что он поступил так, как его соратник и начальник Говард, или хотя бы пожертвовал в пользу страждущих и покалеченных хоть толику из своих несметных богатств. Как говорится, воевали вместе, а золото считать будем уже порознь.

В целом разгром испанской Армады еще больше поднял авторитет Дрейка. Особенно отмечали современники его роль в битве при Гравелине. Известны слова римского папы Сикста Пятого, который, обращаясь к своему окружению, сказал:

— Слышали, как Дрейк со своим флотом навязал бой Армаде? С каким мужеством! Думаете, он выказал хоть какой-то страх? Дрейк — великий моряк!

Глава пятнадцатая
ПОРТУГАЛЬСКАЯ АВАНТЮРА

Переведя дух после разгрома Армады, Дрейк снова начинает донимать королеву, на этот раз уже "континентальным проектом". В помощники себе он взял опытного армейского военачальника — ветерана войны в Нидерландах сэра Джона Норреса.

Уже в середине сентября 1588 года компаньоны передали королеве свой план захвата Лиссабона.

Разумеется, первым встал вопрос: а кто будет финансировать столь дорогостоящее и рискованное мероприятие?

На это у Дрейка был готовый ответ: захват Лиссабона должен финансировать "консорциум", куда вошли бы королевские министры, купцы Сити, сам Дрейк и сама королева.

Состоялась аудиенция. Дрейк, как всегда, был настойчив и красноречив, Елизавета — недоверчива и осторожна. При этом оба прекрасно понимали друг друга.

— Сэр Фрэнсис, я ознакомилась с вашим прожектом. На бумаге все красиво, но одно дело — нападать на суда в море и даже на гавани, но совсем иное — пытаться захватить европейскую столицу с ее крепостями и армией! — начала разговор королева.

— Ваше Величество, не все так страшно, ведь испанский флот разгромлен, а португальская эскадра просто исчезла. Внезапность и храбрость англичан решат все дело в несколько дней. Что касается испанской армии, то герцог Парма сейчас, как вы знаете, занят Францией, где победы Генриха Наваррского и убийство герцога Гиза осложнили положение местных католиков. Плоды же Лиссабонской победы будут для вас поистине неисчислимы! Посудите сами! Вы наконец-то сможете возвести на португальский престол нашего ставленника дона Антонио, мы откроем нашим купцам дорогу в азиатские колонии Португалии, и Англия озолотится. К тому же, базируясь на Лиссабон, наш флот сможет контролировать Атлантику и без труда перехватывать "золотой флот" испанцев, перевозящий сокровища Вест-Индии в Севилью.

— Все это так, — кивала головой Елизавета, — но ведь король Филипп ни за что не смирится с потерей Лиссабона и все равно попытается выбить нас оттуда.

Но Дрейк хорошо знал, как надо говорить со своей королевой:

— Ваше Величество, как раз на сей счет вам не стоит

беспокоиться, вместе с храбрым сэром Норресом мы всегда сумеем защитить Лиссабон от всех испанских посягательств. А потому в конце концов королю Филиппу придется искать мира с Англией. Решайтесь, Ваше Величество, иначе Мадрид вскоре восстановит свой флот и будет поздно!

И Елизавета сдалась. Более того, она согласилась стать и главным спонсором затеваемого предприятия.

От себя королева передала Дрейку шесть судов и две пинасы, все необходимое снаряжение и вооружение, трехмесячный запас продовольствия и 20 тысяч фунтов стерлингов. Купечество Сити ответило предприятию 10 тысячами фунтов. Сам Дрейк с остальными компаньонами раскошелился еще на 5 тысяч фунтов.

Со своей стороны сэр Норрес договорился с голландцами, что те предоставят транспорты для перевозки английских войск, находившихся в тот момент в Нидерландах. Впрочем, вскоре начались и трудности. Прежде всего, не все обещания были выполнены, и если королева так и не выделила обещанных ею столь необходимых осадных пушек, то голландцы направили лишь половину от обещанного числа солдат.

Подсуетилась и испанская разведка, и вскоре на рабочем столе короля Филиппа уже лежал не только план операции, но и состав сил, в ней участвующих.

— Опять проклятый Дрейк! Когда же этот несносный дракон насытится испанской кровью? — морщился король, читая бумагу.

* * *

В марте 1589 года Дрейк прибыл морем из Дувра в Плимут, чтобы вступить в командование экспедицией. В море он встретил транспортную голландскую эскадру в шесть десятков вымпелов, перевозившую соль в Ла-Рошель. Используя все свое красноречие и щедрые посулы, Дрейк быстро убедил предприимчивых голландцев, что участие в разграблении Португалии гораздо прибыльнее, чем торговля солью.

Поэтому, когда Дрейк покидал Плимут, в его распоряжении был целый флот. Подобных сил никогда до и никогда после под его руководством уже не будет. Всего под началом Дрейка было собрано почти полторы сотни боевых кораблей, вооруженных судов и голландских транспортов. Общее число матросов и солдат составляло 16 тысяч человек.

Но хватало и проблем. Прежде всего, это была столь обычная в то время на английском флоте нехватка продовольствия. Но на этот счет Дрейк особо не переживал.

— Выходим с тем, что имеем на борту, — говорил он своим капитанам. — До Португалии нам солонины и сухарей как-нибудь хватит, а там, в Испании и Португалии, созреет урожай, и у нас будет изобилие во всем!

Верил ли Дрейк в то, что ему удастся поживиться португальским урожаем, неизвестно, но очевидно, что он не без оснований боялся, что в случае дальнейшей задержки в Плимуте экспедицию могут отменить вовсе.

Когда флотилия уже покинула Плимут, оказалось, что в море самовольно от королевы отправился ее молодой фаворит граф Эссекс. Радости эта новость Дрейку не доставила, ссориться с королевой из-за ее фаворитов в его планы не входило. Но не выбрасывать же графа Эссекса в море? Пришлось смириться.

Первым портом назначения экспедиции был испанский порт Ла-Корунья. Отсюда десять месяцев назад ушла в свой мученический путь Армада, и теперь настало время ответного визита. Захват и уничтожение порта и припасов в Ла-Коруньи должны были обезопасить Дрейка от возможности последующего сбора там испанского флота для деблокады Лиссабона.

Историк Губарев так описывает взятие Ла-Коруньи: "Не теряя времени, Дрейк выслал на шлюпках солдат для захвата на берегу плацдармов. Солдаты высадились в центральной части бухты и закрепились там. Затем Дрейк отправил на берег еще 500 солдат, которые укрепились на западной стороне нижней крепости. В полночь был дан сигнал атаки. Под прикрытием орудийного огня основные силы англичан высадились в центральной части гавани. Нижняя крепость была захвачена довольно быстро. Трудности были только у атаковавших западную сторону крепости, стены которой выходили к морю. Там защитники крепости трижды отбивали атаки англичан.

Верхнюю крепость, однако, англичанам захватить не удалось. Получив сведения от пленных, что в пяти милях к югу от города сосредоточено 8 тыс. испанских солдат, Норрес во главе 7-тысячного отряда двинулся туда и после ожесточенной схватки обратил испанцев в бегство. Англичане преследовали их и убили не менее тысячи человек. Двести испанских солдат спрятались в монастыре. Они были обнаружены голландскими матросами и убиты.

На следующий день англичане вернулись на корабли, захватив немалые трофеи, в том числе 50 бронзовых пушек и 3 тыс. пик. Перед отплытием англичане сожгли нижний город".

Следующим объектом атаки Дрейка стал портовый город Пениши, находящийся к северу от Лиссабона. Пениши были важны как маневренная база при взятии Лиссабона. Пениши был

захвачен почти без сопротивления. Там немедленно был сгружен десантный корпус сэра Норреса, графа Эссекса и претендента на португальский престол дона Антонио. Сухопутные войска должны были следовать к Лиссабону по суше, а Дрейк — блокировать его и бомбардировать со стороны реки Тахо.

Перед тем как расстаться, Дрейк совещался с Джоном Норресом:

— Я предполагаю атаковать Лиссабон только в случае, если станет очевидным, что горожане поддерживают дона Антонио, и если в Лиссабоне не будет серьезных испанских сил.

Сам же Дрейк повел флот к устью Тахо.

— Честно говоря, я сомневаюсь в успехе захвата Лиссабона с суши без осадных орудий, — высказал свои мысли и Норрес.

— Согласен, — кивал головой Дрейк. — Не лучшим образом у нас обстоит дело с болезнями. Если они не прекратятся, то скоро у меня не останется матросов, способных лазить на мачты.

А ситуация с очередной эпидемией была, на самом деле, не из легких.

В те дни капитан королевского корабля "Дредноута" Феннер писал лорду Уолсингему, что из 300 человек команды корабля 114 умерли, а среди оставшихся в живых только 18 способны работать с парусами.

Но отступать было уже поздно.

* * *

22 мая английский флот встал на якорь у лиссабонского пригорода Каскэс в устье реки Тахо. Теперь оставалось ждать новостей от сэра Норриса, чтобы действовать, сообразуясь с ними.

Наконец пришло долгожданное письмо, но содержание его было удручающим. Норрис дошел до стен Лиссабона, но потерял много людей от болезней и повального дезертирства. Гарнизон Лиссабона оказался весьма велик и не имел недостатка в боеприпасах. Кроме того, дон Антонио не вызвал у лиссабонцев никаких положительных эмоций, о нем все давно позабыли. Штурмовать крепость в таких условиях, да еще без осадных орудий, было чистым безумием, и Норрес был вынужден повернуть вспять в Пениши.

Не лучше была ситуация и на флоте Дрейка, где все множились и множились болезни. Дело зашло в тупик.

Когда же очередной пакетбот доставил корреспонденцию из Лондона и Дрейк вскрыл письмо королевы, то настроение у него

упало совершенно. Елизавета жестко спрашивала, почему Дрейк не уничтожил оставшиеся суда Армады, а также почему его предприятия обходятся столь дорого королевской казне и почему все еще нет никакой прибыли. Отдельно Дрейк получил выволочку за самовольное бегство на войну графа Эссекса. Тем же пакетботом фаворит был отправлен в Лондон. Промолчала королева относительно присылки дополнительного отряда пехоты и осадных пушек, что было равносильно отказу.

Все дело было в том, что королева и ее советники изменили свое отношение к дрейковской затее и решили, что главной задачей должно было стать уничтожение испанской морской мощи. Этого решено было добиться уничтожением уцелевших судов Армады, которые укрывались в портах Северной Испании: Сантандере и Сан-Себастьяне. Резкое изменение стратегических приоритетов полностью расходилось с намерениями Дрейка и его компаньонов. Разумеется, что у Дрейка не было ни сил, ни средств, чтобы бросить дела в Португалии и двинуться на север захватывать Сантандер и Сан-Себастьян. "Прозябание" (так считали теперь в Лондоне) целого флота вдали от направления главного удара, да еще и немалые его потери в людях, вызывало раздражение к Дрейку, как к идеологу и главному организатору всего "португальского мероприятия".

Впрочем, Елизавета была излишне придирчива, так как определенные успехи все же были. Во-первых, Англия наглядно продемонстрировала Испании, что вполне может вести не только оборонительные, но и наступательные действия. Кроме того, перерезав морские коммуникации Европы, Дрейку удалось захватить сразу восемь десятков французских и ганзейских судов, груженных пшеницей.

Когда стало очевидным, что взять Лиссабон не удастся, Дрейк с Норресом решили попытаться захватить Азорские острова и закрепиться там. Но и этот план провалился. На этот раз помешали противные ветры, из-за которых флот Дрейка с десантом на борту так и не смог приблизиться к Азорам. А болезни все множились, как множились и другие проблемы.

Чтобы хоть как-то сгладить негативное впечатление о затеянной им экспедиции, Дрейк атаковал и разорил испанский порт Виго, но и это было сделано уже на последнем пределе его сил и средств.

После сожжения Виго Норрес заявил, что экспедицию пора заканчивать, чтобы хоть кого-то вернуть на родину живым. Дрейк же упрямо желал продолжать операции против испанцев. Не придя к общему мнению, руководители разделили свои силы. Норрес повел большую часть транспортов со своими солдатами к

берегам Англии. Дрейк же с оставшимися у него под началом двадцатью вымпелами решил еще раз попытать счастья и все же прорваться к Азорскому архипелагу.

И снова неудача! На этот раз флотилия Дрейка попала в сильнейший шторм, после которого суда оказались столь поврежденными, что в лучшем случае они могли кое-как доковылять до Англии, но уж никак не воевать.

Современники свидетельствуют, что, когда Дрейк дотащил до Плимута свой флагман, тот начат тонуть прямо в гавани.

Из хроники событий: "Португальская экспедиция 1589 года окончилась неудачей. Основная ее цель — захват Лиссабона — не была достигнута. Из 16 тысяч человек, отправившихся в экспедицию, в живых осталось 6 тысяч. Шесть судов было потеряно, правда, ни один королевский корабль не пострадал. Фактические расходы королевы составили всего 20 тысяч фунтов. Для скупой Елизаветы это было большой неприятностью". Это совершенно заслонило положительные для Англии результаты экспедиции. А они были. Престижу Филиппа был нанесен новый удар "женщиной, владевшей лишь половиной острова, с помощью корсара и простого солдата", писал своему правительству венецианский посол в Мадриде. Экспедиция уничтожила значительные запасы продовольствия в захваченных испанских портах, нанесла немалые потери живой силе врага. Пребывание флотилии Дрейка у португальских берегов заставило испанское правительство задержать отправку "золотого флота" из Америки, что очень осложнило финансовое положение Филиппа и привело к задержке выплаты жалованья армии Пармы, что, как всегда в таких случаях, крайне снизило ее боеспособность. Опасность английского вторжения в Португалию заставила Филиппа оттянуть туда часть войск из Нидерландов, что улучшило положение борющихся голландцев. Захваченные Дрейком ганзейские суда были проданы потом за 30 тысяч фунтов стерлингов, которые компенсировали Елизавете финансовые потери. В королевский арсенал было передано также 150 пушек. Что касается солдат и матросов, принимавших участие в экспедиции, то оставшиеся в живых получили на руки только по 5 шиллингов. Возмущенные этой грошовой подачкой, матросы двинулись на Лондон, грозя устроить новую Варфоломеевскую ночь. Обеспокоенный лорд-мэр Лондона собрал 2 тысячи солдат, с помощью которых усмирил взбунтовавшихся ветеранов Дрейка. Четырех зачинщиков бунта повесили. Перед казнью один из них крикнул: "Это и есть плата, которую вы даете солдатам, сражающимся за вас!"

Разумеется, что Дрейк допустил немало ошибок как в

подготовке экспедиции, так и в ходе нее. Ошибки были как тактические, так и политические: к примеру, расчет на популярность дона Антонио, которая на деле оказалась мыльным пузырем. Однако будем объективными, ведь во многом его расчет строился на наличие осадных орудий большой мощности, без которых просто немыслимо штурмовать такую крепость, как Лиссабон. Эти орудия, как мы знаем, были ему обещаны самой королевой, но их так и не доставили. При этом, если даже лиссабонская экспедиция и не выполнила поставленных перед ней задач, она явилась еще одним тревожным звонком для Мадрида, который, имея несметные богатства, самую лучшую армию и самый большой флот, в очередной раз оказался фактически бессильным перед дерзкими наскоками англичан.

Разгром Армады и события под Лиссабоном стали для Испании не только тяжелым ударом, но и хорошим уроком, из которого были сделаны правильные выводы. К тому же морская мощь, как и мощь государственная, сломлена не была. Испания по-прежнему оставалась великой колониальной империей, обладавшей огромным флотом. Теперь в местах, где еще совсем недавно Дрейк мог беспрепятственно грабить, создавались крепости. Одна из них была построена даже в Магеллановом проливе, чтобы пресечь путь проникновения английских корсаров в Тихий океан.

Мадрид ускоренно модернизировал свой флот. Теперь на испанских верфях спускали на воду маневренные, быстроходные и хорошо вооруженные суда. Историк К. Малаховский пишет: "Их (судов. — *В.Ш.*) конструкцию предложил Педро Менендес Маркес, сын знаменитого испанского адмирала, создателя конвоев для сопровождения "золотого флота". Педро Менендес предложил новый тип судна, сочетавший в себе свойства галеры и фрегата. Такой корабль был вытянут по килю, имел небольшую осадку, был вооружен 20 пушками. Теперь сокровища грузились в Гаване прямо на эти суда, и они шли в Испанию без конвоя. Корабли нового типа были быстроходнее английских судов и в случае нападения могли уйти от врага".

В результате всех многочисленных интриг Дрейк оказался в опале и оставался на берегу до 1595 года.

Впрочем, репутация сэра Фрэнсиса была в Англии столь высока, что его популярность нисколько не пострадала. Если сама королева и ее окружение выказывали отныне Дрейку свое недоверие, то простой люд, наоборот, видел в нем истинно национального героя: храброго и удачливого, богатого и доброго.

Глава шестнадцатая
МЕЖДУ БОЯМИ

Купцы лондонского Сити, привыкшие к тому, что Дрейк возвращался всегда с богатой добычей, которая давала хорошие барыши с вложенного в "предприятие" капитала, решили, что счастливая звезда Дрейка навсегда закатилась. И сразу же потеряли к нему всякий интерес. Вчерашние герои никогда никому не нужны.

Чем занимался Дрейк в течение долгих лет своей опалы? В мае 1590 года Дрейк как не оправдавший надежд королевы был выдворен из Лондона под предлогом укрепления обороны Плимута. Дело это было, безусловно, нужное, но, разумеется, не соответствовало масштабу нашего героя. Как бы то ни было, но Дрейк, вернувшись в родной Плимут, быстро оборудовал несколько старых небольших суденышек под брандеры. Затем последовало новое назначение. На этот раз он был назначен командующим эскадрой в четыре десятка вымпелов, отряженной в крейсирование перед входом в Ла-Манш. Но Дрейк оставался Дрейком, а потому, не удовлетворившись формальным приказом, провел разведку у берегов французской Бретани, где к тому времени уже объявились отряды испанцев. Но французы справились с испанцами сами, и помощь Дрейка не понадобилась.

Сэр Фрэнсис Дрейк. Неизвестный художник

Вернувшись в Плимут, несколько последующих лет Дрейк провел на берегу. Жил он с женой в своем поместье Бакленд-Эбби, периодически наезжая по различным делам в Плимут. Как мэр Плимута он финансировал и занимался организацией строительства водовода в Плимуте. Одна из многочисленных легенд о Дрейке утверждает, что он скакал впереди водного потока на белом коне, "указывая ему путь в город". Помимо водовода Дрейк построил в городе шесть мельниц, но и здесь Дрейк остался верен себе, и общественный городской водовод бесплатно обслуживал его мельницы. Некоторое время спустя Дрейк был избран депутатом палаты общин британского парламента от Плимута.

* * *

Пока Дрейк сидел без дела, его коллеги даром времени не теряли. Так, Томас Кавендиш совершил удачный кругосветный рейд, из которого привез огромные богатства. Лондонский купец Джон Уатт на нескольких судах захватил два испанских галеона из состава "золотого флота" с богатейшим грузом у полуострова

Юкатан. Немало сокровищ доставил из экспедиции к Азорским островам и граф Кумберлендский. В те годы по океанам бродили в поисках наживы две с лишним сотни английских судов, добычей которых стали более трех сотен грузовых испанских транспортов. Стоимость награбленных богатств превышала в десять раз стоимость всего тогдашнего английского импорта.

В 1592 году королева решилась на очередную масштабную диверсию против Испании. Увы, Дрейк на сей раз в ее планах не значился. Адмиралом флотилии в шестнадцать вымпелов был назначен ее новый фаворит Уолтер Рэли.

Из хроники событий: "Целью плавания были: высадка в Номбре-де-Диосе, марш к Панаме и захват ее, т. е. повторение экспедиции Дрейка двадцатилетней давности. Но Рэли перед уходом в плавание самовольно изменил план, распорядившись отложить экспедицию, чтобы попытаться захватить "золотой флот", который должен был выйти из Вест-Индии в первую неделю августа. За свое самовольство Рэли был отстранен от командования флотилией, а затем посажен в Тауэр за тайную женитьбу на фрейлине королевы Бэсси Тракмортон. На его место был назначен Фробишер. Это назначение было неудачным. Кросс и Бороу (младшие флагманы флотилии. — *В.Ш.*) не желали служить под командой Фробишера. Взяв несколько судов флотилии, они поплыли к Азорским островам. Фробишер же с оставшимися судами пошел к мысу Сант-Винсенту. Со времени пребывания Дрейка положение там изменилось. Испанцы и здесь укрепили свои позиции. Фробишеру пришлось возвращаться домой с пустыми руками. Зато Кросса и Бороу ждала необычайная удача. Им удалось захватить огромный португальский каррак водоизмещением 1500 тонн, шедший из Ост-Индии с ценнейшим грузом, среди которого были драгоценные камни, золото, шелка и специи. Такой "приз" никому еще не доставался на протяжении столетия.

Когда в сентябре 1592 г. каррака был доставлен в Англию, то поползли слухи, что значительную часть захваченных сокровищ растащили. Королева, которая, как всегда, должна была получить львиную долю добычи, забеспокоилась и назначила трех уполномоченных для проверки положения на месте. В их число вошли Дрейк, Роберт Сесил, сын лорда Берли, и сын Джона Хокинса Ричард".

Опытный Дрейк быстро убедился в хищении сокровищ. Но, переговорив с Сесилом и Хокинсом, они не стали никого обвинять.

— Ваше Величество, нам не удалось установить истину, — доложил Дрейк королеве, — поскольку получить от матросов

сведения, приводя их к присяге, значило бы нанести оскорбление Богу.

— Каков мой пай? — нетерпеливо поинтересовалась Елизавета.

— Ваше Величество, за вложенные в предприятие три тысячи фунтов вы получите 90 тысяч фунтов из общей стоимости захваченного груза в 150 тысяч фунтов.

— Неужели, сэр Фрэнсис, так много! — не могла удержаться от радости королева, не став более допытываться об изначальной стоимости сокровищ.

После этого визита Дрейк заметно приободрился, а по Лондону поползли слухи, что опалу сэра Фрэнсиса можно считать в прошлом и вскоре ему поручат новое выгодное дело.

Чтобы закрепить достигнутый успех, Дрейк в начале 1593 года презентует королеве свой отчет о давней экспедиции 1572 года в Номбре-де-Дьосе и захвате "серебряного каравана" на Панамском перешейке. И хотя надобности этого отчета уже никакой не было, это был лишний повод напомнить королеве о своей особе. Вручая отчет, Дрейк, воспользовавшись хорошим настроением той, сказал:

— Ваше Величество, клянусь честью рыцаря и дворянина, что готов служить Вашему Величеству и Англии на море с еще большим рвением, чем раньше. Как видите, я еще полон сил и могу еще быть полезным вам, чем предаваться воспоминаниям о своих былых подвигах!

Отчет был принят с благосклонностью, как с благосклонностью были выслушаны и слова Дрейка. Теперь у сэра Фрэнсиса затеплилась надежда, что все для него может измениться к лучшему.

В феврале 1593 года он уже участвует как депутат от Плимута в заседании парламента, обсуждавшем перспективы войны с Испанией и вероятность испанского вторжения в Англию. Особенно волновало парламентариев наличие испанских войск в Бретани, в непосредственной близости от английских моряков.

В результате парламент принял билль о субсидировании морской экспедиции, которую тут же вызвался возглавить Дрейк. Но королеве проект не понравился, и все сорвалось.

Впрочем, вскоре королева все же решила направить эскадру с десантом к берегам Бретании. Но о Дрейке при этом уже не вспомнили. Во главе эскадры был поставлен его давний конкурент Морис Фробишер, десантные войска возглавил также старый знакомец сэр Джон Норрис. Экспедиция не была особо успешной. Фробишер с Норрисом отбили у испанцев приморскую крепость Крозон, но при этом понесли огромные потери. Был

ранен и вскоре умер и Фробишер.

Что касается Дрейка, то он в это время занимался укреплением обороны Плимута.

* * *

А вскоре Елизавета собрала членов Тайного совета:

— Джентльмены! В настоящее время опасность испанского нападения на наше юго-западное побережье устранена, и пора бы подумать о том, чтобы атаковать испанцев на их собственных берегах.

Тайный совет королеву поддержал, а объектом атаки определил Панаму.

Разумеется, что Дрейк немедленно схватился за эту идею, подразумевая, что командующим будет назначен именно он. Но Елизавета уже не доверяла безоговорочно Дрейку, как раньше, и определила ему напарника — престарелого сэра Джона Хокинса — так сказать, для присмотра. Во главе сухопутной части экспедиции был определен сэр Томас Баскервиль в ранге генерал-полковника. Своим помощником в ранге генерал-лейтенанта он определил младшего брата Николаса. Если экспедиция обещает хорошую прибыль, то зачем назначать в нее чужого человека, когда можно пристроить своего?

От себя королева вложила в предприятие 30 тысяч фунтов стерлингов. В состав каперской флотилии вошли следующие корабли королевского флота: "Дифайенс" под началом Дрейка в звании адмирала, "Гарленд" под командой Хокинса в звании вице-адмирала, а также "Элизабет Бонавенчур", "Хоуп", "Форсайт" и "Эдвенчур", где капитаном стал капитан Томас Дрейк.

Кроме этого частные пайщики выделили 60 тысяч фунтов стерлингов и снарядили еще два десятка судов. В разобранном виде на корабли и суда приняли еще 14 небольших галер-пинасов. Что касается Дрейка, то он вложил в экспедицию почти 13 тысяч фунтов.

Когда Англия узнали, что Дрейк опять собирается в новую заморскую экспедицию, желающих участвовать в затеваемом предприятии двинулись в Плимут со всей страны.

Любопытно, что англичане распространили слух, что Дрейк собирается снова захватить Лиссабон. Паника в португальской столице была столь велика, что большинство жителей покинуло город, а вслед за ними разбежалась и часть гарнизона…

Но сборы, как всегда, затянулись, что еще до выхода в море обернулось неудачей. Очередной испанский "серебряный флот",

захват которого планировался в качестве одной из главных целей экспедиции, успел беспрепятственно прибыть из Вест-Индии в Испанию.

Тем временем испанцы укрепили свои позиции во французской Бретании, послали галеры к берегам Англии и сожгли несколько деревень. Королева Елизавета впала в панику. Ее курьер привез в Плимут неутешительные новости.

Вместо того чтобы идти к Панаме, Дрейку и Хокинсу было велено предварительно пройти вдоль южного побережья Ирландии, защитив его от возможной высадки испанцев. Затем надлежало идти к побережью Испании, где искать и уничтожить испанский флот. Если испанского флота обнаружить не удастся, следовало в течение месяца крейсировать между Пиренейским полуостровом и Азорами в ожидании очередного "серебряного флота". Надо ли говорить, что после такого плавания, об экспедиции к Панаме можно было уже забыть.

Старые приятели были раздражены. Они понимали, что при таком раскладе никаких барышей им не видать, а затрат на снаряжение флотилии им никто никогда не возместит. Разумеется, оба любили Англию, но при этом оба никогда не забывали и о своем кармане.

— Я готов взять курс к берегам Испании и в случае обнаружения испанского флота атаковать его, но я не желаю идти к Ирландии! — возмущался Дрейк.

— Охрану юго-западных графств, да и ирландского побережья вполне можно поручить бездельникам с эскадры Ла-Манша! — вторил ему старый Хокинс.

Затем друзья отправились жаловаться к лорду-адмиралу. Выслушав ходоков, Говард согласился посодействовать им всем, что будет в его силах.

— Я не вижу смысла в отправке флота к берегам Ирландии. В то же время я не вижу препятствий, чтобы экспедиция не слишком отклонится от маршрута, если спустится к Испании, а оттуда уже повернет на Вест-Индию! — предложил он королеве свой компромиссный вариант.

После долгих сомнений Елизавета все же согласилась с точкой зрения лорда-адмирала.

— Пусть будет по-вашему, — сказала она ему. — Я не стану требовать от Дрейка с Хокинсом захода в ирландские воды, но настаиваю, чтобы эти джентльмены непременно наведались к берегам Испании, дабы выяснить, не затевается ли там чего против нас. И, прежде чем плыть в столь любезную Вест-Индию, пусть месяц подождут у Азорских островов очередного "серебряного флота" моего кузена Филиппа. Без этого золота и

серебра он не сможет подготовить против нас новой Армады.

Надо ли говорить, что Дрейку с Хокинсом новые указания Елизаветы, мягко говоря, не понравились.

— О чем наша венценосная девственница только думает! — возмущался Дрейк. — Ей же доходчиво объяснили, что наша флотилия состоит по большей части из транспортных судов с десантом и драться с испанскими боевыми кораблями нам не по силам. Неспособны мы и гоняться за галеонами "серебряного флота". Для этого нужны не транспорты, а легкие и быстрые суда.

— Прежде чем менять изначальные планы, следует полностью менять судовой состав флотилии, а это неизбежно потребует серьезных новых затрат! — поддерживал его Хокинс.

После бурного обсуждения адмиралы написали королеве пространное письмо, в котором, клянясь, что оба готовы отдать за нее свои седые головы, они никак не могут исполнить то, что она от них требует. О конкретных сроках возвращения из Вест-Индии друзья также ответили уклончиво (как вообще можно что-то конкретно планировать, уходя в океан?), что все будет зависеть от воли Господа.

Такой ответ, разумеется, королеве весьма не понравился.

— Это настоящая адмиральская фронда! — возмущалась она, прочитав послание. — А потому, если хитромудрые Дрейк и Хокинс не смогут гарантировать мне возвращения в Англию в мае следующего года, я вообще отменю их экспедицию.

А ведь на дворе уже была середина августа. Это значило, что времени остается буквально в обрез, и более оттягивать выход в море было нельзя.

Но тут судьба сжалилась над Дрейком и Хокинсом. Из перехваченной информации стало известно, что совсем недавно после сильного шторма на Пуэрто-Рико зашел для починки большой галеон "серебряного флота" с огромными сокровищами на борту. Повреждения у галеона оказались весьма серьезными, и его ремонт надолго затянулся.

Груз серебра, золота и других драгоценностей оценивался до трех миллионов песо. Впрочем, испанцы были не столь просты, и, едва начался ремонт галеона, все сокровища были перенесены в кафедральный собор посреди крепости Сан-Фелипе-дель-Морро, для охраны их выставлена серьезная стража. В Испанию же была направлена просьба прислать на Пуэрто-Рико специальную эскадру для дальнейшего сопровождения бесценного галеона.

Итак, у Дрейка с Хокинсом появилась прекрасная возможность атаковать порт Сан-Хуан и стать обладателями ценного приза. Дрейк слишком хорошо знал королеву Елизавету и ее патологическую жадность к золоту, а потому немедленно

проинформировал ее о сложившейся ситуации.

Уже спустя два дня Елизавета отправила Дрейку самое благожелательное письмо, рекомендуя ему немедленно выйти в море, чтобы успеть на Пуэрто-Рико.

Однако, если англичане хотели захватить сокровища, то им надо было оказаться на Пуэрто-Рико раньше, чем туда прибудет испанская эскадра.

Историк Губарев пишет: "На новую экспедицию Дрейка, естественно, не могли не откликнуться поэты Англии. Генри Робертс написал патриотическую поэму "Рупор славы, или Прощание с сэром Фрэнсисом Дрейком и сэром Джоном Хокинсом"; она была издана в Лондоне в том же году".

Что ж, трюмы полны припасов, паруса подняты, поэты уже воспели хвалу. Значит, снова пора в океан, навстречу новым испытаниям, навстречу своей судьбе! О, если бы Дрейк с Хокинсом знали, что ждет их на этот раз за горизонтом…

В те дни, когда Дрейк уходил в свое последнее плавание, тридцатилетний Шекспир писал свою "Ромео и Джульетту", бессмертную оду вечной любви.

Глава семнадцатая
ПОСЛЕДНИЙ ПРОЕКТ

Итак, 28 августа 1595 года флотилия Дрейка в количестве двадцати семи вымпелов, имея на борту более двух тысяч человек, покинула Плимут, растворившись в безбрежии океана.

Плавание началось с неприятности — корабль "Хоуп" задел днищем о скалы Эддистона, правда без особых последствий. Впрочем, среди матросов сразу пошли разговоры, что это знак свыше и удачи в этом плавании не будет.

В море флотилия была разделена на две эскадры. Одну возглавил Дрейк, вторую — Хокинс.

29 августа все капитаны кораблей получили от Дрейка исчерпывающую инструкцию:

"1. Во-первых, не забывайте молиться, и пусть этот порядок соблюдается два раза в день, при любой представившейся возможности.

2. Во-вторых, необходимо прилагать максимум усилий для сохранения компании и приходить два раза в день, чтобы побеседовать с вашим адмиралом; а если вы не сможете делать это более одного раза, делайте хотя бы раз в день; и тщательно выполняйте каждый приказ, который будет дан вам, и все время держитесь компании, если погода будет благоприятствовать этому.

3. А если случится, что какой-либо корабль или небольшое судно из-за плохой погоды или по какой-либо иной причине отделится от компании, они должны искать нас прежде всего на острове Байона, у побережья Галисии, и флот будет ожидать вас до тех пор, пока не продолжит плавание или пока вы не найдете нас; а оттуда, если вы не сможете найти нас, вам следует отправиться к Порто-Санто и ожидать нас там три дня, и если нас не будет там, вам надлежит идти к острову Гваделупа (небольшому острову к северо-востоку от Доминики), где вам следует оставаться три дня, и там будет оставлен специальный знак, чтобы вы могли узнать, какой курс вам взять, и это будет в сторону Пуэрто-Рико; там вам следует находиться десять дней.

4. Если в ходе этого плавания вы повстречаетесь с неблагоприятным ветром или скверной погодой, вы должны свернуть все паруса на ночь, до утра, пока не увидите, что один из ваших адмиралов идет под парусами, — в таком случае вам надлежит сделать то же самое.

5. И если противный ветер или плохая погода случится

ночью, ваш адмирал вывесит два фонаря, один над другим… чтобы вы могли держать курс по ним.

6. И если вы убавите паруса на ночь из-за погоды и возникнет необходимость поставить паруса в ту же ночь, вам надлежит, перед тем как ставить паруса, просигналить фонарями, установив один на бушприте, а другой на фор-марсе.

7. Вы не должны держать на кораблях никаких огней, кроме огня в нактоузе, и самым тщательным образом следить, чтобы его никто не мог видеть, кроме адмиральского корабля; и чтобы избежать опасности от огня, вы не должны переносить какие-либо свечи или огни на судне, кроме фонарей; и, соответственно, вы должны быть особенно внимательны к огню на камбузе.

8. Ни одно судно, вооруженное четырехугольным или латинским парусом, не должно идти впереди адмиральского корабля ночью, особенно в непогоду, или находиться в подветренной стороне больших кораблей, болтаясь из стороны в сторону.

9. И если какое-либо судно из состава флота потеряет, по несчастью, грот-мачту, или рею, или какие-либо емкости для воды, или еще что-нибудь важное, они должны произвести один или два выстрела, как того потребуют обстоятельства, чтобы другие суда могли им быстро помочь; и следить, чтобы ни одно судно, попавшее в беду, не было покинуто, пока ему не окажут соответствующую помощь.

10. Если какое-либо судно из состава флота собьется с курса и встретится с другим судном из состава этого флота, следует поднять сигнал и трижды спустить марсель; и это другое судно должно сделать то же самое, чтобы они узнали друг друга.

11. Вы не должны позволять какие-либо игры на корабле, в карты или в кости, по причине многочисленных раздоров, обычно проистекающих из-за этого.

12. Вам надлежит особенно заботиться о сохранении провизии, действуя в этом деле по собственному усмотрению до тех пор, пока вы не получите иной приказ, которым вы будете руководствоваться.

13. Наконец, чтобы вы могли наилучшим образом держаться компании, вам надлежит один или два раза за ночь следить за кормовым огнем на адмиральском судне. Фрэнсис Дрейк".

Увы, но двум львам всегда тесно в одной клетке, а потому вскоре начались неизбежные стычки между Дрейком и стариком Хокинсом.

Началось, казалось бы, с мелочи. Когда между эскадрами разделили провиант, то каждой досталось равное количество продуктов, в то время как у Дрейка было на 300 человек больше.

Хокинс заставил себя уговаривать и поделился провиантом лишь после нескольких просьб Дрейка. Добросердечным отношениям это, разумеется, не способствовало. Дальше — больше.

На совещании флагманов, когда решался вопрос о дальнейшем маршруте, Дрейк с Хокинсом уже схватились по-серьезному. Началось с того, что Дрейк по праву адмирала огласил свой план.

— Я полагаю, джентльмены, что сначала нам следует атаковать Канарские острова или Мадейру, — заявил сэр Фрэнсис. — Там можно взять верную добычу и запастись свежей провизией перед переходом в Вест-Индию.

— Я поддерживаю сэра Фрэнсиса. Все, что он говорит, вполне логично! — поддержал Дрейка генерал Баскервиль.

Но тут разразился гневной тирадой старик Хокинс, суть его выступления сводилась к тому, что идея Дрейка самая ребяческая и самая бездарная, какую только можно придумать. К тому же Дрейк вообще последнее время очень много о себе думает. Когда он, Хокинс, уже вовсю бороздил океаны, сэру Фрэнсису еще вытирали сопли.

Дрейк также не остался в долгу:

— Вон в углу каюты вы, джентльмены, видите мой старый облезлый рундук, который обошел со мной все моря и океаны, но так рундуком и остался!

Расстались если не врагами, то уже далеко не друзьями.

У берега Галисии удалось захватить первый приз — французский корсар, который из охотника неожиданно для себя сам превратился в добычу. Затем захватили еще несколько мелких французских рыбаков, которых, допросив, отпустили. Через несколько дней на горизонте появилась довольно многочисленная французская эскадра. Но догнать Дрейка французы не смогли.

А между Дрейком и Хокинсом вспыхнула новая ссора. На этот раз разругались, обсуждая вопрос, куда следует плыть в первую очередь. Хокинс настаивал, что следует торопиться и плыть сразу в Вест-Индию, чтобы успеть разграбить галеон на Пуэрто-Рико. Дрейк в сердцах объявил:

— Что касается меня, то я следую со своей эскадрой на Канары, вы же можете, если пожелаете, отправиться сразу в Вест-Индию.

Генерал Баскервиль попытался примирить адмиралов:

— Джентльмены, не надо горячиться. Я призываю вас обоих отобедать завтра на борту "Гарленда" у сэра Джона!

Вместо ответа Хокинс неопределенно мотнул головой.

На следующий день за обедом спор был продолжен. Созвали капитанский совет, на котором выступили оба адмирала. Доводы Дрейка оказались более убедительными, и большинство капитанов поддержало его. Разобиженный Хокинс вынужден был уступить. Дрейк, наоборот, приободрился:

— В качестве нашего первого объекта нападения я назначаю город Лас-Пальмас, что на острове Гран-Канария!

Баскервиль, обращаясь к хмурому Хокинсу, похлопал его по плечу:

— Не стоит расстраиваться, сэр Джон, ведь мы захватим этот городок за каких-то четыре часа!

— Поживем — увидим! — лишь покачал в ответ головой многоопытный Хокинс.

* * *

19 сентября, двигаясь на юг вдоль побережья Марокко, экспедиция встретила английский приватир. Его капитан сообщил последние новости. Капитан фрегата поделился с Дрейком последними новостями, после чего флотилия взяла курс к северо-восточным островам Канарского архипелага.

26 сентября флотилия достигла Лас-Пальмаса.

На полуострове, прикрывавшем городскую гавань, испанцы построили форт Санта-Каталина. Осмотрев неприятельские укрепления фортификации, Дрейк расположил флотилию на якорях на дистанции полета пушечного ядра от испанского форта. Но высадиться не удалось. Огонь береговых батарей был на редкость точен. Несколько шлюпок с солдатами были потоплены, несколько судов получили повреждения. Дрейк менял позицию, но всюду натыкался на жестокий ответный огонь.

Из испанской хроники: "Один из кораблей (английских. — ВШ.) получил пробоину в районе ватерлинии и стал тонуть, как было ясно видно по их попыткам остановить течь и отправке людей на помпу. 14 англичан спустились в лодку с канатом, и с его помощью, а также благодаря отливу им удалось спасти корабль. После этого они оставили указанную позицию, и шлюпки пошли в море со многими ранеными и вернулись к своим кораблям. 15 кораблей пошли в бухту Санта-Анна, где форт выпустил в них множество ядер, и четверо из них получили повреждения. Они, со своей стороны, стреляли по форту Санта-Анна и по городу… Той же ночью они ушли…"

Итак, захватить Лас-Пальмас с первой попытки Дрейку не удалось, у испанцев же, наоборот, появилась возможность еще

лучше укрепить оборону. На флагманском "Дифайенсе" совещались, как быть дальше. Хокинс, разумеется, настаивал на том, чтобы бросить Канары к чертовой матери и следовать в Вест-Индию. Печальный Дрейк теперь также склонялся к такому решению. За штурм Лас-Пальмаса был только генерал Баскервиль.

— Сэр Фрэнсис, я прошу у вас всего четыре дня, и столица Канарских островов будет нашей!

— Если не удалось сразу, значит, и в дальнейшем не повезет! — покачал головой Дрейк. — Нашей главной целью является захват сокровищ на Пуэрто-Рико, и поэтому не будем терять драгоценное время.

В тот же вечер флотилия отошла на подветренную сторону острова, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Но взять воды не удалось. Рекогносцировочный отряд был захвачен в плен испанцами. Но и это не все! Пленные англичане не держали язык за зубами и рассказали испанцам о судовом составе, численности флотилии и, что самое неприятное, о ее задачах. Надо ли говорить, что местный губернатор немедленно отправил два посыльных судна: первое — в Испанию, второе — в Вест-Индию. Капитанам было велено спешить как только можно, не убирая парусов даже в штормовую погоду.

Дрейк тоже торопился, и флотилия также полным ходом держала курс в Карибское море.

В течение двух недель она шла строго на зюйд-вест, а 13 октября, достигнув 16° северной широты, круто повернула на вест.

Из хроники событий: "24 октября разразился шторм, и в десять часов вечера произошло столкновение кораблей "Хоуп" и "Эдвенчур"; на последнем треснула бизань-мачта, которую пришлось срочно срубить и отправить за борт. Ночью 26-го Дрейк с пятью или шестью кораблями отделился от флота. 27-го на западе был замечен остров Мартиника, но англичане решили не высаживаться на нем, поскольку "этот остров населяют варвары, именуемые каннибалами". Дрейк повернул к острову Мари-Талант, тогда как эскадра Хокинса стала огибать с юга остров Доминику.

Ночью 28 октября корабли Дрейка бросили якорь у северо-восточного побережья Мари-Галанта. Адмирал пересел в пинас и направился к берегу. Карибы, которые прибыли сюда с Доминики, снабдили англичан табаком и свежими фруктами, получив за это "желтый фланелевый жилет и носовой платок".

29 октября суда Дрейка снялись с якоря и отправились на поиски эскадры Хокинса. Пройдя мимо небольших островов

Тодос-Сантос (ныне Ле-Сент), они подошли к южному побережью Гваделупы, где 30 октября объединились с кораблями сэра Джона".

Наконец-то появилась возможность запастись свежей водой, привести в порядок суда, собрать разобранные галеры-пинасы и хоть немного размять людей на берегу.

А дальше в ситуацию вмешался Его Величество случай. Во время шторма от основных сил флотилии Дрейка оторвались два небольших судна — "Фрэнсис" и "Дилайт". Догоняя ушедших вперед, они неожиданно нарвались на пять быстроходных испанских фрегатов под командованием генерал-капитана Педро Тельо де Гусмана и адмирала Гонсало Мендеса де Кансо. Это были фрегаты, посланные как раз для того, чтобы забрать сокровища с поврежденного в Сан-Хуане галеона. Началась погоня, в результате которой "Франсис" был взят на абордаж, а "Дилайту" удалось улизнуть. Но это уже ничего не значило. Английские пленные опять оказались весьма словоохотливыми и поведали испанским адмиралам о целях экспедиции, в которой они участвуют.

После этого фрегаты Тельо и Мендеса немедленно помчались к Пуэрто-Рико, чтобы успеть оказаться там раньше англичан.

Когда капитан "Дилайта" доложил Дрейку о захвате "Фрэнсиса", тому стало совершенно ясно, что произошла настоящая катастрофа. Англичане лишались самого главного — фактора внезапности, на котором и строился весь расчет успеха.

Снова начали совещаться. Снова пошли разногласия.

— Нам следует немедленно пуститься в погоню за фрегатами и не дать им возможности предупредить об опасности Пуэрто-Рико! — настаивал Дрейк.

— Если внезапности достичь уже не удалось, нам следует явиться у Пуэрто-Рико во всеоружии! — заявил Хокинс. — Для этого нам следует, наоборот, никуда не торопиться, а сначала завершить сборку семи пинасов, ремонт судов, установку дополнительных пушек, обеспечить команды свежим провиантом и водой и только после этого следовать к Сан-Хуану.

Так как Хокинс к этому времени был уже тяжело болен, то и дело хватаясь за сердце, Дрейк поступил достаточно благородно — не стал настаивать на своем предложении, что было непростительной ошибкой с его стороны.

Из хроники событий: "4 ноября флот поднял паруса. Перед этим провиант, находившийся на борту транспорта "Ричард", Дрейк велел распределить среди экипажей других кораблей, после чего указанное судно затопили.

От Гваделупы флот двинулся на норд-норд-вест, на

следующий день прошел мимо островов Монтсеррат, Редонда, Невис, Сент-Кристофер, Сент-Эстатиус и Саба, потом повернул на норд-вест и 7 ноября достиг Виргинских островов. Дрейк, по всей видимости, хотел выдержать паузу, чтобы дать испанцам время успокоиться и ослабить бдительность. 8 ноября Баскервиль и его офицеры снова провели на берегу военные учения, тогда как часть моряков занялась рыбной ловлей и охотой на птиц.

На пятый день, после рекогносцировки, Дрейк перевел весь флот в более безопасное место, где его не могла обнаружить испанская разведка. Оттуда англичане ушли с попутным бризом в среду утром 12 ноября, взяв курс на северо-восточную оконечность Пуэрто-Рико. Впереди двигались пинас с опытным пилотом-мулатом — уроженцем Вест-Индии — и несколько шлюпок, которые показывали остальным двадцати трем кораблям, куда держать курс.

Вопреки расчетам Дрейка, испанцы не утратили бдительности. Отказавшись от первоначального плана отправить сокровища в метрополию на быстроходных фрегатах, они решили использовать указанные суда для укрепления обороны Сан-Хуана. Педро Тельо де Гусман и Гонсало Мендес высадили полсотни своих людей на берег, чтобы усилить ими гарнизон крепости Сан-Фелипе-дель-Морро. Эта крепость была построена на скалистом выступе полуострова, прикрывая собой город и контролируя узкий вход во внутреннюю гавань. Причалы в гавани охранялись батареей Санта-Элена. На восточной окраине города находились батареи бухты Моррильо и залива Каброн (что между мысами Эскамброн и Эль-Бокерон), а перешеек, связывавший полуостров с Большой землей, защищали батарея Сан-Херонимо-дель-Бокерон и укрепление у моста Сан-Антонио. Все пушки, снятые с фрегатов, были установлены на береговых батареях и в крепости. Их общее количество доходило до семидесяти. Город должны были оборонять более 1500 солдат, моряков и ополченцев, включая 400 солдат гарнизона, 300 моряков и солдат с галеона "Нуэстра Сеньора де Бегония", 500 моряков и солдат с фрегатов Тельо и Мендеса, а также 300 пуэрто-риканских ополченцев; кроме того, власти рассчитывали на помощь восьми или девяти тысяч ополченцев-колонистов из провинции. Между крепостью Сан-Фелипе-дель-Морро и островом Кабрас была натянута деревянная цепь, преграждавшая главный вход в гавань. За ней поставили галеон и фрегаты, которые в случае необходимости можно было затопить, чтобы заблокировать фарватер. Таким образом, испанцы весьма основательно подготовились к встрече с врагом, и боевой дух защитников Сан-Хуана был довольно высок".

Утром 12 ноября, когда английский флот появился у северо-

восточной оконечности Пуэрто-Рико, болезнь Хокинса резко обострилась. Он вызвал к себе в каюту капитана Труфтона. В прощальной речи сэр Джон выразил сомнение в успешном исходе экспедиции и просил передать из своих сбережений две тысячи фунтов стерлингов королеве Елизавете в качестве компенсации ее возможных потерь. Кроме того, он завещал "дорогому кузену сэру Фрэнсису Дрейку… лучший бриллиант и крест с изумрудом".

Тем временем тяжелобольной Хокинс доживал уже свои последние часы. Вечером, когда флотилия легла в дрейф у берегов Пуэрто-Рико, он скончался. Нам неизвестно, какие чувства испытывал Дрейк, узнав о смерти своего родственника и учителя, с которым его связывало столько перенесенных вместе невзгод и с которым он так не ладил в последнее время. Но предаваться размышлениям времени не было, впереди был Пуэрто-Рико.

После смерти Хокинса свой флаг на "Гарленде" поднял Томас Баскервиль.

Вскоре лоцманский пинас и несколько шлюпок появились на траверзе батареи Сан-Херонимо-дель-Бокерон. Дрейк прощупывал оборону противника. С батареи сразу же загремели залпы. Но это был отвлекающий маневр, так как основные силы английской флотилии уже приблизились к форту Каброн и дерзко встали на якорь в соседней с ней бухте.

— Никто и никогда еще не пытался атаковать Сан-Хуан с восточной стороны, мы же сделаем донам сюрприз! — потирал руки Дрейк.

И зря, так как испанцев застать врасплох не удалось. В пять часов пополудни пушки фортов Моррильо и Каброн начали палить ядрами, причем весьма точно.

Одно из ядер пробило бизань-мачту флагманского "Дифайенса", другое пробило борт и влетело в кают-компанию. Как раз в это время Дрейк поминал там, в окружении своих офицеров, умершего Хокинса. Крутящееся ядро вышибло из-под него стул, только чудом не оторвав ноги, затем, изменив траекторию, смертельно ранило сэра Николаса Клиффорда и давнего товарища Дрейка Брута Брауна и, наконец, напоследок, задело капитана Стрэтфорда и еще несколько человек. Вся кают-компания была залита кровью…

Выскочив на шканцы, Дрейк закричал вахтенному офицеру:

— Немедленно отведите корабль мористее и передайте соответствующий сигнал на остальные суда!

Смерть Хокинса, смертельные ранения Клиффорда и Брауна не способствовали укреплению бодрости у участников экспедиции.

— Нас с самого начала преследуют несчастья и смерти, поэтому не будет счастья и в дальнейшем, — шептались матросы.

— Джентльмены, пора, наверное, составлять очередность наших смертей. Так как обратно, судя по всему, никому из нас вернуться не суждено! — мрачно острили офицеры.

Лишь упрямый Дрейк продолжал верить в свою удачу. Вечером пинас в сопровождении пяти вооруженных шлюпок был послан к входу в гавань Сан-Хуана для промера глубин.

Вскоре Дрейку доложили, что в страшных мучениях умер капитан Клиффорд, скончался ночью, через некоторое время не стало и Брута Брауна. Дрейк, согласно одной из легенд, якобы сказал по этому поводу:

— Ах, дорогой Брут, я мог бы печалиться о тебе, но сейчас, увы, у меня нет времени разводить сантименты.

* * *

Между тем наступало время решительных событий битвы за Сан-Хуан.

Историк Губарев пишет: "В четверг 13 ноября, примерно в восемь часов утра, испанцы увидели английский флот напротив входа в гавань. Корабли стали на якорь возле островов Кабрас и Каньюэло; между ними и Большой землей проходил узкий канал, изобиловавший мелями. Пройти через него не рискнуло бы ни одно судно, поэтому жители города даже не позаботились о его защите. С места стоянки английского флота были видны фрегаты, укрывшиеся под защитой двадцати семи бронзовых орудий крепости Сан-Фелипе-дель-Морро и четырех пушек батареи Санта-Элена. Дрейк решил уничтожить их еще до начала штурма города, но сначала провел разведку побережья в западной части полуострова, подыскивая удобное место для высадки десанта. Этими действиями адмирал надеялся отвлечь внимание испанцев от фрегатов и перебросить часть сил к месту вероятной высадки английских войск. Дон Педро Тельо, которому была поручена охрана порта, отправил к генералу Санчо Пардо-и-Осорио просьбу прислать в указанный район дополнительные силы, что и было сделано: вечером на берег прибыл капитан Аугустин де Кандечо с тридцатью солдатами. Ночью к ним должны были присоединиться еще 50 солдат под командованием суперкарго Мартина Вомеро де Кааманьо.

С наступлением темноты флот англичан по-прежнему бездействовал, однако около десяти часов вечера испанцы вдруг заметили две дюжины вражеских шлюпок и пинасов, которые

проникли в гавань, обогнув острова Кабрас и Каньюэло с юга. Каждое судно вмещало от пятидесяти до шестидесяти солдат и матросов. Крепость и батарея Санта-Элены открыли по ним огонь, и в то же время зажигательные снаряды англичан полетели в сторону испанских фрегатов. Корсары начали брать на абордаж фрегаты "Санта-Исабель", "Санта-Магдалена" и "Санта-Клара" и поджигать их, но испанцы яростно отбивались, одновременно гася очаги пожаров. Спустя час один из фрегатов — "Санта-Магдалена" — взлетел на воздух, озарив окрестности ярким светом. При взрыве часть команды погибла; те, кто уцелел, очутились в воде, включая капитана Доминго де Инсауррага (он добрался вплавь до фрегата "Санта-Исабель", которым командовал капитан Хуан Флорес де Рабаналь). Англичанам удалось выловить и взять в плен лишь боцмана Лопе Санчеса и четырех матросов.

Пожар на "Санта-Магдалене" озарил всю гавань ярким светом и позволил испанским канонирам и мушкетерам обрушить на шлюпки противника гораздо более прицельный огонь. Погибло полсотни английских солдат и матросов, еще 150 человек получили ранения разной степени тяжести; несколько шлюпок затонули, остальные отступили. Испанцы, преувеличивая свой успех, позже утверждали, что уничтожили девять или десять вражеских лодок и около четырехсот англичан, "не считая множества раненых". Свои потери они оценили в "сорок убитых или сгоревших, не считая небольшого количества раненых мушкетным огнем".

Это поражение, безусловно, нанесло ощутимый удар по боевому духу участников экспедиции, но Дрейк не хотел сдаваться. Утром 14 ноября, когда подул бриз с суши, флот снялся с якоря и начал двигаться в наветренную сторону от гавани. Испанцы, убежденные недавними маневрами Дрейка в том, что он собирается высадить на сушу десант, изо всех сил укрепляли береговые фортификации. Однако многоопытный Тельо заподозрил, что английский командующий готовится не к десантированию в западной части полуострова, а к тому, чтобы ввести весь свой флот в гавань. Поэтому он предложил немедленно затопить в проходе два лучших фрегата, чтобы перекрыть противнику доступ на внутренний рейд. Военный совет изучил предложение командующего эскадрой, но не захотел идти на предложенные жертвы. Тельо тем не менее продолжал настаивать на своем. В конце концов он убедил своих коллег пожертвовать двумя торговыми кораблями, нагруженными товарами, а затем, в случае крайней нужды, затопить и два лучших фрегата".

В четыре часа дня испанцы с тревогой увидели, как английская флотилия медленно потянулась к входу в гавань. Наступал решающий момент всей битвы за Сан-Хуан. На фарватере уже топили несколько судов, призванных перекрыть вход в гавань. Часть из них топили вместе с грузом и пушками, так как не было времени заниматься разгрузкой. Впрочем, впоследствии и пушки, и часть груза можно было поднять. Это была тяжелая, но неизбежная жертва.

Впрочем, эффект оказался впечатляющим. Увидев происходящее, Дрейк не рискнул продолжить прорыв в гавань, а приказал бросить якорь между портом и островком Кабрас. Английские капитаны собрались на совет. Дрейку хватило мужества признаться:

— Я ошибался, полагая, что оборона испанцев осталась на том же уровне, что и во время его предыдущего плавания в Вест-Индию. Так как прорваться в гавань нам не удалось, я предлагаю высадить войска в наиболее незащищенных местах Пуэрто-Рико и попытаться взять Сан-Хуан с суши.

— Должен решительно возразить против вашего предложения, сэр Фрэнсис, — ответил ему Баскервиль. — Я не первый год в армии и прекрасно вижу, что город прекрасно защищен со всех сторон, да и защищает его не толпа местных фермеров и их рабов, а профессиональные ландскнехты.

Раздались голоса:

— Мы не можем судить о силе фортов Сан-Хуана, пока не увидим их вблизи.

— В Вест-Индии больше нет городов, захват которых принес бы нам столько славы и богатства, как столица Пуэрто-Рико!

На это Дрейк мрачно ответил:

— Я приведу вас к еще двум десяткам городов, которые более богаты и которые гораздо легче захватить!

— Что ж, — поддержал командующего генерал Баскервиль. — что касается меня, то я бы немедленно пожелал отправиться на поиски этих городов!

Но большинство собранных капитанов и офицеров были настроены более пессимистично. Один из них позднее признался: "Здесь я оставил все свои надежды на успех".

15 ноября тела сэра Джона Хокинса и сэра Николаса Клиффорда были торжественно опушены на дно в соответствии с морской традицией. По старой морской традиции их зашили в парусину, причем последний стежок парусный мастер сделал через нос умерших. К ногам их привязали пару ядер, чтобы тела нашли свой покой на дне и их не мотало по морю волнами. В знак траура на судах флотилии были поставлены "козлами" реи и

дан залп холостыми зарядами.

В два часа пополудни недалеко от входа в гавань была замечена испанская каравелла. Несколько английских пинасов тут же погнались за ней. Предупрежденный об опасности пушечными выстрелами с батареи Сан-Херонимо-дель-Бокерон, капитан выбросил свое судно на отмель в районе пляжа Кангрехос и скрылся вместе с командой на берегу.

Понимая, что захватить Сан-Хуан он уже бессилен, Дрейк приказал капитанам выбирать якоря.

— Не стоит отчаиваться, ведь на войне как на войне! Попробуем поискать удачу в других местах! — сказал он, спускаясь со шканцев в каюту.

Утром следующего дня обрадованные испанцы увидели пустынное море. Образованный губернатор немедленно отрядил посыльные суда по всей Вест-Индии, послание было коротким: "Готовьтесь сражаться, ибо дракон уже здесь".

Глава восемнадцатая
СМЕРТЬ ДРАКОНА

Спустя трое суток английская флотилия бросила якоря в бухте Сан-Херман, на западе Пуэрто-Рико. Здесь Дрейк простился с умершим от ран Брутом Брауном. Так как испанцев на берегу не было, англичане высадились на берег и запаслись водой, заодно дровами, а также апельсинами и бананами. Не теряя времени, подлатали свои суда и собрали четыре пинасы. Вместо умершего Хокинса новым своим вице-адмиралом Дрейк назначил опытного капитана Йорка.

Во время стоянки в бухте удалось перехватить проходившее мимо испанское судно, где нашли письмо с описанием атаки Дрейка на Сан-Хуан и перечислялись понесенные потери.

Из воспоминаний участника событий: "20-го генерал пошел на веслах к "Фениксу", "Дилайту" и каравелле и велел им сняться с якоря и стать правее, напротив устья быстрой речки… к югу от других судов, на расстоянии лиги или более. Генерал поднялся вверх по этой реке на три или четыре лиги и захватил в тех местах лошадей; сэр Томас Баскервиль пошел на веслах вверх по реке и простоял там всю ночь, а потом прошел в глубь страны на три или четыре лиги.

23-го мы разгрузили барк, называвшийся "Пулпит", и сожгли его. В три часа пополудни, когда мы были готовы отплыть, на борт "Дифайенса", нашего адмиральского судна, прибыл некий испанец с женой, который боялся жестоких мучений за то, что не ушел в город согласно приказу генерала этого острова, который велел всем боеспособным мужчинам из состава флота прибыть в город, чтобы оборонять его от нас. Затем мы отошли к северо-западу, подальше от гряды подводных скал, лежащих в четырех или пяти лигах от южной окраины острова".

Завершив ремонт, пополнение припасов и постройку пинас, флотилия была готова к продолжению плавания. При этом Дрейк, освободив несколько испанских пленных, передал с ними письмо губернатору Пуэрто-Рико. Это письмо сохранилось.

"Письмо Фрэнсиса Дрейка полковнику Педро Суаресу, губернатору Пуэрто-Рико. Зная, что Ваша милость является джентльменом и солдатом, я пишу это письмо, дабы уведомить Вас о том, что всякий раз, когда я общаюсь с представителями испанского народа, я оказываю им честь и уважение, освобождая лиц, принадлежащих к оному, причем не в малом, а в большом количестве. Так, когда наши люди подожгли Ваши фрегаты,

некоторые испанцы спаслись от ярости огня, каковые как побежденные враги не испытали от нас никакого жестокого обращения, а пользовались правами военнопленных.

От них стало известно, что капитан дон Педро Тельо захватил небольшое судно из состава нашего флота, имевшее на борту двадцать пять англичан или более, обращаясь с ними хорошо, как и положено в честной войне… Поскольку в этом городе имеются солдаты и джентльмены, я не сомневаюсь, что с моими людьми будут обращаться хорошо и предоставят им свободу в соответствии с обычаями честной войны. Я надеюсь на это, и сам буду поступать таким же образом. Готов служить Вашей милости во всех делах, кроме тех, что касаются защиты флага ее священного Величества королевы Англии. Фрэнсис Дрейк, 23 ноября 1595 года".

На следующий день флотилия продолжила плавание.

"25-го мы шли на юго-запад, — вспоминал впоследствии один из участников экспедиции, — и увидели Мону — низкий и плоский остров, расположенный между Эспаньолой и Сан-Хуан-де-Пуэрто-Рико. В этот день "Иксчейндж" капитана Уинтера потерял свой бушприт, и в начале ночи "Феникс" был отправлен назад на его поиски; в ту же ночь, с Божьей помощью, он встретился с ним и оставался возле него до утра, когда принял с него малый канат для буксировки. Однако в девять утра на нем были сломаны грот-мачта и фока-рей, так что они были вынуждены забрать с него мелкие вещи и людей, а судно затопить. Затем мы пошли на зюйд-зюйд-ост за флотом, и 26-го утром увидели наш флот снова".

Вскоре на горизонте появился остров Кюрасао. Флотилия бросила якоря, но удобной гавани не наши, а потому плавание было продолжено.

"Воскресным утром, в последний день ноября, мы заметили три или четыре небольших острова, называемых Монхес, между Арубой и северной оконечностью материка, — вспоминал впоследствии все тот же участник плавания. — В 12 часов мы увидели материк и в это время обнаружили сильное течение, идущее в западном направлении, а также воду, цвет которой стал белым. "Феникс", каравелла и один из кечей, держась вместе, в полночь прибыли в подветренную сторону мыса Кабо-де-ла-Вела и зажгли огонь, благодаря чему остальной флот пришел на якорную стоянку к мысу, где имеется очень хороший рейд… Утром первого декабря мы посадили всех наших солдат на суда (имеются в виду галеры-пинасы и шлюпки. — *В.Ш.*), чтобы идти к Рио-де-ла-Аче — городу, лежащему в двадцати лигах к западу, одному из старейших на всем Мейне, хотя и не очень большому.

Наши люди взяли его примерно в десять часов ночи".

Генерал Томас Баскервиль в своих мемуарах описал эти события следующим образом: "…Я с 400 людьми погрузился на пинасы, оставив наши корабли на рейде в подветренной стороне от указанного мыса, и около 12 часов ночи высадился перед городом и взял его, но губернатор, предупрежденный за три дня до этого курьером из Санто-Доминго, аза день — своими каноэ, которые добывали жемчуг и заметили нас, увез королевские деньги и отправил их… на 30 лиг в глубь страны. Высадившись, я захватил несколько пленных, которые стали нашими проводниками, и пустился в погоню; небольшое количество жемчуга нам удалось взять, но наличность увезли".

Утром английская флотилия оказалась на рейде Рио-де-ла-Ачи. Дрейк остался верен себе, и с отрядом в полторы сотни солдат съехал на берег, захватив ферму по добыче жемчуга. Забрав работавших там негров и немало жемчуга, сэр Фрэнсис вернулся на борт своего флагмана. Тогда же удалось перехватить и небольшое испанское судно, где нашли вино.

Между тем на судах флотилии разразилась эпидемия тропической лихорадки. Смерти следовали одна за другой. Одним из первых ушли в мир иной недавно назначенный вице-адмиралом Йорк и еще несколько капитанов. Теперь главным занятием стали ритуалы погребения — каждый день хмурые матросы бросали с борта в воду все новых и новых умерших. Что касается пленных испанцев, то они предложили за себя неплохой выкуп, Дрейк с удовольствием торговался, кого-то отпускал, кому-то увеличивал сумму выкупа.

Город Рио-де-ла-Аче предложил откупиться от англичан за 24 тысячи, но на самом деле горожане прислали гораздо меньшую сумму. Дрейк был возмущен. Вызванному губернатору он выказал свое недовольство. Тот в ответ заявил, что больше денег у него просто нет, да и вообще он против взяток и, будь у него возможность, предпочел бы драться.

— Даю вам два часа, чтобы убраться подобру-поздорову. После этого времени я буду беспощаден! — грохнул по столу кулаком разгневанный Дрейк и выпроводил посетителя.

Тем временем генерал Баскервиль во главе нескольких судов совершил небольшой рейд вдоль берега, грабя и сжигая прибрежные деревни и фермы. Кое-какая добыча была, но явно недостаточная для аппетитов англичан.

Что касается Дрейка, то, взбешенный несговорчивостью губернатора, он велел сжечь Рио-де-ла-Аче, после чего взял курс на город Санта-Марта, который также был захвачен без всякого сопротивления. Жители его убежали в горы, а в домах их было

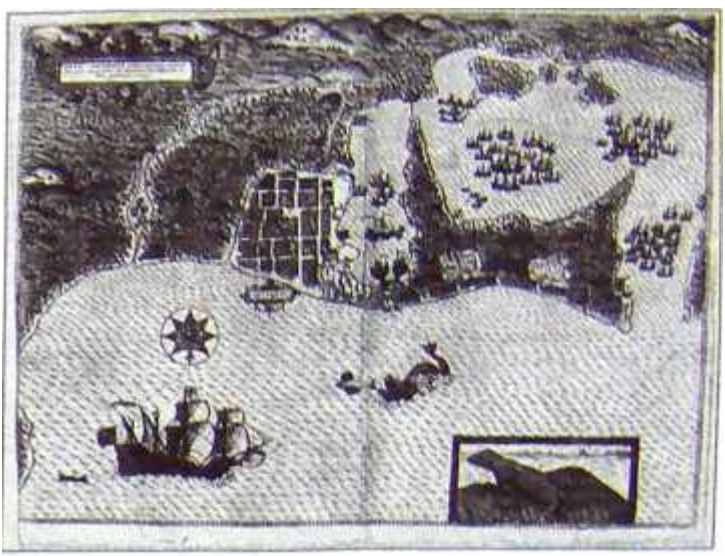
шаром покати.

— На всем материке нет места, более богатого золотом, чем это! — твердил Дрейк как заклинание, но никакого золота никто так и не увидел.

В отместку за неудачи Дрейк велел сжечь Сан-Марту. Но и испанцы не остались в долгу.

Из воспоминаний участника плавания: "Все суда снялись с якоря и вышли в море; многие солдаты были посажены на те суда, на которые указал им генерал, — на малые суда, стоявшие на рейде возле побережья. Мы потеряли этой ночью команду "Феникса", капитана Остина, Питера Лемонда и пинас "Гарленда"; когда они шли вдоль берега, за ними погнались галеры из Картахены; Питер Лемонд с девятью нашими людьми были захвачены в плен, остальные благополучно вернулись к флоту".

От осады и штурма самой Картахены Дрейк благоразумно отказался, понимая, что в сложившейся ситуации это ему просто не по силам. Он решил сразу же идти на Панаму. Наконец, суда бросили якоря у города Номбре-де-Дьос, расположенного на атлантическом побережье Панамского перешейка. Город встретил англичан пустыми улицами и покинутыми домами, из которых было унесено все ценное.



Картахена. Иллюстрация к книге о плавании Дрейка Б. Боацио

"27-го мы вошли в устье Номбре-де-Дьоса, — вспоминает участник плавания, — и примерно в час захватили город; все люди бежали, кроме ста испанцев, которые укрылись в форте и стреляли в нас, имея в указанном форте три или четыре небольших пушки, и одна из них разорвалась, когда выстрелила в

нас. Они произвели в нас также залп из ручного оружия, но, увидев, с какой решимостью мы бежим к ним, все убежали и скрылись в лесу".

Во всем городе удалось найти лишь два десятка серебряных слитков, что только раззадорило англичан.

В поход на Панаму был отправлен генерал Баскервиль с отрядом в семьсот пятьдесят человек.

Пока Баскервиль двигался к Панаме, Дрейк дожигал Номбре-де-Дьос, вместе с городом были уничтожены и полтора десятка испанских судов, захваченных в порту.

А тропическая лихорадка косила людей все больше и больше. Дело усугубилось и тем, что Дрейк пришел именно в Номбре-де-Дьос, который всегда отличался своим нездоровым климатом и поэтому к этому времени находился уже в изрядном запустении. Дело в том, что к этому времени испанцы разочаровались в Номбре-де-Дьосе и на атлантическом побережье уже достраивали новый город Пуэрто-Бельо, который и должен был стать в скором времени главной перевалочной базой для свозимого из глубины Америки золота и серебра.

Разумеется, что Дрейк уже имел информацию о Пуэрто-Бельо, но, подозревая, что тот неплохо защищен, атаковать его пока побаивался. Для начала он перевел флотилию к устью реки Чагрес.

— Нам следует отправить вверх по реке еще один отряд пехоты, чтобы он объединился с отрядом Баскервиля у Вента-де-Крусеса для решительного удара по Панаме.

Однако, когда лодки были уже готовы к походу, неожиданно примчался гонец-индеец с тревожным сообщением, что Баскервиль возвращается.

Историк К. Малаховский так описывает поход сэра Баскервиля: "Дрейк послал отряд под командованием Баскервиля к дороге, по которой перевозились сокровища из Панамы. Но и здесь англичане встретили много нового. У дороги в разных местах находились сильные укрепления, на самой дороге были устроены завалы. Все это англичане узнали не сразу, а проделав тяжелый трехдневный путь. Все время шел дождь, размывший дорогу. С большим трудом отряд прошел в первый день десять, а во второй восемнадцать миль. На половине пути находилась станция, на которой меняли лошадей и мулов во время перевозки сокровищ. Но, подойдя к ней, англичане увидели лишь руины. Станция была сожжена.

На третий день, пройдя две мили, англичане наткнулись на укрепление, сооруженное под руководством приглашенного на испанскую службу итальянского инженера Хуана Батиста

Антонелли. Укрепление скрывалось в чаше тропического леса и было совершенно незаметно. К нему вела дорога, по которой шел отряд. Другой дороги вообще не было. Неожиданно путь преградил завал. Когда англичане попытались разобрать его, то были обстреляны из мушкетов невидимым противником. Ответить они не могли, так как порох и спички основательно промокли. Потеряв несколько человек убитыми, англичане вынуждены были отступить. Баскервиль узнал, что впереди по дороге к Панаме расположено еще несколько таких укреплении. Ничего не оставалось, как повернуть назад".

Отступление было очень тяжелым. Так, всех раненых Баскервилю пришлось оставить на милость испанцев, в том числе и своего младшего брата Николаса. Кое-как дотащились до Номбре-де-Дьоса.

Неудача Баскервиля окончательно убедила солдат и матросов, что затеянная экспедиция несчастливая и чем раньше убраться домой, тем будет лучше.

"Мы словно прозрели тогда, — вспоминал участник экспедиции, — и поняли, что все торжественные речи генерала (имеется в виду Дрейк. — *В.Ш.*) о сотнях вест-индских городов, которые ему известны и которые нас обогатят, были лишь приманкой, которой он заманивал королеву дать ему почетное дело, а нас — рискнуть своей жизнью ради его славы".

Издерганный всем происходящим, Дрейк собрал капитанский совет. Адмирал раскатал на столе карту Вест-Индии:

— Поскольку на Панамском перешейке испанцы предупреждены о нашем появлении и хорошо изготовились к обороне, нам следует отправиться в другое место. Знали бы вы, какие богатые города в Гондурасе, а на берегу озера Никарагуа улицы просто вымощены золотом. Хватит нам собирать урожай по зернышку, когда скоро мы будем грести его пригоршнями!

Присутствующие мрачно молчали. Наконец, один из капитанов поинтересовался, а видел ли сам Дрейк улицы, мощенные золотом.

— Нет, сам я никогда этих мест не видел, но много читал о них в книгах, — несколько смутившись, ответил Дрейк. — Так куда же вы желаете пойти, в Гондурас или Никарагуа?

— В оба места по очереди! — ответствовал за всех Баскервиль. — Но мне кажется, что все тамошние города, даже вместе взятые, дадут слишком мало добычи, чтобы удовлетворить нас всех.

Подняв паруса, флотилия направилась на вест. Так как ветры были противными, все время приходилось лавировать. Это отнимало и силы, и время.

10 января флот вынужден был стать на якорь в бухточке на южной стороне острова Эскудо-де-Верагуа, который славился своим отвратительным и гибельным для людей климатом. Единственной добычей стало небольшое испанское суденышко. Если раньше эпидемия просто свирепствовала, то на Эскудо-де-Верагуа начался самый настоящий мор.

"За двенадцать дней нашего плавания здесь, — писал участник событий, — я часто оставался с генералом (Дрейком. — *В.Ш.*) наедине и думал, не откроет ли он мне своих планов. Я спрашивал его: почему он так часто уговаривал меня еще в Англии не покидать его, когда мы придем в Вест-Индию? И где то место, которое он имел в виду? Он отвечал мне с грустью, уверяя, что не знает Индий; как и я, он никогда не думал, что какой-нибудь уголок земли может так измениться и из цветущего сада превратиться в пустыню. А еще эта переменчивость ветра и погоды! Таких бурь он здесь никогда не видывал. Но больше всего его удивляло то, что с момента отплытия из Англии он ни разу не увидел судна, за которым стоило бы погнаться. Впрочем, в силу величия своего ума он обычно заканчивал свою речь словами: "Ну да это ничего! У Бога много всего запасено для нас; и я знаю много способов сослужить добрую службу Ее Величеству, а нас обогатить, ибо мы должны получить золото прежде, чем вернемся в Англию". А между тем, с моей точки зрения, он был в положении человека, который проживает свою жизнь, глупо убеждая себя, что та нянька, которая кормила его в детстве, будет кормить его и в старости, — и вдруг видит, что грудь ее ссохлась, видит свою ошибку, страдает и умирает от голода. Кроме собственных средств генерал поставил на карту и свою репутацию, пообещав королеве вернуть ей капитал с большими процентами, С момента нашего возвращения из экспедиции в глубь Панамского перешейка на лице его ни разу не было видно веселья и радости. В эти дни он почувствовал себя больным".

Именно в это время личный состав флотилии постигло очередное разочарование: захваченные в плен с небольшого испанского суденышка моряки лишь рассмеялись, когда англичане начали расспрашивать их о сказочно богатых городах Гондураса и озера Никарагуа.

— Какие сокровища! О чем вы говорите! — смеялись они от души. — Да в этих городах люди бедны как последние церковные крысы, так что кроме миски маиса вам там ничего не светит!

Впечатление от откровений испанцев было ошеломляющим. Кроме этого выяснилось, что и берега, к которым намеревался идти Дрейк, весьма опасны из-за многочисленных мелей и рифов. А провизии на борту оставалось все меньше, болезни все

множились и множились… К тропической лихорадке прибавилась дизентерия.

Чтобы запастись водой, Дрейк послал четыре десятка человек в устье реки Фатор, но все они были убиты там местными жителями.

— Свежая вода у нас теперь на вес нашей крови! — мрачно шутили английские моряки.

15 января умер капитан Энтони Платт. В тот же день Дрейк почувствовал себя больным дизентерией и больше уже не показывался из своей каюты.

Флотилия направилась на восток. Вначале Дрейк велел править на Номбре-де-Дьос, а затем повернуть на Пуэрто-Бельо.

Между тем болезнь Дрейка не отступала, наоборот, с каждым днем ему делалось все хуже и хуже.

27 января флагман Дрейка "Дифайенс." находился на траверзе острова Буэнавентура. В тот день умерли сразу несколько капитанов и старший хирург флотилии.

В тот день самочувствие Дрейка резко ухудшилось. Он с большим трудом оделся и велел звать младшего брата Томаса и племянника жены капитана Джонаса Боденхэма.

— Дайте бумагу! — сказал он им. — Я должен подписать завещание!

Подписал заранее составленное завещание в присутствии родственников.

— Пригласите ко мне по очереди офицеров "Дифайенса"! — велел Дрейк, отдав перо.

Каждому из прибывающих он дарил что-то из своих вещей.

Вечер Дрейк провел в беседе со своим пажом Уайтлоком, подарив ему несколько драгоценных камней и красивую серебряную тарелку.

К ночи самочувствие Дрейка еще более ухудшилось. С трудом поднявшись на локтях, он позвал Уайтлока:

— Надень на меня мои парадные доспехи. Хочу умереть так, как приличествует воину!

Паж исполнил просьбу. Затем речь Дрейка нарушилась, он начал бредить. Сознание вновь вернулось к Дрейку, и он попросил пажа снять доспехи, которые сильно затрудняли ему дыхание.

28 января в четыре часа утра Дрейк, по словам современников, "тихо испустил дух в своей каюте, отправившись, как любой христианин, к своему Создателю".

Никто из нормальных людей не желает своей смерти, и все же мне кажется, что Дрейк хотел умереть так же, как и жил, именно в своей каюте, и именно на своем корабле, прекрасно

понимая, что провала экспедиции ему никто не простит, а впереди ждут только опала и насмешки недругов. Что ж, если все обстояло именно так, то Дрейк ушел из жизни, как и должен был уйти великий мореплаватель.

Тем временем флотилия вошла в гавань Пуэрто-Бедьо. Жители загодя бежали, и взору англичан предстали лишь пара десятков недостроенных домишек.

Генерал Томас Баскервиль, принявший на себя как старший по чину командование флотилией, распорядился положить тело Дрейка в свинцовый гроб. На борту флагманского "Дифайенса" собрались все капитаны, капеллан прочитал проповедь. Под звуки труб и пушечный салют гроб медленно опустили на дно бухты. Согласно одной из легенд о Дрейке, это произошло как раз в том самом месте, где некогда молодой Дрейк начинал свой путь к всемирной славе…

Рядом с затопленным гробом генерал Баскервиль затопил два самых ветхих судна флотилии, а также все захваченные испанские призы. Это была своеобразная языческая тризна по великому мореплавателю и флотоводцу, наверное, единственная в своем роде во всей мировой военно-морской истории.

Команды пребывали в самом подавленном состоянии. Какие там новые нападения, какие там сокровища! Если смерть забрала к себе самого великого счастливчика Дрейка, то что могут просить у Господа они, простые смертные! Общий глас был таков — домой!

Но обратный путь не обещал быть легким. Именно в это время Баскервиль получил сведения, что в Вест-Индию на перехват англичан послан большой испанский флот адмирала дона Бернардино Дельгадильо-и-Авельянеда. На совете капитанов прикинули, что, скорее всего, испанцы постараются подстеречь возвращающихся в Юкатанском проливе, через который обычно пролегают все маршруты из Вест-Индии в Европу.

— Нам надо во что бы то ни стало избежать встречи с испанцами! — объявил Баскервиль.

Перед переходом через Атлантику затопили несколько наиболее изношенных судов. Это позволило немного увеличить остальные команды. Оставшихся пленных просто высадили на берег.

Едва вышли в море, новая напасть — сильный шторм. В волнах погибли королевский галеон "Форсайт" и большое судно "Сьюзен Парнел", принадлежавший Левантийской компании. Несколько судов потерялись.

Когда шторм несколько стих, Баскервиль повернул на норд-вест к кубинскому мысу Сан-Антонио. Баскервиль намеревался

прорваться сквозь испанские заслоны вначале в Мексиканский залив, а уже из него в Атлантический океан.

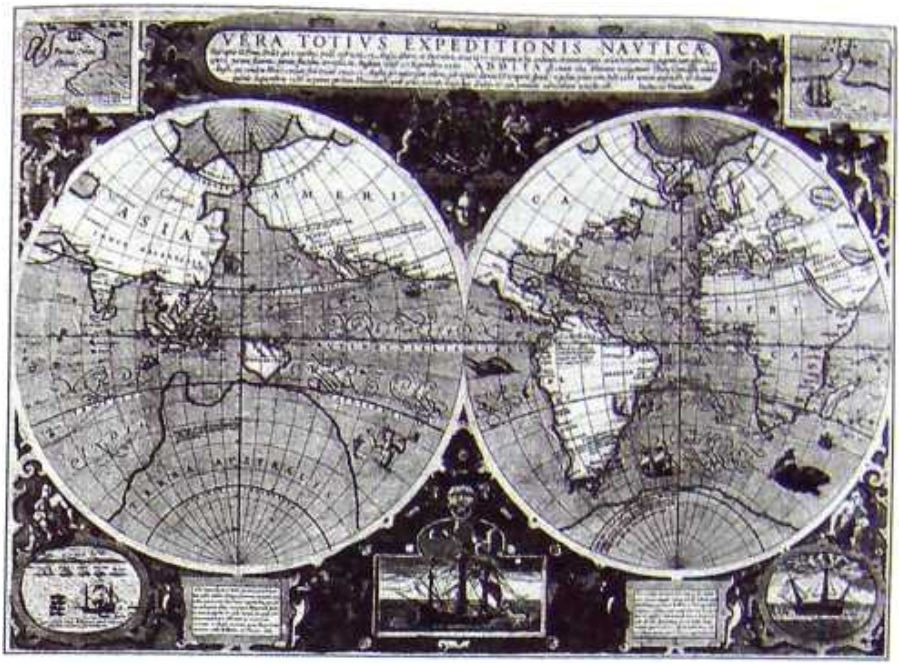
Но обмануть испанцев не удалось. Адмирал Авельянеда был слишком опытным, чтобы его можно было легко обмануть.

1 марта возле острова Пинос (современный Хувентуд) испанцы настигли англичан и атаковали их.

Баскервиль, имея на тот момент под своим началом всего два десятка вымпелов, разделил флотилию на две эскадры — авангард и арьергард. Достаточно умело маневрируя, вступил в сражение. После трехчасовой перестрелки, потеряв одно судно, англичанам все же удалось оторваться от противника. Дальнейшее плавание происходило уже без происшествий, и в конце апреля 1596 года вконец измученные моряки наконец-то достигли Плимута.

Новость о смерти великого Дрейка стала главной сенсацией 1596 года. Она быстро разнеслась по всему миру — от далеких чилийских берегов и вест-индийских островов до европейских столиц. Для Англии смерть ее кумира стала национальной трагедией. Страна погрузилась в траур. Что касается королевы, то она, получив печальное известие, даже прослезилась. Начинающий поэт Чарлз Фицджеффри в соответствии с вкусами того времени немедленно отозвался на злобу дня трогательной поэмой "Сэр Фрэнсис Дрейк: похвала его честной жизни и плач о его трагической смерти".

В Испании, наоборот, смерть Дрейка ознаменовалась настоящим праздником. В Севилье, к примеру, по этому случаю был организован грандиозный карнавал и праздничный фейерверк. Испанцы с удовольствием пересказывали слухи, будто проклятого Дракона привезли в Англию в бочке из-под пива. Когда же англичане попробовали то пиво, то сразу все умерли, ибо там оказался сильнейший яд, вот насколько ядовит был при жизни сам Дракон!



Карта мира с маршрутами плаваний Ф. Дрейка и Т. Кавендиша. 1595 г.

Великий Лопе де Вега откликнулся на смерть Дрейка эпической поэмой "Песнь о Драконе" (La Dragontea).

Король Филипп Второй, болевший в это время, получив известие о смерти своего самого заклятого врага, от радости быстро пошел на поправку. Окружающим он говорил с радостью:

— Сеньоры, я чувствую себя так хорошо, как никогда со времени Варфоломеевской ночи!

Что еще можно добавить к столь исчерпывающему признанию величия своего врага? Только то, что когда спустя год король Филипп умер, то в мавзолей дворца Эскориала его несли в гробу, вырезанном из киля одного из галеонов Счастливейшей Армады…

Эпилог

С того времени, когда жил, совершал свои плавания Фрэнсис Дрейк, минуло уже почти половина тысячелетия, но интерес к его личности жив и доныне. Не счесть научных трактатов, книг, фильмов и статей, посвященных Дрейку, причем не только в Англии, где его культ сохраняется и поныне, а по всему миру. Почему помнят Дрейка, ведь в истории мирового мореплавания было много других не менее интересных фигур? На мой взгляд, "феномен Дрейка" заключен не только в его заслугах перед человечеством и даже не в том, что именно он осуществил второе в истории человечества кругосветное плавание. Дрейк был человеком своей эпохи со всеми достоинствами и недостатками "джентльмена удачи" XVI века. Да, он был невероятно удачлив и богат, предприимчив и отважен, но не только.

Судя по всему, в жизни Дрейк был невероятно обаятельным человеком. Это обаяние видно даже на старых английских гравюрах. Он был обожаем своими матросами и офицерами, имел доброе сердце и почти никогда не проливал напрасно кровь. Удивляет и его уважительное отношение к противнику, всегдашнее желание облегчить участь своих пленников. Все это наряду с жаждой наживы, жесткостью в боях и замашками пирата создает удивительный образ человека, раздираемого страстями и находящегося в вечной борьбе добра и зла в своей душе. По-видимому, Дрейк, несмотря на всю свою набожность, был все же весьма суеверен (как и большинство моряков) и занимался определенными магическими практиками. Это создало вокруг него особую ауру таинственности. А сопутствующая Дрейку в большинстве случаев удача и быстрое обогащение создали славу великого колдуна и мага. Даже собственной смертью Дрейк уверил своих почитателей в своей таинственной необычности.

Сегодня в Англии Дрейк почти сказочный герой, как наш Илья Муромец или Добрыня Никитич. А поэтому совсем неудивительно, что англичане слагают о нем бесконечные легенды, где Дрейк предстает великим колдуном, провидцем и посланцем небес. Кстати, и в Испании до настоящего времени Дрейк также имеет статус сказочного героя. Но там он герой отрицательный — вместилище всех пороков и недостатков, вселенский злодей, настоящее исчадие ада, враг Господа и враг всех истинных католиков.

Для нас же Фрэнсис Дрейк — это прежде всего романтик эпохи Великих географических открытий, герой, переживший невероятные приключения, а также один из лучших моряков в

истории человечества.

Прямого потомства Дрейк не оставил. Подробности его личной жизни нам не слишком известны, но ни от первой, ни от второй жены детей у Дрейка не было. Отметим, что единственным душеприказчиком в своем завещании Дрейк указал своего брата Томаса. Вдова Дрейка Элизабет позднее пыталась оспорить завещание, но суд решил дело в пользу Томаса Дрейка.

Впоследствии жители Плимута увековечили память о своем великом земляке установлением памятника. Дрейк стоит во весь рост и смотрит в сторону моря, того моря, которое принесло ему славу и богатство, а потом и навсегда забрало его себе.

В наши дни английские и панамские археологи ведут поиск затопленных английских судов на дне залива Портобело в надежде отыскать не только их, но и последний гроб славного флотоводца. Как знать, может быть, пройдет совсем немного времени, и местные дайверы найдут знаменитый свинцовый гроб (согласно легенде, он был, разумеется, серебряным) великого мореплавателя.

До сих пор не стихают в Англии и разговоры о парадной шляпе Фрэнсиса Дрейка, украшенной именной подвеской из благородной розовой шпинели с гравированным изображением каравеллы. Эту шляпу Дрейк получил на свое 50-летие в подарок от королевы и очень ею гордился, надевая лишь в особо торжественных случаях. Согласно другой версии, шляпу с подвеской Дрейк получил от благодарных плимутцев. Шляпу Дрейка англичане ищут вот уже скоро пять веков, ибо существует поверье, что тот, кто наденет ее на свою голову, будет столь же удачлив и богат, как и ее первый обладатель.

Что касается "Золотой лани", то она несколько десятков лет стояла на приколе в Дептфорде. Любопытно, что У. Шекспир в одном из своих произведений мимоходом замечает, что лондонцы любили посещать знаменитое судно во время своих прогулок в воскресные дни.

Но, увы, в мире нет ничего вечного. Настал день, когда "Золотая лань" обветшала настолько, что грозила вот-вот затонуть. Тогда практичные лорды адмиралтейства разобрали "Лань" на сувениры.

До нашего времени сохранились лишь стол и кресло из каюты Дрейка. Впрочем, сейчас в Лондоне на приколе стоит реплика знаменитого судна, которое может посетить всякий желающий.

Впрочем, и в наше время Дрейк время от времени все еще напоминает о себе. Любопытно, что в 2006 году дальний потомок Джона Хокинса (а следовательно, и Дрейка) некто Эндрю Хокинс,

посвятивший свою жизнь гуманитарной деятельности в Африке, приехал в Гамбию и во время этнического фестиваля поднялся на сцену, связав себя цепями. "Наступила довольно неприятная тишина, — рассказывал Хокинс журналистам, — мы не знали, как может отреагировать 25-тысячная толпа. Однако вице-президент Гамбии поднялась на сцену и сказала, что "прощает" британцев". Таким образом, потомок Хокинса и Дрейка получил прощение за своих далеких предков, бывших не только прекрасными моряками, но и безжалостными работорговцами.

Не так давно в продажу поступила весьма популярная компьютерная игра под названием "Сокровища Дрейка". Согласно сюжету игры, в гробу Дрейка лежит карта, которая указывает остров, где спрятаны несметные сокровища, которые он награбил в своем последнем походе. Но это лишь игра. Как мы знаем, никаких реальных сокровищ в последнем походе Дрейк так и не захватил.

А несколько лет назад в Лондоне прошла выставка секретных бумаг британской разведки. На ней впервые были представлены донесения английского агента Уолсингема Стентона, который в 1587 году находился в Кадисе и информировал Дрейка обо всем, что там происходит. Так что история Дрейка еще далеко не закончена, и в тиши английских архивов исследователей будущего ждет немало интересных открытий.

Известный историк и беллетрист Мюллер В.К. отозвался о личности Дрейка следующим образом: "Грустно думать, что такие недюжинные, редкие силы ума, воли и той особенной веры в себя, которая подчиняет человеку других людей, ушли, по крайней мере, в своей значительной части, на пиратские набеги и приключения, говоря попросту — на грабежи, и что самая сильная и благородная страсть его жизни — море — постоянно соприкасалась с другой страстью — золотом. Живи он века на полтора-два позже, из него, вероятно, вышел бы гениальный исследователь неизвестных морей и стран. Впрочем, история никого не спрашивает, что ей делать. И кто знает, родись Дрейк в восемнадцатом или девятнадцатом веке, он, может быть, был бы лишен своей самой характерной черты, столь присущей людям Возрождения, — полной свободы духа и способности идти вперед, не оглядываясь назад".

Классик мировой военно-морской истории Альфред Штенцель характеризовал Дрейка так: "…Во время правления Елизаветы, которая всеми мерами поощряла торговлю и судоходство, появился целый ряд выдающихся мореплавателей, каковы Хокинс, Дрейк, Дэвис, Форбишер, Рейли и др., которым нередко представлялся случай отличаться в каперской войне, к

которой Елизавета всегда относилась сочувственно. Наиболее отличился в этой войне Фрэнсис Дрейк, чрезвычайно талантливый человек, прирожденный моряк, искусный мореплаватель, обладавший исключительной предприимчивостью и храбростью; вместе с тем это был человек с очень покладистой совестью, столько же мореплаватель, как и морской разбойник, чрезвычайно честолюбивый, надменный и малозаслуживавший доверия. Подобные люди в одно и то же время вели войну, разбойничали, производили торговые операции, делали открытия и занимались колонизацией".

На мой взгляд, наиболее полно и объективно охарактеризовал личность Фрэнсиса Дрейка его соотечественник, современный военно-морской историк Энтони Н. Райан: "Серьезное изучение походов Дрейка началось в конце XIX века, когда историки попытались поднять культурный уровень офицеров Королевского флота. Одновременно они попытались раскрыть наиболее просвещенной читающей публике основные принципы морской стратегии. Была сделана попытка увязать выводы, сделанные Дрейком, с великими стратегическими традициями британского флота. Фактически это была попытка написать некую нравоучительную историю с обязательной моралью. Сегодня историков больше интересует специфика морской войны XVI века на примере действий Дрейка и его современников. И когда начинаешь более тщательно рассматривать те далекие события, то сразу становится понятно, что по сравнению с профессиональными морскими офицерами, появившимися в XVIII веке, Фрэнсис Дрейк является пришельцем из совершенно иного мира… Сегодня, рассматривая события, что называется, задним числом, можно увидеть в действиях Дрейка ростки стратегической доктрины, которую три столетия спустя создали Альфред Тайер Мэхен и его последователи: "Первая и последняя линия обороны Англии проходит во вражеских водах". Однако такой угол зрения может привести к совершенно неправильной оценке поведения Дрейка в 1587 году. Возникает соблазн использовать для анализа еще неродившиеся в то время стратегические модели и провести четкое разграничение между Дрейком-адмиралом и Дрейком-пиратом. До тех пор пока государство не будет в состоянии создать профессиональный военный флот, оно будет вынуждено привлекать на помощь частных инвесторов. И до тех пор морская война будет вестись за счет противника ("Война кормит сама себя". — Наполеон). Другими словами, не может быть государственной службы без прибыли, несмотря на потенциальные разногласия между этими двумя целями. Так как в 1587 году просто не могло существовать

никаких штабов, Дрейк действовал, не опираясь ни на чьи советы, и добился стратегического и финансового успеха, полагаясь на собственную интуицию и способность обмануть врага".

Фрэнсис Дрейк ушел из жизни на пороге нового XVII столетия. Вместе с ним ушел старый XVI век, вместе с ним навсегда ушла эпоха Великих географических открытий. Со смертью Дрейка навсегда ушло и время Великих морских королей.